

КИТАЙСКИЙ ДНЕВНИК

Мистика. Экспериментальная проза

Оригинальный текст был записан в тетради формата А 4, 200 листов, со светло-красными пластиковыми корочками, на спирали. Страницы тонкие, в бледно-синюю клетку, без полей. Почерк убористый, аккуратный. Быстро пролистывая страницы, можно ощутить, что некоторые из них склеены. Между склеенных страниц обнаруживаются документы, относящиеся, очевидно, ко времени, предшествующему поездке Александра в Китай, и большинство из них написаны не его рукой. Мы приводим их здесь в виде приложений в том же порядке, в каком они встречаются в дневнике (расположение немного изменено). Некоторые документы удалось извлечь, остальные мы оставили заклеенными, так что приводим только текст, который удалось прочитать на просвет. В большинстве случаев орфография и пунктуация оригинала сохранены.

Издатель

Приложение 1

К внутренней стороне титульной корочки приклеен лист желтоватой бумаги с вкраплениями коричневого цвета. Клей отходит от пластика, и лист удаётся отлепить. На нём, смахнув прозрачные чешуйки клея, можно прочитать:

Бюджетное учреждение здравоохранения УР
Республиканский клинический онкологический диспансер
Министерства здравоохранения УР

СПРАВКА

Дана *Светлане Ивановне Бельх, 25 лет (09.01.1990 г.р.)*

В том, что он(а) находился(ась) на стационарном лечении в БУЗ УР «РКОД МЗ УР»

С 23.09.2010 (последняя цифра зачёркнута, подписано синей ручкой: 5) по _____
2010 (подписано: *настоящее время*)

Диагноз: *Острый лимфобластный лейкоз, Т-линейный вариант, I острый период.*

Проведено 8 курсов полихимиотерапии и 2 курса телегамматерапии. Состояние тяжёлое.

Зав. отделением (подписи и печати выцвели)

Автостоп

1

Всё началось с того, что в Китае я оказался без денег.

Во время попытки снять юани в одном из шанхайских банкоматов моя карточка оказалась заблокированной, так что я остался с той небольшой суммой наличных, которые остались с прошлой поездки. Поразмыслив, я решил, что этих денег мне хватит примерно недели на три, причём только на еду, и то если не шиковать, а устроить себе внеочередной пост. Ни о каких поездках по достопримечательностям речи идти не могло. Тем не менее, оставаться в промозглом и сером январском Шанхае я не планировал, да и жить тут в палатке, скитаясь по заброшенным стройкам, тоже не улыбалось. Изначально я собирался ехать в провинцию Юньнань, город Дали, который мне так настойчиво рекомендовали знакомые китайцы. Там немного теплее, погода лучше, да и в горной местности больших проблем со спонтанными ночёвками на свежем воздухе возникнуть не должно. Так что я решил не менять планов и двинуться в Дали автостопом.

Мне было двадцать шесть, в России я жил один на съёмной квартире, работал инженером и не торопился заводить семью, потому что путешествия были моим главным увлечением. Тем не менее, я не убеждённый автостопщик и рассматриваю этот вид

1

передвижения лишь как способ, продиктованный сложившимися обстоятельствами. Однако в автостопе много плюсов: так можно и подтянуть свой разговорный китайский, и завести новых друзей, и с почти полной гарантией «нарваться» на бесплатные угощения от водителей. В Китае же автостоп просто прекрасен, поскольку те водители, которые не боятся иностранцев (а таких год от года становится всё больше), всегда искренне рады попутчику с европейской внешностью, а владение государственным диалектом *путунхуа* способно расплавить сердце самого сурового китайца. Я уже ездил по Китаю автостопом во время предыдущих поездок, но всегда на небольшие расстояния, когда добирался до нецентральных мест, где движение общественного транспорта нерегулярно. Теперь же мне предстоял путь через несколько провинций, от восточного побережья до тибетских предгорий. Это одновременно и восхищало, и слегка пугало. Но выбор был сделан, и я, переночевав в доме моего шанхайского знакомого, добрался на метро до выезда из города и возле ворот, от которых начиналась платная высокоскоростная магистраль, стал стопить, ожидая, когда кто-нибудь в плотном потоке машин соизволит остановиться.

Мысленно я уже представлял себе, как буду перебираться на попутках из одного города в другой, от одной заправочной станции, где можно набрать воды, поесть лапши и договориться по поводу ночлега, до следующей... Путь вырисовывался довольно мучительный, но по-своему интересный. Однако моим ожиданиям, смешанным с лёгким налётом тревоги, не суждено было сбыться, потому что первый же водитель, предложивший мне свои услуги, как оказалось, направлялся напрямик в Дали, так что ему со мною было по пути. Я с радостью влез в просторный, густо пахнущий кожаным салоном белой Ауди производства Шанхайского машиностроительного завода.

Водитель был средних лет японцем, прекрасно говорящим на *путунхуа* (как иногда шутят любители китайского языка, «лучше самих китайцев»). Длинные смоляные волосы с проблесками серебряных нитей, острая бородка, большой шарф фисташкового цвета и изящное пальто – он был похож на художника или артиста. Он представился своим китайским именем Манфу, а его японское имя я так и не запомнил. Я при знакомстве тоже использовал своё китайское имя, данное пару лет назад одним знакомым из Поднебесной, – Аньпин. Своё русское имя Саша я практически не использую в Китае – всё равно мало кто может произнести его правильно (выходит, как правило, Ша-ша или Са-са), а полная форма имени – Александр – вообще повергает китайцев в нервный шок. Как поведал мне Манфу, в Шанхае он работал преподавателем китайского для иностранцев, поскольку в совершенстве владел китайским и английским языками, а также преподавал родной японский. Он был влюблён в китайскую культуру и не торопился домой, в Японию. По дороге он много шутил, читал мне наизусть выдержки из китайской классики, которые я мог понять лишь процентов на десять, а во время остановок в придорожных кафе развлекал всех окружающих, распевая любимые куплеты из пекинской оперы – кстати, довольно сносно и, насколько я мог судить, близко к оригиналу. Хотя китайцы, как известно, японцев недолюбливают, этот конкретный персонаж моментально способен был завоевать их искреннюю симпатию.

На мой вопрос, что же заставило его отправиться в столь дальний путь на машине, а не на самолёте или скоростном поезде, он ответил просто: близятся новогодние праздники, цены на билеты достаточно высоки, везде толпы, да и просто любит он автотуризм. Такой размеренный вид перемещения позволяет ему посмотреть на его любимую страну изнутри, проезжая через прекрасные места южного Китая: мимо окутанных вечными туманами Жёлтых гор, причудливых скалистых столбов Хунани и гротескных холмов Гуанси, рисовых террас Юаньяна и старинных городов на воде, мимо великих рек и озёр... На мой вопрос, почему он едет именно в Дали, последовал ответный вопрос японца: а почему туда еду я? К сожалению, на тот момент мне на ум пришла только плоская фраза:

– Знакомые из Шанхая сказали, что там очень красиво, самобытно... вот я и решил самостоятельно это проверить.

После этого разговор перешёл на тему автостопа, и я пустился в долгие объяснения,

связанные с загадочной блокировкой моей карточки. Мы вместе посмеялись над несовершенством банковской системы и над тем, что китайский банкомат заботливо не позволил мне тратить русские деньги за рубежом. Сам же Манфу ушёл от прямого ответа на вопрос, зачем он едет в Дали, лишь как-то в разговоре обронил случайное упоминание о друзьях, которые его там ждут.

2

Магистрали текли, как реки, и мы продвигались к нашей цели, ночуя в недорогих отельчиках или прямо в машине (я предпочитал ставить палатку в укромных местах, чтобы самому не тратить деньги и не позволить моему спутнику платить за меня в гостиницах). Питались мы в придорожных кафе и на заправках; выходили для разминки прогуляться возле интересных мест, попадавшихся нам по пути.

Горы становились выше, а погода лучше. Чем дальше от тихоокеанского побережья – тем меньше облаков. Название провинции Юньнань, в которой находился город Дали, буквально можно перевести как «облачный юг», однако, по сравнению с юго-восточным Китаем, это место достаточно солнечное. Облака здесь, конечно, есть, но практически не бывает той сплошной облачности и вечных дождей, которыми славятся, к примеру, Шанхай и округ Гуанси. В высокогорном Юньнани солнце красиво подсвечивает тучи, рвущиеся на скалистых гребнях; здесь царствует ветер и свежий воздух тибетского нагорья. Одним словом, у нас, утомлённых дорогой, настроение значительно улучшилось, когда мы покинули, наконец, зону влияния тихоокеанских муссонов и очутились в мире высоких гор. Мой японец продолжал балагурить, я старался не отставать от него, и оба мы, тренируя на ходу своё остроумие, были вполне довольны поездкой.

Когда я стал расспрашивать своего спутника о причинах такого повышенного интереса к китайскому языку и культуре, он оживился ещё больше – видно было, что я затронул его любимую тему.

– Вообще я из смешанной семьи, – поведал он. – Мой отец японец, а мать китайка, но обрадовал свет своим рождением я именно в Японии. Матушка и папа погибли во время крушения поезда. Тогда много мостов строили, гнали промышленность вперёд, а технологии были не самые... отработанные. После этого я от безвыходности – а что поделывать? – в возрасте шестнадцати лет начал работать и изучать язык матери. Цель у меня была одна: поехать в Китай. Всё потому, что меня тогда привлекал социалистически бум, развернувшийся в Поднебесной, и я хотел присоединиться к этому движению. Многие тогда стремились в Китай, но не всем удавалось сюда прорваться... Я отслужил в армии и получил право на выезд из страны. И так вышло, что я, воспользовавшись своим отчасти китайским происхождением, примкнул к группе японских социалистов, приехал в Китай и не уезжал отсюда в течение последних тридцати с лишним лет. Сначала потому, что японское правительство меня не особо жаловало, потом просто оттого, что прижился здесь. Всё ради китайского чая, конечно. Хах!

Он не то кашлянул, не то хохотнул и, немного помолчав, продолжил:

– Вообще говоря, в китайском меня всегда привлекала каллиграфия, *шу-фа*, – сказал он, быстро начертив пальцем в воздухе два иероглифа, соответствующие последнему слову. – Это древнее искусство, ни в чём не уступающее музыке или живописи. Китайский язык предоставляет огромное пространство для творчества, особенно когда пользуешься традиционными иероглифами. Порою один символ содержит в себе целую повесть, картину мира, а его соседство с другими проясняет эту картину, делает её ещё более насыщенной и увлекательной. Можно часами заниматься каллиграфией и забывать обо всём вокруг. Да, ещё тоническая система китайского языка! Она сродни живой поэзии и музыке. Это прекрасно. Сейчас я работаю преподавателем китайского языка, учу иностранцев, и для меня это замечательный шанс не только постоянно заниматься любимым делом, но и повод жить в Китае безвыездно! У меня, так скажем, двойное гражданство, и в современной политической ситуации, сколь бы далека она ни казалась от социалистических идеалов,

никто не сдерживает мою свободу.

Я задавал ему ещё какие-то вопросы, расспрашивал про отличия традиционного и упрощённого написания иероглифов, но видно было, что Манфу уже увлёкся и перешёл на уровень философских обобщений.

– Одним словом, – вещал он, очевидно, мысленно представляя себя за университетской кафедрой, – китайский язык для меня – это форма творчества. А для чего нужно творчество? Понятное дело, для удовольствия, об этом ещё греки писали... Но почему мы испытываем удовольствие, читая книгу, рассматривая пейзаж, слушая музыку?

С лукавой улыбкой он заглянул мне в глаза, но, прежде чем я успел что-либо ответить ему, он продолжил:

– Да потому что в этот момент мы прикасаемся к главному источнику жизни! А что такое этот источник? Это силовое поле, незримый стержень, пронзающий наш мир насквозь. – Манфу торжественно взглянул на меня. – Нет, не физика движет нами, не энергия солнца и не какие-либо из прочих телесных объяснений сущности жизни. Нами движет поэзия, вдохновение. Пока мы вдохновляемся чем-то, пока находим поэтический смысл в пробуждении по утрам, мы живы по-настоящему, мы находимся в гармонии с мировым током. Для чего рабочий идёт на завод, клепают там микросхемы – скучнейшее занятие?! Хах! – он снова не то кашлянул, не то хохотнул, и так резко, что я выпрямился на скрипучем кожаном кресле. – Всё это для того, чтобы дать возможность трудиться поэтам и художникам, которые сами клепать микросхемы не умеют, но микросхемы нужны теперь, в нашей современной реальности, для их существования. Рабочий и не догадывается о своей священной миссии, но чувствует, что его труд имеет некий неосознаваемый духовный смысл. Каждый вид творчества – прикосновение к мировой песне, каждое творение наших рук – это знак того, что магическая сила поэзии прошла сквозь нас. А без этого мы не больше чем животные. Я говорю это совершенно объективно, это надо принимать как факт и постоянно творить, даже если кажется, что никому, кроме тебя, это не нужно. Но только так можно впустить поэзию в наш грешный мир, натянуть силовые линии! Вот я и занимаюсь каллиграфией. Никому до моих каракулей дела нет, но в момент творчества я ощущаю, что поэзия краешком коснулась меня, и это хорошо. Я же преподаватель. Я потом этот заряд передам своим студентам. А они ещё кому-нибудь. А потом родится гений, получит этот заряд и вспомнит о своём предназначении... И опять поэзия царствует на земле!

Эта увлечённая тирада, снабжённая кучей метких сравнений и остроумных вставок, которые я сейчас упускаю, чтобы передать только самую суть разговора, запомнилась мне надолго. В теории японца не было абсолютно ничего достоверного, она была антинаучна, в чём, пожалуй, и состояла её притягательность. Я радостно смеялся, слушая моего оратора, кивал головой – и не из дежурной вежливости, а потому что очень уж хотелось во всём согласиться с этим увлечённым лектором.

– Вот ты, например, к какому виду творчества имеешь тягу? – спросил он, весело поглядывая на меня.

– Сложный вопрос, – замялся я, а потом со смехом сказал: – Я – это рабочий из твоей притчи. Не творю ничего небывалого, но открываю дорогу для других. Пусть его творят, мне и моя работа по душе.

Это признание встретило одобрение, хотя Манфу и отметил, что я, возможно, сам ещё не знаю о скрытых во мне талантах. Но если у меня вдруг появится тяга к чему-то, кроме заводской инженерии, я должен пообещать ему, что постараюсь развить в себе эту тягу и буду учиться творческому ремеслу, к которому проявил интерес. Я дал своё согласие.

Когда Манфу закончил повествование об основах мироздания, мы некоторое время ехали в молчании. Заметно было, что на его лицо легла тень задумчивости, даже морщинки по краям щёк потемнели. Он слегка закусил нижнюю губу, словно бы размышляя, сказать или не сказать что-то ещё напоследок. В конце концов он вздохнул, запрокинул голову и изрёк:

– Мои друзья – все безусловные поэты. В смысле те друзья, которые ждут в Дали.

Они обосновались в чудном местечке в горной местности, такой хорошенький дом, недавно отреставрированный. Летом туда туристов водят, корейцам очень нравится. А раньше там монахи, говорят, жил. Но я так думаю, для монаха очень уж шикарно. Скорее всего, семья жила зажиточная, а на отшибе – потому что торговали они, как мне думается, лесом. Рубили и потом в город спускали с горы. Такие дела. Я пока не знаю, много ли там у них народу собралось сейчас. Позвонить не могу, у них там со связью проблемы – ну горы же всё-таки... Если там есть свободное место, а оно, я почти уверен, будет, я тебе сообщу потом. Выйду на место, где телефон сеть ловит, и позвоню. Можешь приехать, пожить. Думаю, не пожалеешь. Там все такие же безумные, как и я, даже хуже... – Он подмигнул мне. – Но я самый вредный. Хах! Но раз ты меня вытерпел, то и их тоже перетерпишь, я надеюсь.

Я, конечно, выразил безусловный интерес и готовность навестить друзей Манфу, заранее поблагодарил японца за гостеприимство, хотя сильно не надеялся, что это обещание будет исполнено. Общение с восточными людьми приучило меня не верить обещаниям, пока они действительно не будут исполнены. Но идея пожить в историческом доме в горах была очень заманчивой, и я надеялся, что Манфу вспомнит про меня и, если представится возможность, устроит на постой.

В город Дали мы приехали под вечер. Моросил промозглый зимний дождик, и это стало неприятной неожиданностью. Белые стены невысоких домов старого города уже подёрнулись дымкой сумеречного полумрака, а близкие горы, возвышавшиеся над изгибами пёстрых крыш, сливались с серой хмарью низких облаков. Здесь японец заявил, что оплатит мне ночь в отеле. Если завтра ничего не получится с проживанием в горном домике, то я могу действовать по своему усмотрению – жить в палатке или в хостеле, – но после долгой дороги я должен нормально отдохнуть. Сам же он, не задерживаясь в городе, оставил машину на стоянке и пересел на такси. В горах не было возможности припарковаться на длительный срок, да и таксист знал местность лучше. Манфу махнул мне рукой через ветровое стекло такси и поехал в горы, надеясь до сумерек добраться к своим друзьям.

3

Отельчик оказался вполне уютный. Моя комната была под самой крышей, так что из окна были видны сумрачные горы, к подножию которых жались улицы старинного города, уже освещённые фонарями, будто нитями янтарных бус. Хозяйка – молодая и привлекательная китайка, и перед сном я счёл долгом пообщаться с ней. Она была очень приветлива, угостила меня местной абрикосовой наливкой, но все мои попытки слегка за ней поухаживать не нашли отклика. Зато, в качестве компенсации, она разрешила мне на следующий день взять её велосипед, чтобы с ветерком прокатиться возле озера Эрхай.

Поскольку я не знал, пригласит ли меня Манфу в горный домик, я не мог заранее спланировать, где я проведу следующую ночь. Я решил до вечера исследовать окрестности, а потом забрать рюкзак из отеля и отправиться ночевать в палатке где-нибудь на отшибе.

Следующий день был не по-юньнаньски облачным, но солнце всё же появлялось порою, безуспешно пытаясь разогнать облака. Дождя не было, но воздух был очень влажным. Проехав на хозяйкином велосипеде через квадратный старый город и покинув его украшенные сторожевыми башнями древние стены, я добрался до озера и вместе с редкими туристами, которые, главным образом, ездили на вездесущих китайских мопедах, я отправился обозревать окрестности.

Само озеро Эрхай считается особенно красивым. Действительно, и его похожие на полумесяц очертания, и причудливые затопленные деревья у берегов, и горы, окружающие озеро, создавали умиротворяющую картину. По берегам раскинулись поля и деревни, можно было наблюдать за бытом современных китайских крестьян – как они, например, сажают овощи и одновременно разговаривают по огромным, похожим на лопаты, смартфонам, прижимая их к уху плечом... Больше всего мне запомнились деревенские храмы, где возле статуй божественных предков и покровителей – по большей части, животных с человеческими очертаниями тел, – стояли красные свечи и тлеющие сигареты на фильтрах.

Эти нюансы, связанные с местными религиями, всегда вызывали у меня ступор, потому что я, привыкший к благообразию православных церквей, как-то не приучен ни к статуям животных в храме, ни к сигаретам вместо свечек; тем более что сам не курю, а моя богобоязненная бабушка с детства внушила мне, что сигареты – это «свечки сатане». Но старушки в храмах почитают сигаретки на уровне свечей и нисколько не гнушаются ими, а, напротив, заботливо раскуривают потухшие папироски...

Я собирался проехать ещё дальше, а потом вернуться назад по трассе, когда мой телефон неожиданно завибрировал. Звонил Манфу. Он заговорил со мной непривычно-деловым тоном и сразу перешёл к делу:

– Как я понял, ты не против горных походов... Значит так, записывай, как добраться до дома, – сказал он вместо приветствия.

Едва не подпрыгнув от радости, я вытащил записную книжку и стал неряшливыми иероглифами, смешанными с русскими словами, наскоро записывать мудрёный маршрут.

К нужному мне месту вели две дороги – пешая и асфальтированная. Трасса была очень длинной, шла серпантинном, но до самого места назначения всё-таки не доходила, так что последние километры нужно было пройти пешком. Удобнее и быстрее было идти по склону горы напрямик, через старое буддийское кладбище и лес. Тропинка, как мне пообещал Манфу, хорошо протоптана теми, кто восходит на гору, пренебрегая услугами канатной дороги. Быстрый подъём по довольно крутому, но вполне безопасному склону, в котором утопали гранитные плиты разрушенной каменной лестницы, должен был привести меня на высоту около двух с половиной тысяч метров над уровнем моря. Учитывая, что сам город находился на высоте больше километра, такой подъём можно было осуществить в течение пары-тройки часов, так что я не спорил. Потом надо было пройти по горной дороге, где обычно гуляют туристы, до небольшой развилки, ведущей к одному из гротов. Сейчас, зимой, путь к гроту, скорее всего, будет перекрыт, там дежурят охранники, но им нужно сказать, что я иду в «Дом весеннего снега» по приглашению некоего Вана Юпина, после этого охранники должны пропустить.

Я поблагодарил Манфу и помчался на велосипеде в обратном направлении. Было уже за полдень, а путь предстоял неблизкий.

Приложение 2

Две страницы склеены, но сквозь бумагу при хорошем освещении можно разглядеть цветную фотографию размерами 10 на 15 см. На фотографии видны контуры лица, вероятно, женского, хотя на голове у человека нет волос. За плечами человека видна верхняя часть подушки и металлическая спинка кровати. Ниже очень тонкой и оттого, кажется, слишком длинной шеи выступают обтянутые кожей ключицы. Виден пожелтевший ворот ночной рубашки с маленькими пандами на зелёных бамбуковых стволах. Глаза человека окружены тёмно-сиреневыми кругами, а нижнюю часть очень бледного лица видно плохо, потому что по нему размазано мутное пятно – клей или краска. Пятно, похоже, пытались убрать, но вместе с ним стёрли и часть лица.

Оборотная сторона фотографии заполнена отрывистыми буквами (почерк не Александра), которые, если смотреть на просвет, складываются в следующие слова:

Приветтики, Сажса-сан (да, я помню, что это по-японски, а ты у нас какбэ кетаяц 😊). Ну мне всё равно так больше нравится). Как и договаривались на прошлом партизанском совете, илю тебе моё больничное селфи. Мама распечатала фотку, и я на ней пишу (в смысле не на маме, а на фотке). По правде, если бы не обещала, не прислала бы. Я бледная поганка. Ну, без волос ты меня уже видел, я маму заранее попросила меня побрить... Короче, мне стало легче, белогвардейцы выпустили из плена на день, мама повезла меня на прогулку. Ехали по центру, и в витрине были манекены. Пока были в пробке, я долго смотрела на один, почти без одежды (манекен без одежды, а не я). Гладкий пластиковый череп, углубления на месте глаз. Моё отражение маячило в стекле и накладывалось на манекен. Я почти поверила, что мы с ним – одно и то же. Теперь, когда смотрюсь в зеркало, вижу не себя, а его. Белый-белый лысый манекен с тенями вместо глаз. Я манекен, Сажса-сан. Не люби меня больше.

Последние строки, едва уместившиеся на оборотной стороне фотографии, расплываются.

Терем в горах

1

Добравшись до отеля, я попрощался с хозяйкой (она, в лучших традициях китайского гостеприимства, дала мне в путь рисовый хлеб, ею же самой испечённый), забрал рюкзак и, уточнив, как мне выйти на дорогу, ведущую в горы, отправился на поиски загадочного дома. Мой путь лежал через весь старый город Дали, мимо туристических кафе и лавок с сувенирами, мимо банков и исторических зданий, внешний вид которых заметно портила недавняя реставрация, уничтожившая ощущение подлинной древности. Старый город был заключён внутри крепостных стен, правильным четырёхугольником обступивших средневековые улицы и дома.

Стояла зима и было прохладно, но туристы встречались в изобилии, в том числе иностранцы. В Дали вообще много иностранцев – настолько, что одна из главных улиц даже названа в их честь – *Проспект чужеземцев*. Старый город Дали – место, действительно, колоритное и запоминающееся, хотя чересчур «отуристиченное», на мой взгляд. Мне больше нравятся менее «цивилизованные» местечки, где можно увидеть настоящую жизнь, не подкрашенную плодами туриндустрии.

Я шёл быстро, и старый город струился мимо меня пёстрым потоком стен, деревьев и лиц. Выйдя через противоположные ворота, каменные и массивные, снабжённые приплюснутой сторожевой башней, я перешёл через оживлённую трассу. Местность стала заметно возвышаться, брусчатка словно сама кидалась под ноги. То и дело попадались школы с сохранившимися со времён культурной революции лозунгами, жилые здания и отели, теснившиеся у подножия гор. Горы, действительно, были очень близко, серо-синими стенами возвышаясь над домами. Горы Цан весьма примечательны: их контуры напоминают симметричные треугольники, возвышающиеся один над другим, так что складывается впечатление, что горы возносятся циклопическими пластами, и каждый новый, более объёмный пласт, повторяет контуры предыдущего. В облачную погоду горы похожи на череду сине-серых теней, возвышающихся над городом, а тёмные облака сливаются с их вершинами, повторяя причудливый контур, так что кажется, что горы бесконечно высоки.

Покинув, наконец, пределы города, я вошёл в неухоженный лес, где субтропические растения, бледные и жалкие зимой, терялись в чаще сосновых ветвей. Тропа вела вверх, и вскоре я оказался на территории старого китайского кладбища, где ветхие каменные надгробия, испятнанные лишайником, проглядывали сквозь заросли, как кривые великаны зубы, и унылой вереницей сползали по склону горы.

В Китае всё сосуществует по соседству: туристическая тропа и кладбище, магистрали и грядки, чайные плантации и заводы, люди и домашний скот. В этой перенаселённой стране, кажется, совсем не осталось необжитых территорий, но на поверку эта догадка оказывается неверна: здесь всегда можно найти уединённое местечко, потому что китайцы – великие коллективисты, они не ходят поодиночке и избегают безлюдных мест, поэтому их либо сразу очень много, либо совсем нет ни души. На заброшенном кладбище в тот день не было людей, только в самом начале я встретил небольшую группу пожилых китайцев, совершавших оздоровительный променады.

Тропа петляла между надгробий, порою сливалась с руслом пересохших горных ручьёв, порой разветвлялась, но неизменно вела наверх. Подъём был достаточно крутым, но из-за обилия корней и камней не очень сложным. Временами тропа расширялась и становилась лестницей, сложенной в незапамятные времена из едва обтёсанных булыжников. Только лестница и напоминала о том, что когда-то здесь проходил более популярный маршрут, утративший своё значение с появлением канатной дороги. Но ехать

на подъёмнике я счёл неспортивным и дорогим способом, да и верхняя станция находилась на значительном удалении от того места, куда я планировал попасть сегодня до наступления ночи.

Вскоре стали попадаться первые пятна снега, мокрого и некрасивого. Потом пятна разрослись в целые полянки, а на ветвях заблестели тяжёлые белые комки. Между тем свет солнца, невидимого за плотной завесой облаков, становился всё тусклее, надвигались ранние январские сумерки. В пять вечера, когда в густом лесу стало темно, я добрался до первого молельного домика, каких множество в горах Цан. Покатая крыша домика была густо заснежена, на пороге образовался мокрый сугроб, а внутри, как в тёмной нише, виднелась облупленная статуя буддийской богини. Второй такой домик был жилищем для статуи воина. Было видно, что места эти посещаются не так часто: на полу скопился ворох сосновых игл, а огарки сандаловых свечек давно сгнили.

Уже порядком уставший, я добрался до горного храма, от которого начиналась относительно пологая и ровная дорожка. Храм за оградой выделялся на чёрно-белом пространстве своими растрескавшимися стенами, украшенными большим багрово-белым символом *Инь-Ян*. Вход в сам храм, несмотря на выцветшую вывеску «Welcome», был заколочен на зиму.

Отдохнув возле толстого *будая* с приоткрытым в широкой плетеной улыбке ртом, я двинулся дальше. На потрескавшемся туристическом указателе, хранившем на себе следы всех стихий, я отыскал название нужного мне грота – типично-китайское: «Глаз Дракона».

До грота было около километра, и через некоторое время, озираясь в густых, промозглых сумерках, я добрался до поворота, ведущего к самой достопримечательности. На дороге, узкой и неровной, скопились кучки сырого снега. Ботинки начали промокать, и я уже с нетерпением ждал, когда же, наконец, я доберусь до конечной точки – заветного дома в горах. По пути пару раз встретились стайки китайских туристов, спешивших к станции подъёмника. Пришлось зажмуриться, чтобы свет их фонариков не чиркнул мне по глазам, только начинавшим привыкать к темноте.

Проход к гроту был закрыт: между сосновыми стволами кто-то растянул колючую проволоку, старательно накидав на неё колючие ветви в попытке замаскировать это уродливое препятствие. Я пролез под проволокой и собрался уже двинуться вперёд, но услышал рядом с собой голоса. Надежда проскользнуть незамеченным растаяла, меня засекли: двое встревоженных китайцев в видавших виды армейских ватниках направлялись ко мне. Один из них в момент моего появления чистил зубы, и от удивления так и забыл достать щётку изо рта. Оба замахали мне руками, показывая, что проход закрыт и я должен вернуться на основную дорогу. Я спросил, почему закрыли проход, на что получил ответ: возле грота опасно, там лежит снег, можно поскользнуться и упасть. Такой ответ можно услышать, наверное, только в Китае, где торжествует излишняя, на мой взгляд, осторожность, граничащая с каким-то паническим страхом всего, что может представлять угрозу для здоровья туриста. Мне сразу вспомнились многочисленные вывески в других туристических местах возле полупересохших речек глубиной с фалангу пальца, предупреждавшие о том, что вода глубокая, можно упасть и утонуть...

Было видно, что охранники настроились серьёзно и просто так мне не пройти. Честно говоря, мне почему-то не очень хотелось посвящать их в истинные цели моего прибытия сюда: было какое-то подсознательное ощущение тайны, связанной с тем местом, куда я направляюсь. Но делать было нечего. Вздохнув, я сообщил охранникам:

– Вообще-то я не собираюсь идти к Глазу Дракона, тем более на ночь глядя. Я иду в «Дом весеннего снега», меня пригласил мой друг, господин Ван. Ван Юпин.

Фраза подействовала магическим образом: охранники перестали махать руками и лопотать про опасности, коверкая своим неряшливым произношением слова мандаринского диалекта. Они переглянулись и, ни слова не говоря, дружно указали на мощённую булыжниками тропинку, ведущую мимо их сторожки в кедровую или сосновую (я и так эти деревья слабо различаю, а в сумерках и подавно) рощу.

Миновав сторожку и пройдя с полчаса по редкому лесу, я оказался в тростниковых зарослях, шуршащими стенами обступивших тропинку. В этом живом коридоре было настолько темно, что пришлось включить фонарик на телефоне, и его луч своим резким светом на время ослепил меня.

Когда зрение вернулось, я различил маленькие деревянные таблички, проволокой прикреплённые к тростниковым стеблям. На табличках были вырезаны надписи на разных языках, повторявшие, очевидно, одну и ту же фразу. Был и вариант на русском: «Дует фиалковый ветер, и сквозь весенний снег прорастает поэзия». Звучало многообещающе, хотя что-нибудь в стиле «Инженерия – мать мироздания» меня бы воодушевило сильнее. Я неспешно двинулся вдоль тростниковых стен, обращая внимание на то, что под ногами, вмонтированный в цемент и окружённый некрасивыми булыжниками, то и дело попадался символ *Инь-Ян*, но не в виде круга, а в виде красно-белого треугольника, причём красные и белые точки были заменены белой звездой и алым крестиком. Символика показалась мне достаточно прозрачной, и впервые я почувствовал укол тревоги: мне вовсе не хотелось заводить знакомство с сектантами-экуменистами или сторонниками движения «New Age». Но не возвращаться же назад! Я решил, что вряд ли эти люди вздумают принести меня в жертву своим богам, а опыт общения с сектантами не так мучителен, если они предоставляют питание и кров.

Тростник начал редеть, и я услышал глухие голоса, смешавшиеся с шёпотом зимних стеблей. Впереди замычал свет, от которого сумрачные тени сделались ещё гуще, и я то и дело спотыкался. Голоса становились громче; судя по напевному звучанию тонического языка, говорили по-китайски, но слов разобрать было нельзя.

Пройдя под старыми каменными воротами, оплетёнными мёртвыми жилами летних вьюнов, я вышел на открытую местность. Передо мною был расчищенный от растительности дворик с круглым каменным столиком и сиденьями-бочонками. Посередине находилась овальная клумба, на которой возвышался небольшой сугроб, а за клумбой светились окна и дверной проём большого дома. В темноте рассмотреть что-либо отчётливо было сложно, но всё же я смог составить для себя общее впечатление об этом строении. Это был настоящий китайский терем, деревянный и изящный. Его этажи были украшены покатыми крышами-козырьками, покрытыми округлой черепицей, свет из окон выхватывал из сумрака резные ставни и красные занавески, а через открытую дверь виднелся просторный холл на первом этаже, по которому передвигались человеческие фигуры. Одна из них приблизилась к дверному проёму и встала передо мной. Это явно был не Манфу, но очертания лица были неразличимы, потому что резкий свет за спиной человека бил мне в глаза, вырисовывая лишь смутный силуэт. Фигура сделала ещё шаг мне на встречу и приветливо махнула рукой. Человек обернулся и по-китайски, но с сильным ближневосточным акцентом, крикнул людям, находившимся в холле:

– Русский пожаловал!

2

Вооружённый самой искренней из своих улыбок, я приблизился к человеку и поздоровался. Теперь я мог разглядеть его лицо. Это был высокий и худой мужчина средних лет, но внешность его меня немного смутила. Он не был ни европейцем, ни китайцем, скорее походил на араба. И одет он был в просторную серую джалабию и узорчатую тубетейку. В руке он держал коричневые мусульманские чётки. Его улыбка была приветливой, но глаза не улыбались; их выражение сохраняло задумчивость и, как мне показалось, затаённую грусть. Очень деликатно он подхватил меня под локоть и ввёл в дом.

В холле всё было обставлено в лучших традициях китайской культуры. На деревянных стенах висели побитые рыжими пятнышками прошлогодней плесени полотна с изображением горы Хуаншань, в углах стояли причудливые камни и вазы с засушенными лотосами, в центре возвышался небольшой керамический бассейн-ваза с красными рыбками (у меня всегда вызывала восхищение их живучесть и активность в зимний период,

когда поверхность воды подёргивается тонкой корочкой льда), а возле него – длинный стол, уставленный предметами для чайной церемонии. Всюду веял запах сырой древесины и чая с тонким привкусом сандаловых духов.

За столом на низеньких деревянных стульях, имитирующих узловатые пеньки, сидели три человека. Двое, мужчина и женщина лет тридцати, одетые в бледно-алые костюмы *хань-фу*, явно были китайцами, а третий оказался моим знакомым японцем. Манфу замахал руками так сильно, словно переполнившая его радость вдруг изверглась из него, а китайцы с приветливыми лицами молча разглядывали меня.

Манфу привстал и, пододвинув к столу ещё один «пенёк», пригласил меня присоединиться к их компании, отдохнуть и согреться с дороги. По правде говоря, согреться в доме с открытой дверью было непросто. Из рта при дыхании шёл пар, а все присутствующие то и дело дышали на руки. Встретивший меня человек с внешностью араба, сев за стол, завернулся в стёганое бежевое одеяло и стал похож на чудо-гусеницу; Манфу, сидевший в плотном зимнем пальто, обернул трижды вокруг шеи полосатый шарф и напоминал растрёпанного филина, а большие очки, которые он нацепил на нос, только усиливали сходство; одни только китайцы мужественно терпели холод и лишь время от времени поёживались. Это кажется удивительным, но китайская приспособленность к холоду гораздо выше, чем у русских. Они способны выдерживать температуры, в которых мы уже готовы обнимать батарею.

Понимая, что никто больше этого не сделает, я закрыл входную дверь.

За столом было немного теплее, потому что в ногах стоял железный таз с тлеющими бамбуковыми углями. Горячий юньнаньский чай в крошечных чашечках имел странный привкус, но согревал неплохо, так что я потихоньку начал расслабляться и впадать в умиротворённо-сонное состояние.

Между тем все взоры обратились ко мне. Манфу, с внезапной гордостью объявивший, что я могу говорить по-китайски и способен поддержать разговор, представил мне собравшихся. Китайку звали Син Чен, а китайца Чуань Дзон (могу только догадываться, какими иероглифами можно записать их имена). Манфу сказал, что в зимний период они являются смотрителями дома. Летом, с приходом туристического сезона, когда дом превращается в небольшой музей-отель, у них появляются помощники – главным образом, студенты из местного университета. Китайцы показались мне немного необычными, потому что вместо свойственной большинству их соотечественников словоохотливости их отличала тихая задумчивость. Они сдержанно слушали Манфу, время от времени вставляли одно-два слова и мило улыбались. Было видно, что они не из тех китайцев, которые просят сфотографироваться с иностранцем и громко кричат о достоинствах лапши, которую ели утром. Кутающийся в безразмерное одеяло их ближневосточный друг оказался иранцем по имени Хуршид.

В этой небольшой, но колоритной компании, несмотря на холод, было как-то спокойно и уютно. В неспешной умиротворённости Син Чен разливала по чашечкам чай, не забывая поливать остатками и излишками медную фигурку трёхлапой жабы на чайном столике; велись неспешные разговоры на темы, связанные с незнакомыми мне людьми и ситуациями. Хозяева словно бы уже привыкли ко мне, я стал частью их компании, поэтому разговоры продолжали течь так же непринуждённо, как и до моего прихода. Можно было поддержать беседу, а можно было просто сидеть и слушать. Поскольку я часто терял нить разговора, путаясь в незнакомых словах и именах, я предпочитал молчать. Молчал и иранец Хуршид, закутавшийся в одеяло так, что наружу торчали лишь его ближневосточный нос и длинные пальцы смуглых рук, державшие чашечку. Может быть, его китайский, как и мой, был далёк от совершенства, а может быть, он по натуре своей был молчаливым человеком. Основное содержание беседы сводилось к чисто бытовым темам: плата по счетам за электроэнергию, составление графика мероприятий для туристов на лето, размещение рекламы в Вичате... В какой-то момент Чуань Дзон тихо встал и ушёл в другую часть дома, а через некоторое время вернулся с подносом, на котором дымились четыре порции

китайских пельменей с бульоном. Ощувив запах еды, я понял, что основательно проголодался, а чай лишь на время притупил чувство голода.

Поев, я почувствовал прилив сил и, поскольку мои новые знакомые не торопились расходиться, решил присоединиться к их беседе и сидел, выжидая удобного момента. Тут Манфу сам повернул разговор ко мне:

– Вот у нашего русского друга тоже, наверное, созрели какие-то вопросы или даже предложения. Как видишь, Аньпин, у моих друзей тут небольшой бизнес, связанный с популяризацией местной культуры и с привлечением постояльцев в этот дом. Ещё они занимаются монтажом рекламных роликов о здешних красотах, пишут статьи о традиционной культуре Дали и так далее. Не самый прибыльный, но, скажем так, благородный бизнес. Так вот, ты тоже, если будет желание, можешь присоединиться к их проектам. Как я понимаю, тебе интересна китайская культура, ты мог бы, к примеру, писать статьи, в которых ты излагаешь свою точку зрения на то, что видишь. Эта точка зрения важна для нас, потому что это как бы взгляд извне, нестандартный подход. Хах! Ну и заработать так, естественно, тоже возможно, тем более тебе с твоей европейской внешностью и знанием языка.

Я почувствовал лёгкий укол разочарования. Естественно, китайцы – большие прагматики, и никогда ничего не будут делать просто так; помогая тебе, они, как правило, преследуют какую-то выгоду для себя. Даже на дороге, подвозя тебя на машине и угощая в кафе, они делают это не только из желания помочь, но и из стремления продемонстрировать своё гостеприимство и достаток, а позже показать своим приятелям фотографии с другом-лаоваем. Конечно, встречаются и люди бескорыстной доброты, но так бывает не часто. После того, как Манфу заговорил о том, какую пользу я мог бы принести обитателям дома, таинственная дымка, окружавшая терем в горах, вдруг стала казаться мне куда менее манящей и загадочной. Тем не менее, вежливо улыбнувшись, я выразил готовность к содействию – в конце концов, предложение было по-своему интересным.

Увидев мою готовность сотрудничать, к разговору подключились китайцы и стали рассказывать мне про архитектурные особенности дома, в котором мы находились.

– Здесь четыре этажа, – начала Син Чен. Она говорила медленно и понятно, что выдавало в ней человека с образованием. – Мы живём в комнатах на втором, там зимой теплее, а весной суше. Тебя тоже туда поселим. Дому больше трёхсот лет, он действительно старый, хотя этого сейчас и не заметно после реставрации. История дома запутанная, мы до сих пор точно не знаем, кто его построил и кто тут жил. Поэтому для туристов разработана версия про уединившегося здесь буддийского монаха и его учеников; это работает беспроблемно, хотя и является фикцией. Самое важное – архитектурные особенности дома. В целом он вписывается в местный стиль, характерный для исторической части Дали, однако первый этаж выполнен в совершенно ином духе, он больше напоминает дома зажиточных семейств в Хуэйчжоу, исторической местности в провинции Аньхуэй. Как видишь, холл достаточно большой, а устройство балок под потолком, резьба на соединяющих элементах, выполненные из цельных деревьев деревянные колонны, которые поддерживают потолок, – всё это в точности соответствует стилю Хуэйчжоу. Мы думаем, здесь могла жить богатая семья, приехавшая сюда с востока страны и попытавшаяся воспроизвести архитектурные черты, свойственные их малой родине. Даже вот это окно в крыше, – Син Чен указала на большой прямоугольный проём в потолке. На эту значимую деталь я до сих пор не обратил внимания, потому что ни разу не потрудился поднять голову. Теперь стало понятно, откуда берётся сквозняк, гуляющий по дому, несмотря на закрытые двери. – Форма окна и его расположение соответствуют хуэйчжоускому стилю, в домах Дали такого не увидишь. Так что в целом дом представляет собой историческую и архитектурную головоломку, которую никто ещё не потрудился разгадать. Мы тут не историки, у нас нет ни фактов, ни документов. Настоящие же историки не интересуются этим домом, потому что для них это слишком маленький и потому неинтересный и не показательный фрагмент прошлого, они ловят рыбку покрупнее. Наша цель проста и никак

не связана с реальной историей: создать такую легенду об этом доме, которую можно бы было продать туристам. Этим и занимаемся.

Син Чен улыбнулась одним уголком губ, демонстрируя своим видом, что не в восторге от такой обязанности. Чуань Дзон отпустил какую-то шутку, которую я не понял, и сам же рассмеялся. Силясь стряхнуть с себя сонливость и делая попытку изобразить заинтересованность, я задал прямой вопрос:

– Если вам кажется неинтересным ваша бизнес-задача, зачем же вы тут работаете? На мой взгляд, вы вообще не похожи на турагентов.

Китайцы, будто хитрые котята, с улыбкой переглянулись, потом вдруг разом приняли серьёзное выражение лиц: похоже, я задел ключевую тему. Мне ответил Чуань Дзон. Он говорил медленно, как бы подбирая слова и одновременно желая удостовериться в том, что иностранец понимает (по правде говоря, его речь была не очень разборчива из-за диалектных вкраплений: звук «л» он почти не выговаривал, заменяя его на гнусавое «н», а «ш» произносил почти как «с»; затрудняло понимание и обилие слов-паразитов):

– То, чем мы занимаемся здесь, скажем так, лишь внешне связано с туристическим бизнесом. Это, скажем так, средство заработка и... маскировки, знаешь ли.

На этом месте Хуршид немного оживился, и вслед за носом из-под одеяла выглянула часть его смуглого лица с глубокими морщинами, не соответствовавшими его молодавому телосложению. Манфу тоже подался вперёд и с интересом уставился на Чуань Дзона, словно в ожидании увлекательной истории.

Китаец продолжал:

– Манфу, наверное, уже рассказал тебе, что этот дом – особенный, знаешь ли. И не только в архитектуре тут дело. Само по себе место тут, скажем так, странное. Своего рода... место силы.

Тут я тоже невольно подался вперёд.

– Также Манфу, вероятно, рассказывал тебе и про поэзию как принцип мироздания, это же его любимая тема, знаешь ли, – усмехнулся китаец. Манфу с театрально-виноватым видом развёл руками. – Вообще говоря, поэзией можно назвать этот феномен весьма условно, потому что, скажем так, не только в поэзии тут дело. Наш мир возник в ходе, скажем так, космической эволюции, – Хуршид, услышав эти слова, издал презрительное хмыканье. Не обращая на него внимания, китаец продолжал. – Однако эволюция мира затронула не только видимое нам физическое пространство, но и пространство невидимое, знаешь ли. Информационная сфера, мир тонкой материи, – называй как угодно, важен сам факт его существования, знаешь ли. Так вот, мир, каким мы его знаем, находится в точке притяжения невидимых полюсов, а сквозь сам мир проходит, скажем так, незримая ось. Как и в физическом мире, эта ось немного смещена, и колебания мира на этой оси влияют, скажем так, на наши представления о добре и зле, об удаче и судьбе, о творчестве... Люди, так сказать, чувствительные: поэты, верующие, проповедники, влюблённые – способны порой ощутить движение планеты по незримой оси. Они, скажем так, испытывают порывы вдохновения или впадают в творческий кризис. И у кого-то плетение его тонкого тела, скажем так, более созвучно мировому ритму, у кого-то – менее. Но то, что нами руководят незримые и неосозаемые силы, отрицать нельзя, это испытывал на себе каждый, знаешь ли, человек – каждый!

Чуань Дзон говорил всё громче, всё более увлечённо, но в какой-то момент словно спохватился, одёрнул себя, замолчал... Такова была его манера говорить, как я понял позже. Обнаружив в себе переизбыток эмоций, он делал паузу, давал своим чувствам остыть и только после этого возвращался к разговору или незаконченному делу. Со смачным присвистом отхлебнув горячего чая, он продолжил уже спокойным голосом:

– Однако в нашем мозгу действуют защитные механизмы, знаешь ли. Эти механизмы не дают прорваться в наше сознание мыслям о том, что недоступно объяснению. Так мы сохраняем душевное равновесие. В противном случае можно, скажем так, повредиться умом, потому что *силовое поле* – назовём так эту незримую ось – существует вне времени,

для него нет прошлого и будущего, нет добра и зла. Дело в том, что оно, пользуясь близкой тебе, Аньпин, христианской терминологией, не ощутило на себе влияния грехопадения. Оно бессмертно и бесстрастно. Мир может умереть, но не силовое поле, знаешь ли. Скажем так, из озарений поэтов, проповедников и безумцев рождались мировые религии. Всё это было навеяно пульсацией мирового стержня, это он посылал видения, говорил из горящего куста, являлся в виде ангела Мухаммаду, дарил Гаутаме Будде состояние бесстрастного покоя, знаешь ли. Я уверен, все мировые религии – это, скажем так, как бы сны силового поля Земли, само оно лишено разума, являясь чистой энергией жизни, и только мы, люди, облакаем эти информационные послания в нашу человеческую логику. Силовой поток лишён противоречий, однако наше сознание несовершенно, поэтому одно и то же послание разные пророки и вожди интерпретировали по-разному, знаешь ли.

Хуршид заметно напрягся, и вот, наконец, он заговорил, звучно растягивая своим акцентом отрывистые слоги мандаринского диалекта и не сильно заботясь о соблюдении тонов:

– Такое научнообразное суждение – общая примета нашего времени. Однако. Не всё так просто, и я не согласен с твоей логикой, брат Дзон. Я не отрицаю наличия силового поля, оно так же очевидно для меня, как этот чай, этот стол и вы все. Сегодня не будет ни видений, ни грёз, и я верю своим глазам. Однако я и другие мои единомышленники, которых здесь с нами нет – они принадлежат к разным религиям, но мы никогда не вступаем в религиозные споры, уважая друг друга... так вот, мы полагаем, что Ось Земли, как и все явления мира, была повреждена во времена грехопадения, когда люди выбрали плотское существование и смерть. Аллах использует силовой поток как единственный способ общения с нами, потому что нас Он видит и слышит, но Его волю мы не способны воспринимать напрямую, будучи отрезаны от Небес плотской оболочкой. Недопонимания в духовной и творческой сфере происходят не только вследствие нашей ущербной логики, но потому, что силовой поток, этот механизм общения с Творцом, был повреждён. Есть Аллах, и есть человек, но связь между ними повреждена. Продолжай, Дзон, я не стану тебя больше прерывать, если ты больше не станешь преподносить свою точку зрения как единственно верную.

Чуань Дзон, с лёгкой усмешкой поклонившись Хуршиду, сказал:

– Так вот, силовой поток не имеет разума, потому и видения, которые он посылает чувствительным людям, могут принимать разные формы... порою не совсем приятные, надо сказать. Не думаю, что Бог, будь Он реален, хотел бы показывать нам некоторые вещи... но это к слову. Я принимаю точку зрения Хуршида, хотя и не разделяю её. Но мы тут, скажем так, не для того, чтобы заниматься теологией. Мы просто хотим узнать как можно больше о свойствах силового поля, находясь в эпицентре его влияния. Да! Именно здесь, в этом самом месте, расположено, скажем так, место силы, как сказали бы современные любители экстрасенсорики. Такие места действительно существуют в разных областях земного шара, но отличие именно этого в том, что тут не просто отдельные лучи силового поля выходят наружу, но сам основной стержень пронзает здесь сферу земли. Для большинства людей этот факт, в сущности, ничего не значит. Но приведи сюда философа, человека одарённого, человека, захваченного желанием творить, или просто влюблённого...

– ...Или пьяницу, – вставил Манфу и пододвинул пустую чашечку Син Чен, чтобы она подлила ему чая.

– ...Или пьяницу, – не моргнув глазом, согласился Чуань Дзон. – И он, этот человек, скажет вам, что что-то тут точно не так. И в зависимости от того, какую информацию пошлёт ему силовой поток, его поведение изменится, знаешь ли. Все его, скажем так, способности усилятся в десятки, сотни раз. Учёный обретёт решение задачи; влюблённый растворится в своей любви, не останется ни ревности, ни сомнений; поэт напишет лучшее из своих стихотворений; живописец создаст восхитительную картину. Пьяница...

– Пьяница наполнит бокал и восхвалит Господа. В этом месте он никогда не ощутит похмелья, – торжественно промолвил Хуршид, смягчая пафос своих слов улыбкой, – ибо алкоголь порою наделяет нас качествами поэтов, высвобождая творческий потенциал,

которым, правда, большинство пьяниц не умеет пользоваться, потому что пьют они от придуманного горя, а не от желания возблагодарить Небеса за ниспосланное миру вино. Впрочем, сам я правоверный мусульманин и не притрагиваюсь к спиртному.

Син Чен, до сих пор хранившая молчание, произнесла с довольно мрачным видом:

– Однако если силовой поток будет, образно выражаясь, *не в духе*, то образы и чувства, которые он пошлёт, могут стереть личность в пыль: разочаровать влюблённого, оставить косноязычным поэта, свести с ума учёного и разорвать пьянице сердце. Именно в этом мы и хотим разобраться: как угадать настроение силового поля? Ведь сколько открытий в науке можно было бы совершить, сколько великих произведений искусства можно было бы создать, если только знать, как и *когда* прийти в этот дом и воспользоваться ждущим здесь даром. Мы ведём учёт колебаний поля и регистрируем его изменения, чтобы вычислить закономерности.

– У вас, выходит, есть какой-то прибор или способ, чтобы измерять незримое и неосознаваемое? – поинтересовался я, захваченный разговорами этих фантазёров и визионеров.

– Прибор... ну да, если можно так выразиться, – ответил Манфу. – Не то чтобы с его помощью можно было выяснить, сколько весит душа, однако кое-какие результаты удаётся получить. Жаль, что прибор этот недолговечен, и времени у нас мало... Хм.

– Расскажите же мне про этот прибор, – попросил я. – И про какие такие видения вы говорите? Я, конечно, не поэт и даже не влюблённый, и по стечению обстоятельств так и не стал пьяницей, однако если влияние этого вашего силового поля здесь так сильно, неужели я не должен хоть что-то почувствовать?

– Видений ты не ощутишь сегодня, потому что в чай добавлен экстракт *линьчжи* – как мы выяснили, это притупляет нашу способность воспринимать информацию поля, – объяснила Син Чен. – Доза крайне мала, однако даже самого запаха этого гриба оказывается достаточно, чтобы оградить сознание человека от влияний незримого. Сейчас силовое поле не в духе, лучше с ним не играть. Но тебе это, возможно, не так опасно – ты же инженер, как нам сказал Манфу, у тебя логика, должно быть, хорошенько потеснила сферу бессознательного, так что ты даже если что-то и почувствуешь, не придашь этому значения; твой разум быстро найдёт объяснение и упорядочит хаос в твоей голове, ты ничего не успеешь понять, а разум уже подкинёт тебе самое тривиальное объяснение. Прибор сегодня мы тебе показать не сможем, уже поздно, ему надо отдохнуть. А рассказывать не имеет смысла – завтра, думаю, ты сам всё увидишь.

3

Мои новые знакомые начали вставать из-за стола, я тоже поднялся. Манфу повёл меня наверх по массивной, глухо стонущей под ногами деревянной лестнице. С наигранно-заговорщицкой интонацией японец проронил по пути:

– Я не спрашиваю тебя, надолго ли ты панируешь тут задержаться. Это ты сам решишь. И особо не придавай значения тому, о чём говорится за столом. Хотя не мне тебя учить... Ты сам решишь, нужно тебе это всё или нет. У нас тут демократия. Хах! Полная свобода выбора!

Я улыбнулся в ответ. Жутко хотелось спать, но я всё-таки спросил:

– Манфу, почему ты меня сюда пригласил? И почему эти люди не против меня принять? Если я чем-то могу вам помочь, я с радостью готов, просто скажите прямо.

Манфу, не моргнув глазом, ответил:

– Ну не позволять же тебе ночевать где попало в палатке, когда дождь моросит. Мои друзья очень гостеприимны, живи и радуйся, ты же в Китае!

И он со смехом покинул меня в дверях моей комнаты. Я был так утомлён, что даже толком не разглядел доставшийся мне номер. Отметил только, что в убранстве комнаты преобладали белые и коричневые тона, а мебель была отделана лакированными бамбуковыми вставкам. Я не в силах был идти принимать душ, да и сомневался, что в доме есть горячая вода. Не раздеваясь, чтобы не замёрзнуть окончательно, я рухнул на жёсткую

кровать, выполненную в традиционном китайском стиле: тонкий матрас лежал прямо на досках, – и моментально уснул. Без сновидений.

Приложение 3

Это красный мак, засушенный до стеклянной хрупкости и вложенный между склеенных страниц дневника. Лепестки, похожие на крылья бабочки, побледнели, но не утратили цвета – алого, в тёмных прожилках. К бледно-зелёному, местами расслоившемуся стеблю привязана синяя нить с узкой биркой. На просвет видна надпись на бирке (почерк принадлежит не Александру):

В память о нашей аналпской весне. Я люблю тебя, Сажса-сан. Свет.

Прибор

1

Проспал часов до десяти и проснулся с тяжёлой головой, словно подхватил простуду. Из-под одеяла было страшно вылезать, пугала и перспектива умываться ледяной водой. Чувствуя себя разбуженным посреди зимы медведем, я всё-таки заставил себя встать. От резкого подъёма в глазах потемнело – такое со мной происходит нечасто... Но я списал недомогание на то, что нахожусь в горах, да и климат непривычен.

В онемелой утренней заторможенности я постоял перед окном. Было не очень холодно, но как-то промозгло. Погода налаживалась, бесцветные облака прорезало солнце, его лучи быстро согревали промокший за ночь мир тростника, гор и ветров. Движения воздуха качали ветви, стряхивая капли вчерашнего дождя и последние уцелевшие комочки снега. Из моего окна были видны поросшие лесом каменные гребни, которые венчал далёкий пик, заляпанный пятнами льда. Кое-где по горам стелился туман, густой и молочно-белый. Солнечные лучи теснили его вниз, в горные долины, ущелья и пещеры, где он будет в течение дня ждать своего часа, чтобы снова вернуться ночью и закрыть собою горный мир.

Снаружи, пожалуй, было теплее, чем в моей комнате, ведь планировка дома была рассчитанной на то, чтобы сохранять прохладу. Я вышел в коридор и направился вниз.

Внизу, как и на втором этаже, царил тишина. Снаружи, за распахнутой дверью, смолисто благоухал двор – мокрый, забросанный сосновыми иглами и пожелтевшими ветками тростника. Снежная куча на клумбе уменьшилась в размерах, и в центре двора растеклась, как инопланетная субстанция, большая мутная лужа. Было и правда тепло, я снял куртку. Похоже, кроме меня, в доме и поблизости никого не было.

Погревшись на солнышке, я уже собирался вернуться в дом, когда что-то привлекло моё внимание. Не то чтобы нечто конкретное, просто мурашки забегали по спине. Вчера я пришёл сюда ночью и мало что способен был видеть, но непонятное ощущение подсказало мне: что-то изменилось. Двор был, конечно, тем самым двором, куда я пришёл вчера, дом был тем же самым домом. Тростниковые заросли вокруг были теми же... Или нет?

Я постарался найти то место, откуда вчера вышел к дому. Такого места не было. Я точно помнил, как в темноте пробирался по узкому коридору, сформированному зарослями тростника, помнил таблички на ветвях... Тростник был на месте, густыми пучками торчал он на краю площадки, обрамляя двор. Но вместо вчерашних зарослей, тянувшихся, как я помнил, километра на полтора, была лишь мошённая бульжником дорожка, обрамлённая изгородью из облепленных лишайником ветвей. Я прошёлся по дорожке вперёд и назад. Не было ни табличек, ни треугольника *Инь-Ян* на земле.

Что-то смещалось в моей голове, разум настойчиво пытался найти объяснение этой перемене. Я закрыл глаза. Перед внутренним взором мелькнули белые стены, тонкие трубки с прозрачной жидкостью, игла шприца с каплей крови на острие за миг до падения... В какой-то момент мне начало казаться, что не было вчера никаких зарослей с табличками, была только вот эта самая изгородь – такая, а не какая-то другая.

Может быть, не было и обитателей дома, никаких разговоров – ничего?..

На деревянных ногах я вернулся в дом, по пути пытаюсь вспомнить, не это ли ощущение называется «когнитивным диссонансом». Постепенно чувство растерянности прошло, осталось лишь воспоминание о нём – словно бы только что побывал одновременно в двух мирах и теперь не можешь понять, какой из них был настоящим. В конце концов, заросли тростника могли быть искусственными. Утром хозяева зачем-то убрали их... И где, кстати, эти самые хозяева?

Вернувшись в дом, вопреки моим тайным надеждам, завтрак себе я не нашёл. Вообще никакого намёка на еду на первом этаже дома не было, был только чай. Вскипятив воду, я заварил его и с наслаждением выпил, наполнив носоглотку густым и терпким ароматом. Вспомнились слова Син Чен о некоторых свойствах этого чая, будто бы способных ограничить влияние «силового поля». Если это так, могла ли моя вчерашняя прогулка по тростниковому коридору быть иллюзией, некоторым «посланием» этого самого «силового поля», которое моё сознание облекло в форму тростника, табличек, странных знаков, которые были мне в тот момент вполне ясны? Или, напротив, то, что я видел сегодня утром, было иллюзией – следствием ослабления эффекта от вчерашнего чая?

Опустошив чашечку, я какое-то время смотрел на неё, не мигая. Под прозрачной эмалью на доннышке свернулась красная рыбка, часть её фарфорового хвостика была отколота. Потом, не удержавшись, я снова сбегал во двор. Но ничего не изменилось. На месте вчерашних зарослей была всё та же дорожка и всё та же изгородь из ветвей.

2

Я решил ознакомиться с домом. Вчера никто не оставил мне распоряжений и пожеланий по поводу того, куда здесь можно ходить, а куда нежелательно, так что я счёл, что дом полностью доступен для осмотра.

На втором этаже не было ничего особенного: вдоль коридора, изогнутого в форме буквы П, располагались двери, ведущие в номера. Некоторые из дверей были приоткрыты, я наугад заглядывал в комнаты. Все они напоминали ту, в которой поселили меня: кровать, письменный столик, тумбочка, стул, окно, бамбуковые половицы, тростниковые коврики... В одной из комнат кто-то жил, и по мужским вещам, в беспорядке разбросанным на кровати, я предположил, что это комната Манфу, и сразу немного расслабился: тайное подозрение, что вчерашний разговор и обитатели дома мне только привиделись, наконец-то покинуло меня, когда я увидел доказательство тому, что в доме всё-таки есть люди.

Полюбовавшись на холсты с каллиграфией на стенах и на большую, в засохших водных разводах, картину, изображающую рассвет на горе Хуаншань, я вернулся к лестнице.

Третий этаж был похож на второй, ничего нового, разве что каллиграфия на стенах сменилась, а вместо Хуаншаня на большой картине в центре красовалось озеро Эрхай. Было видно, что здесь никто не живёт: на полу скопилась пыль, с потолка свисала тенёта. Пока я раздумывал, стоит ли уделить этому этажу более пристальное внимание, до слуха донеслись едва слышные голоса откуда-то сверху.

На четвёртом этаже выяснилось, что источник звука располагается ещё выше. И лестница вела дальше, наверх. Из вчерашнего разговора я помнил, что в доме только четыре этажа. К сожалению, увлечённый загадочным превращением тростника в изгородь, я не удосужился разглядеть дом снаружи при свете дня. Возможно, лестница вела на чердак. Да и вообще, китайское представление о том, стоит ли считать первый этаж первым или нулевым, порой весьма расплывчато.

Последний лестничный пролёт, изгибаясь, упирался в закрытую дверь. Источник звука находился за нею: говорили по-китайски, но слова сливались в шумовую волну.

Я постучал, никто не ответил. Звук голосов не прервался от моего стука, поэтому я решил, что источником может служить работающий телевизор или радио, и за дверью вовсе не обязательно кто-то есть. Осторожно, словно бродячий кот, заглянувший в человеческое жилище, я толкнул дверь. Она подалась.

Открывшаяся моему взору комната была залита светом, струившимся, как мне показалось, разом со всех сторон. В воздухе плавал прозрачный пар, лучи солнца пронзали его, дробились и преломлялись в мельчайших капельках влаги. Сквозь пар и свет предметы казались нечёткими, словно выхваченными из миража. Комната была заполнена растениями, в каждой из четырёх стен были большие затуманенные окна, за которыми сквозь налёт испарины можно было различить потрясающий вид на горы Цан.

Место, куда я попал, напоминало небольшую оранжерею: повсюду были свежая зелень и цветы. К стенам прижимались громоздкие шкафы и полки с цветочными горшками; ноздри заполнил запах земли, пахло свежестью и затхлостью одновременно – так в августе пахнет река. На одной из полок стояла жаба из полупрозрачного зелёного нефрита. Капли влаги оседали на статуэтке, жаба искрилась и казалась живой. Цветочные горшки покрупнее располагались на полу, в дальнем углу стояла кровать с бледно-сиреневым паланкином; а передо мною, спиной ко мне, на инвалидном кресле сидел человек перед старым ламповым телевизором с выгнутым экраном. Поразили волосы обитателя тайной комнаты: очень длинные, почти до пола, и совершенно седые. По телевизору показывали что-то вроде сводки новостей, но изображение было нечётким. Звук тоже дребезжал и прерывался, так что слова мандаринского диалекта было сложно разобрать.

Эта картина пробудила сладостное, томящее чувство. Словно бы припомнился давний детский сон, и я на миг застыл в попытке вспомнить его подробности, но миг прошёл, воспоминание ускользнуло. Забылось и недавнее удивление во дворе около дома, и сам дом. Я просто стоял и смотрел на эту комнату, наполненную цветами и распылителями пара, на белые лучи, озарившие силуэт в кресле, на серебряные волосы в жемчужной пыли тумана.

Зыбкое отражение лица обладателя длинных волос тонуло в телеэкране, на котором всё время что-то мелькало. И отражение это было страшным, но осознал я это уже потом. Контуры отражённого в экране лица меняли очертания, а его части перетекали одна в другую. Человеческий рот превращался в оскал звериной пасти и вдруг напал на лоб, оставляя затянутую кожей поверхность на том месте, где только что были губы, в то время как сизый воловий язык вываливался из лба; глаза играли в догонялки, и иногда их становилось больше двух, иногда оба глаза терялись в упавшей на лоб чёлке, а иногда всё лицо вдруг вспыхивало гроздью паучьих гляделок...

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я самопроизвольно сделал шаг вперёд и вдруг был остановлен рукой, мягко упавшей мне на плечо.

– Не надо тревожить её, – шепнул мне в ухо Манфу. – Пойдём завтракать.

Он настойчиво потянул меня к выходу, и я подчинился. Манфу аккуратно закрыл дверь, отрезав меня от созерцания странной комнаты. Спускаясь по лестнице, я спросил Манфу, что за человек живёт наверху.

– А это и есть наш прибор, – последовал ответ японца.

3

Внизу за столом уже собрались все вчерашние лица. От чая и мисок с лапшой шёл пар. Присутствующие смотрели на меня, пожалуй, с интересом, но точно не с неодобрением, и я внутренне расслабился. До этого момента меня не покидало ощущение, что я, возможно, сделал что-то не так.

– Как прошла встреча? Старушку не разбудил? – спросил Чуань Дзон, обнажив в улыбке крепкие, неровные зубы.

– Тянь Ся в порядке, кажется, она предпочла не замечать юношу, – вместо меня ответил Манфу. Он тоже улыбался. Здесь, видно, имел место какой-то лишь им самим понятный юмор, потому что я решительно не улавливал, что такого забавного случилось.

– Постепенно ты ко всему здесь привыкнешь, если не надумаешь сбежать раньше времени, – дружелюбно промолвил Хуршид и похлопал по стулу рядом с собой, приглашая меня к столу. – Сейчас надо поесть, сегодня мы затаили с завтраком.

– По утрам, если нет других дел, мы медитируем на одной горке рядом с домом, –

объяснила Син Чен. – Сегодня погода хороша, мы немного задержались, грелись на солнышке.

– Ох, не впутывайте меня в вашу эзотику, – сделал грозное лицо Хуршид и тут же миролюбиво добавил. – Я не медитирую, я гуляю и славлю Аллаха по-своему.

Мы набросились на лапшу. За едой разговоры не велись, и я заметил, что на лицах моих хозяев царит умиротворённое выражение. Я счёл это хорошим моментом для того, чтобы задать, наконец, волновавшие меня вопросы, поэтому, в процессе борьбы с горячей и бесконечно-длинной лапшой, не спеша обдумывал их.

– На меня произвёл большое впечатление ваш вчерашний разговор, – сказал я наконец, – настолько, что сегодня утром я обнаружил любопытную вещь: не стало того тростникового коридора с табличками, по которому я шёл вчера. Закралась мысль, не влияние ли это силового поля, о котором вы говорили. Лишь потом я осознал: тростник был не настоящим, и утром вы просто убрали его, уж не знаю зачем. Ведь так?

Присутствующие обменялись быстрыми, как искры, взглядами.

– То, о чём ты сейчас рассказал, очень логично, знаешь ли, – ответил Чуань Дзон, – ведь разговоры на ночь, как известно, производят наибольшее впечатление. Мой ответ прост: да, мы перенесли тростник. Он нам надоел, пора придумать что-то более, скажем так, элегантное. Устраивает? – И он, внезапно посерьёзнев, заглянул мне в глаза. Обычно я не боюсь прямых взглядов. В детстве я жил в беспокойном районе, и прямой взгляд означает для меня вызов. Отвести взгляд – значит моментально проиграть. Тут же я поймал себя на том, что рассматриваю бульон на дне моей миски, а Чуань Дзон продолжает сверлить моё темя.

– Если ты так говоришь, то я тебе верю. У меня нет причин сомневаться в вашей искренности. Пока нет... – наконец нашёлся я и вернул китайцу прямой взгляд, но тот уже отвернулся.

– Мы не хотим тебя дурить, – сказал Чуань Дзон, – однако мы пока сами не знаем, что ты за человек, знаешь ли. Сейчас твой характер становится для меня немного яснее. Я скажу тебе прямо, если бы ты не закончил свою речь вопросом «ведь так?», мой ответ про убранный папоротник – то есть тростник – был бы единственным, что ты от меня услышал. Тебе бы этого объяснения было достаточно; да вообще для большинства людей простые ответы, соответствующие их ожиданиям, – наилучшие и единственно возможные. Но ты, скажем так, сомневаешься в правильности своей догадки – значит, твой разум оставил для тебя лазейку, чтобы докопаться до истины. Твой разум, скажем так, ощущает себя достаточно сильным, чтобы принять нечто противоречащее привычной реальности. Мир изменчив и многообразен, знаешь ли, но в человеческом восприятии он, скажем так, ещё более дезорганизован. В этом доме, помимо истории его строительства, нет секретов и тайн. Поэтому я дам тебе другой ответ: мы не знаем, о чём ты говоришь. Мы не видели ни тростникового коридора, ни табличек. Между сторожкой, где живут охранники, и нашим домом, сколько я себя помню, была пара километров соснового леса, а за ним – дорожка и изгородь из ветвей, довольно уродливая. Мы её обновляем периодически, и летом на ней распускаются цветы вьюна, знаешь ли. Зимой она непритязательна, уж прости...

– Как я понимаю, в качестве верного мне следует рассматривать второй вариант. Тростниковый коридор, который я видел ночью, на самом деле не существовал, – услышал я собственный мрачный голос. По затылку снова поползли мурашки, вернулось ощущение двойной реальности, и мой разум изнемогал от невозможности разрешить этот парадокс.

– Этого мы тебе не говорили, – без тени иронии сказал Хуршид.

– Готовые ответы притупляют ум, – сделав примирительный жест ладонью, вклинился Манфу. – Мы же не хотим испортить тебе удовольствие от наблюдения за играми собственного мозга. Наслаждайся. В конце концов, если ты пробудешь с нами ещё несколько дней – а мы тебе рады, не сомневайся, – то такая игра, возможно, войдёт у тебя в привычку. Ты узнаешь больше о своих способностях. Просто не гнушайся делиться своими ощущениями с нами. Мы тебе поможем в трудную минуту, а ты поможешь нам. Помнишь,

вчера мы говорили, что ты можешь принести пользу в нашем бизнесе в качестве источника иной точки зрения? Так и есть. Мы тут все гуманитарии. Ты инженер. Мы привыкли к этому месту, ты – нет. Ты можешь помочь нам, если захочешь. Но если тебе всё это неинтересно и странно, если ты готов позволить своему разуму поставить стену между тем, что тебе «показалось» и тем, что ты видишь в настоящий момент, ты не потеряешь лица. Это делает тебя сильнее, делает менее подверженным влияниям извне. И мы будем уважать твой выбор, ты наш гость, и ты ничего нам не должен.

– Спасибо, – съязвил я. Мурашки продолжали ползать по затылку, но я уже успокоился и внезапно почувствовал симпатию к Манфу – и не только к нему, а ко всем своим новым друзьям. От них исходили спокойствие и доброжелательность, которых мне сейчас не доставало.

– Я хочу остаться с вами, мне здесь интересно. Со всеми вашими сумасшедшими намёками и историями! Ну, расскажите мне теперь про ваш «прибор»! Мне занятно, какую очередную двусмысленную отговорку я получу.

Я не был уверен, что моя тирада не прозвучала грубо – в конце концов, не всегда удаётся с точностью предсказать, какой эффект произведёт эмоциональная речь, произнесённая на чужом языке. На всякий случай я смягчил сказанное улыбкой.

– А тут всё просто, – сказала Син Чен. – Ну то есть как просто?.. Фэн Тянь Ся, которую мы иногда в шутку называем прибором, существует вполне объективно, иллюзорной её никак не назовёшь. Её муж, Фэн Ши Ман, был состоятельным человеком. Не только состоятельным, но и добрым. Ценил неоконфуцианство, был меценатом. Он много сделал в деле восстановления отдалённых и заброшенных памятников архитектуры. Как-то раз, отправившись в горы Цан, чтобы в сопровождении прислужников и мужа поклониться святым в здешних молельнях, Тянь Ся внезапно пропала. Заблудилась – ведь в те времена эти горы были далеки от нынешней инфраструктуры – и забрела сюда.

Сонный муравей выполз из трещины в столешнице и неуклюже, как пьяный, пополз по запылятию Син Чен. Она его не замечала.

– Тянь Ся пришлось продираться сквозь заросли, ведь место было заброшенное, – продолжала китайка, – Человек в трезвом уме не станет в поисках выхода ломиться в дремучий бурелом. Она, пожалуй, была в трансе или сильно напугана. Одним словом, так она и нашла этот дом. Было это почти шестьдесят лет назад, сейчас ей девяносто семь. Что-то в этом доме её весьма впечатлило, и она настояла, чтобы господин Фэн, находившийся на короткой ноге с местными властями, приобрёл это местечко и сделал тут основательный ремонт – надо думать, в условиях влажного климата деревянный дом был в ужасном состоянии. Здесь, кстати, они с мужем укрывались в годы культурной революции, а также помогали представителям интеллектуальной элиты. Так что дом, в некотором роде, сыграл свою роль в современной истории страны. Сама Тянь Ся, впрочем, хоть и любила дом, но подолгу находиться здесь не могла, её начинали мучить кошмары и головные боли. Несмотря на это, уже в почтенном возрасте, они с мужем переехали сюда насовсем; вскоре после переезда, кстати, господин Фэн умер. После смерти мужа его имущество перешло к Тянь Ся, и она тоже занялась благотворительностью, хотя и совсем в ином духе, чем покойный супруг: поддерживала различные сектантские кружки. Деньги не экономила, давала всем, кто попросит, сама жила скромно.

Син Чен вздохнула задумчиво; муравей на её руке, упёршись лапками в выпирающую зеленоватую вену, замер.

– Дом Тянь Ся передала государству, – сказала Син Чен, – а наша компания в лице директора, Вана Юпина, выкупила его и взялась поддерживать тут порядок и развивать инфраструктуру. Летом здесь бывает, надо сказать, многолюдно... Да, кстати. Около пятнадцати лет назад Тянь Ся парализовало. Банальный инсульт. Она может говорить, правда, не очень чётко, и сохраняет светлый разум, но лишена самостоятельности передвижения, так что в наши обязанности входит ещё и труд сиделок. Впрочем, Тянь Ся не доставляет проблем. Несмотря на её главный недуг, у неё отменное здоровье. От

постоянной врачебной помощи она отказалась и, к счастью, врача нам приходится вызывать сюда не часто, но каждый раз это маленькое приключение... С 2001 года она безвыездно живёт здесь. Так она решила сама. У неё проплачены деньги за проживание в комнате наверху на тридцать лет вперёд, и она не хочет съезжать.

Син Чен замолчала, но возникшую паузу никто не пожелал заполнить, и она заговорила опять:

– Мы давно интересовались этим домом, проводили кое-какие наблюдения, но конкретных результатов получить не могли. Кое-что нам помогли понять тибетские монахи, как-то гостившие здесь. В частности, рецепт чая с *линьчжи* – это они нам его оставили. Они же обратили наше внимание на то, что странная постоялица тут не случайно. Это мы и раньше, конечно, подозревали, но не могли понять, в чём тут соль. Монахи с ней побеседовали, потом пригласили нас. Распознать, что она говорит, – большой труд, но мы преуспели. Понимаешь, Аньпин, у неё дар – она чувствует пульсацию силового поля, хотя не является ни поэтом, ни художником, ни... пьяницей, это уж точно. Таблетки и капельницы если и влияют на её восприятие, то не сильно. Чай с *линьчжи* иногда влияет, иногда нет. Она способна предсказывать изменения в силовом поле, предвидит, когда оно будет не в духе. Её предсказания ещё менее точны, чем прогноз погоды в интернете, но это всё, что у нас есть. Иногда она ошибается. Иногда нет. Мы просто фиксируем то, что она нам говорит, и пытаемся увидеть закономерности. Иногда видим. Иногда... ну, ты понимаешь. Хотя, вижу я по выражению твоего лица, мало что ты понимаешь.

Син Чен улыбнулась уголками губ и, заметив наконец муравья, подставила ему ноготь большого пальца и бережно стряхнула насекомое в горшок с куцом, потемневшим от холода, саговником.

– Для нас это всё тоже очень неоднозначно, – пожалала она плечами. – Одним словом, Тянь Ся – это наш «прибор»; она добровольно согласилась сотрудничать с нами и понимает свою уникальность. После того как её парализовало, негативное воздействие поля на её организм сошло на нет, она избавлена от мигреней, но не от страха. Иногда ей по-настоящему страшно. Доходит до того, что мы сутками сидим в её комнате и стараемся её успокоить, а это выматывает. Мне не доставляет больших неудобств мыть её и ухаживать за ней – спасибо мужчинам, они свалили на меня всю чёрную работу, хотя и помогают, когда я на них гаркну... Но часы её безумий... это ужасно. Самое удивительное, она сама предсказывает, когда её настигнет очередной приступ, так что мы готовимся заранее. Эти предсказания точны как часы, но в них нет никакой последовательности. Почему она так чувствительна? Одному небу известно. Ходят слухи, в прошлом она увлекалась разного рода эзотерическими учениями, читала очень специфичную литературу и пробовала заниматься колдовством. Такие увлечения не проходят бесследно.

Син Чен сделала большой глоток чая, разом осушив миниатюрную чашечку. На дне блеснула красная рыбка с отбитым хвостиком, и я подумал, что из этой самой чашечки пил сам сегодня утром.

Я сказал:

– Если отвлечься от очевидной фантастичности того, о чём вы говорите, я вам верю. Просто принять всё это довольно сложно, дайте мне время. Мне относительно ясна причина вашего нахождения здесь. Но я? Для чего вы с такой готовностью рассказываете всё это мне? Вы говорите обо всех этих вещах, а сами про меня мало что знаете...

Меня прервал Хуршид:

– Мы знаем о тебе достаточно. И не из каких-то таинственных источников, – мягким движением он положил свою смуглую руку рядом с моей. – Не с гор спустились, можем разбираться в людях. Мы отвечаем на те вопросы, которые ты нам задаёшь, ничего больше. Реагируем только на твой интерес. И ещё мы знаем, что оказался ты здесь не случайно...

– Конечно, меня же Манфу пригласил.

– Да, Манфу, – величественно кивнул Хуршид. Я до сих пор не привык к произношению иранца, и невольно склонил голову в его сторону, сосредоточившись на

растянутых и напевных словах. – Но если бы тебе не было суждено сюда добраться, ты бы и не пришёл. Нашлась бы куча причин, препятствий. Ты же не встретил ни одной. Зимой здесь не бывает случайных людей. Я в течение пяти лет приезжаю сюда зимой, хотя не в восторге от местного климата. Китайцы живут тут почти безвылазно вот уже десять с лишним лет, это дело их жизни. Манфу – вольный стрелок, он приезжает ненадолго, но у него хорошие связи в интеллектуальных кругах, он – наш проводник в мир науки. И за это время... сколько тут было людей! Как много их летом – для меня это невыносимо. Но зимой... зимой людей мало, но нет случайных. Все либо сами приходят за тем, что им нужно, либо Аллах приводит их. Так хочет Аллах, так хочет силовой поток! Вот и тибетские монахи пришли, как я знаю, тоже зимой. И пришли сами, никто их не звал.

Манфу, увидев сомнение на моём лице, бархатным голосом произнёс:

– Не думай, пожалуйста, что у нас в отношении тебя есть какие-то тайные цели. Если тебе не по нраву наша компания, ты в любой момент можешь уйти. Для нас ты – иноземный гость, мы тебе рады. Но у нас тут особый уклад, много необычного, так что относись проще. В конце концов, это же приключение, не этого ли ты хотел? Хах!

Я внезапно осознал, что разлад в моей голове прошёл, мурашки перестали бегать по затылку, я почувствовал, что принимаю наличествующую реальность в её полноте. Потому что реальность перестала казаться мне чем-то действительно реальным. Так бывает, когда из зимней России на самолёте перемещаешься в тропическую зону, видишь море и пальмы. Море и пальмы реальны, но для тебя всё это оказывается какой-то сказкой, петлёй времени. Потом ты летишь назад и возвращаешь себе чувство реальности, но летний мир продолжает казаться небывалым, волшебным миражом. Так ощутил я себя и в тот момент, в том доме в горах, в окружении своих новых друзей. Их жизнь была сродни тропической зоне для северянина. В конечном счёте, мне некуда было торопиться, а здесь царила такая тишина, такое спокойствие... Несмотря на всю странность этого места, уходить не хотелось.

Я сказал:

– Не поймите меня неправильно. Я благодарен вам и счастлив находиться здесь. Вы все немного сумасшедшие, но мне интересно с вами. Я не привык быть в обществе философов, это новый опыт, пожалуй. И с вами, конечно, куда интереснее, чем среди моих коллег с их чертежами и беседами о деньгах, толстых жёнах и плохой погоде.

– Мы не философы, – сверкнула улыбкой Син Чен. – В каком-то смысле, мы все тут – люди искусства, хотя и не особо талантливые. Но в детстве нам внушили родители, учителя, друзья, что у нас есть какой-то талант, и мы поверили им. Так часто бывает. Ты вырастаешь и понимаешь, что твой талант ничего не стоит, вокруг множество куда более одарённых людей... В какой-то момент приходит разочарование, потом смирение. Ты просто занимаешься тем, что умеешь, и не задаёшь лишних вопросов. Но это место... это мечта для людей, чей талант не получил развития. В определённые моменты влияние поля усиливает твои способности и ты, кажется, становишься кем-то другим. У нас всех здесь есть творческие увлечения, которые мы не можем реализовать в обычной жизни. Я увлекаюсь живописью, Чуань Дзон играет на семиструнном гуцине и сочиняет музыку, Хуршид пишет стихи, Манфу – поклонник каллиграфии. Не то чтобы мы хотели прославиться, нам дорог сам момент творчества. Пока что все наши труды хранятся здесь, а этом доме... Если хочешь, могу тебе показать мои полотна.

Я, конечно, с радостью изъявил желание.

4

Все вместе мы поднялись на второй этаж и вошли в одну из дальних комнат, в которой жила Син Чен. Внутреннее убранство говорило о том, что номер принадлежит женщине. Шкафчик, наполненный костюмами в традиционном стиле, был приоткрыт для проветривания (погода была влажной и довольно тёплой, поэтому на вещах могла появиться плесень), кровать аккуратно заправлена, везде царили порядок и чистота.

Стены были увешаны полотнами, выполненными в стиле традиционной китайской

живописи, в центре комнаты стояли три мольберта с картинами, изображающими горы Цан. Вид был явно из окон комнаты Тянь Ся, а картины были в разной степени готовности. Работы были хороши. Все они изображали традиционные сюжеты: водоёмы, леса, горы, древние деревни и джонки на волнах... На одной из картин был изображён пожилой мужчина, сидящий в беседке над водопадом и смотрящий вдаль на молочно-розовый закат. На его коленях лежала трёхглазая красная маска из тех, какие носят актёры в китайской опере. Лицо человека было выписано поразительно чётко, каждая линия и каждая деталь были ясны и рельефны, но стоило отвести взгляд – лицо тут же исчезло из памяти.

– Твои картины восхитительны, – выдохнул я.

– Они хорошие, – улыбнулась Син Чен, – но не мои. Вернее, мои, но нарисованы они под воздействием силового поля, и я не могу поставить на них подпись или печать. Авторство – большая ответственность. Пусть пока остаются как есть, неподписанными.

– Ты рассуждаешь как писатели Древней Руси, – сказал я со смехом. В этом кругу интеллектуалов мне самому не терпелось блеснуть своими познаниями – доказать, что я достоин их общества. – Помнится, и писцы, и художники времён Средневековья полагали, что творчество исходит от Бога, человек – только проводник. Поэтому считали кощунством вписывать своё имя.

– Очень верный подход, – заметил Хуршид.

– Подход, действительно, оправданный, – сказал Манфу. – Творчество исходит от мирового поэтического источника, однако человек тоже вносит свою лепту. Человек, чтобы облечь дарованное ему вдохновение в удобоваримую форму, должен изучать своё ремесло. Готовый продукт – настолько же плод силового поля, насколько творение человеческих рук. Поэтому я не гнушаюсь ставить свою печать на моей каллиграфии, но не продаю свои работы, а раздариваю. Подберу что-нибудь подходящее и для тебя, Аньпин.

– Я бы подписывала свои картины, – призналась Син Чен, – если бы создавала их в другом месте. А здесь... когда ты знаешь, что силовое поле настроено на тебя, каждое творческое усилие будет иметь успех. Эти картины не гениальны, но они, по крайней мере, закончены. Обычно я не могу довести начатое до конца. Эти наброски на мольбертах – то, что я пыталась создавать после чая с *линъчжи*. Я не могу их завершить. Поэтому я и думаю, что мои права на все эти работы... ограничены.

– Я думаю, что мы, скажем так, имеем полное право на то, что создаём здесь, – тихо произнёс Чуань Дзон, до сих пор хранивший молчание. – Это моя точка зрения, я её никому не навязываю, знаете ли. Силовой поток на нас действует повсюду, просто здесь его влияние, скажем так, немного сильнее. Однако этим влиянием тоже как-то надо управлять и распоряжаться. Человек является мерой вещей, и творчество – мой свободный выбор. Поэтому я подписываю свои композиции, а не так давно продал подборку нот для *гуциня*. Недорого, но мне приятно. И это не только моё тщеславие; я считаю, что всё созданное нами здесь необходимо передавать в мир, знаете ли. Иначе для чего это всё?

Син Чен смущённо рассмеялась:

– У каждого из нас свои представления... и каждый по-своему прав. Но для меня в творчестве всегда был важен сам процесс. В этом, наверное, и кроется моя проблема... Но на настоящий момент я морально не готова передать картины сторонним людям. Даже в этом доме в коридорах висят чужие полотна, а вот каллиграфия, в большинстве случаев, принадлежит руке Манфу. Сейчас я готова показывать моё творчество только друзьям.

– Эти картины заслуживают того, чтобы на них смотрели, – сказал я.

Син Чен погрустнела:

– Видишь ли, я боюсь того эффекта, к которому может привести демонстрация моей живописи. И боюсь того, как это повлияет на меня. Изменения в современной китайской культуре глобальны. Люди, в большинстве своём, разучились ценить произведения искусства, проникаться ими и уважать их... самостоятельность. Большинство людей владеет жаждой обладания. Они захотят приобрести мои картины, отнять их у меня. Купить. А я больше всего боюсь утратить то, что я здесь создала...

Я не особо разбираюсь в живописи, тем более китайской, но, на мой взгляд, картины Син Чен были превосходны. Глядя на них, можно было практически вживую ощутить себя частью того пространства, которое они изображали. Рисунки захватывали своим простором и движением, водопады и реки словно бы по-настоящему существовали на полотнах, можно было почувствовать движение воды. Нитевидные ветви деревьев вибрировали в потоках незримого ветра, далёкие корабли в искрящемся море надували паруса и плыли, при этом оставаясь на месте... Это было сродни созерцанию живописи импрессионистов: восприятие картины в целом приводило к ощущению движения и полноты жизни, но вглядывание в конкретные детали портило эффект.

5

До обеда ещё оставалось время, и мои друзья занялись делами по хозяйству. Хуршид отправился готовить обед: эта обязанность передавалась здесь по очереди. Син Чен поднялась в комнату Тянь Ся. Чуань Дзон взял лопату и пошёл во двор разгонять талую воду, чтобы ночью она не превратилась в ледяной каток.

Манфу предложил мне пройтись.

Мы обошли дом и по хорошо протоптанной тропе отправились в заросли тростника и ельника. Тропа вела наверх, и вскоре обозначилась вершина небольшой горы, на которую мы взошли в течение получаса. Манфу, в силу своего плотного телосложения, мучился одышкой, громко отфыркивался, но мужественно шёл вперёд. На горе стояла каменная беседка с покатою оранжевой крышей. Крыша поросла тщедушным кустарником, будто жидкие волосы на старческой голове.

– Здесь мы периодически медитируем по утрам, – сказал Манфу, с хриплым присвистом переводя дыхание, – так что в следующий раз, если что, будешь знать, где нас искать. Может быть, захочешь присоединиться. Воздух тут замечательный.

Воздух, действительно, был прекрасным, наполненным ароматами влажного леса, земли и снега. Я дышал полной грудью и чувствовал, как каждый вдох придаёт сил, проясняет сознание и дарит ощущение покоя. В горах было прохладно, в тени по-прежнему лежал снег, но яркое солнце и радостные пятна вечнозелёных растений создавали иллюзию того, что сейчас разгар лета...

– Погода здесь, в южном Китае, очень изменчива, – словно прочитав мои мысли, сказал Манфу. – Днём может быть жарко, а ночью – бах! – и всё засыплет снегом. В течение дня перемены тоже могут быть весьма разительны. Последний снегопад прошёл недавно, за пару дней до нашего с тобой приезда. Внизу, в Дали, обычно идёт дождь, но в горах валит снег. Высокая влажность и туманы создают изморозь на ветвях и траве. Это бывает очень красиво: иней на субтропических растениях. Как-то зимой я был на горе Хуаншань во время снегопада. Потрясающе. Но здесь бывает несколько не хуже.

– Я бы хотел на это посмотреть. Но погода, похоже, наладилась, вон как тепло!

– Хах! Ни в чём, касающемся погоды, нельзя быть уверенным, – рассмеялся Манфу.

– Думаю, если ты поживёшь тут пару недель, то сильно удивисься.

– Да я уже и так всему тут удивляюсь.

Мы оба рассмеялись.

Спустившись с горки на другой стороне, мы, повинаясь направлению петляющей дорожки, вышли к небольшому озеру, на поверхности которого плавало несколько миниатюрных айсбергов. Озеро подпитывалось водой, сходящей с заснеженных пиков, и походило на каменную чашу. В зарослях на берегах гнездились птицы, воздух наполнился их разноголосым щебетом. Мы уселись на ствол поваленного дерева. Манфу, соскучившийся по преподавательской деятельности, дал мне несколько рекомендаций относительно улучшения моего произношения. Сам он придерживался пекинской нормы и говорил на чистейшем северном диалекте, не забывая добавлять напевный суффикс «эр» в конце наречий и существительных. Не речь, а песня, заслушаться можно.

Когда мы вернулись, на столе уже дымился обед – картофельная соломка с уксусом

и перцем, тофу, обжаренные кусочки вяленой свинины, которую Хуршид умело приготовил, но, будучи мусульманином, есть не стал. Ещё была зелень, но совсем немного. Хранить её в здешних условиях было нелегко. Все нахваливали стряпню Хуршида, а потом погрузились в молчание, и слышно было только довольное почавкивание.

Неожиданно для самого себя я сказал:

– Я очень благодарен вам за всё. Мне тут нравится, а ваши неразгаданные тайны вселяют интерес. И я рад помочь вам, если я и правда могу чем-то помочь. Так что, если вы не против, я хотел бы остаться здесь на несколько дней, пока я вам не надоем. Только обещайте честно сказать мне, когда это произойдёт и я должен буду откланяться.

Манфу с широкой улыбкой посмотрел на меня и, кажется, хотел ответить, но Чуань Дзон его опередил:

– Гости сколько хочешь, ты нас не стесняешь, заешь ли. Пока что у нас тут всё глухо, так что тебе самому, скажем так, может стать скучновато. Но через несколько дней, по нашим прогнозам, изменится пульсация силового поля, или, как говорит Син Чен, его «настроение». Вот тогда начнётся суматоха, знаешь ли. Мы будем заниматься творчеством, – он поднял указательный палец и принял наигранно-важный вид. – И ты сам уже решишь, стоит ли оставаться с компанией одержимых. А пока что – добро пожаловать в наши ряды!

В тот момент я понял, что теперь официально принят, стал частью их коллектива. С этого обеда потянулись мои дни в доме, затерянном среди китайских гор. Я немного помогал по хозяйству, делал уборку и даже готовил еду. Мы гуляли по окрестностям с Манфу, по утрам я присоединялся к их коллективной медитации, которая сводилась к тому, что мы сидели в каменной беседке, погружённые каждый в свои мысли. Я чувствовал, как все мои проблемы остаются где-то далеко, осознавал их несущественность и второстепенность. Так моё героическое путешествие по провинции Юньнань превратилось в спокойный отдых в кругу друзей. И я был этому рад.

К разговорам про силовое поле я начал относиться как к одной из философских сказок, которые так любил Хуршид. Вечерами мы собирались за столом и пили чай. Иногда просто говорили обо всём на свете, иногда один из присутствующих брал на себя роль ведущего и либо задавал тему для общего разговора, либо рассказывал занимательные истории, которые мы все потом обсуждали. Особо запомнился мне один вечер, когда роль ведущего взял на себя Хуршид. Хотя китайским он владел не лучше меня, ему удавалось снабдить свои рассказы неизменным ближневосточным красноречием. Мне, к сожалению, не был дан такой великолепный дар слова, однако сейчас я всё же хотел бы вспомнить хотя бы одну из его сказок.

Приложение 4

Части разорванного листа формата А 5. Они были вложены между склеенных страниц, но в одном месте страницы расклеились, и обрывки удалось достать. Если их правильно сложить, получится текст, написанный рукой Александра (цвет текста – красный, подчёркивания сделаны чёрным карандашом):

Что я должен сделать, чтобы спасти Светлячка:

1. Взять в Сбере № счёта для перечисл. денег (оформлен на Любовь Аркад.). Узнать, почему мою карту заблокировали во второй раз подряд. Не забыть паспорт
2. Сделать рассылку друзьям Вконтакте и на Фейсе с текстом о сборе средств, добавить счёт+просьба о репосте
3. Созвониться с врачом Сомовым В.К. которого советовал Пашка тел. 750217 (на след.неделе будет в городе). Вопросы: точно ли нужна операция, можно ли сделать у нас где-то, почему больше не действует химия, почему ремиссия была такая короткая (обещали два года минимум), есть ли шанс вообще?? Мож.быть, он сам её посмотрит?
4. Все анализы отсканировать, чтобы были под рукой. Скинуть сканы на телефон
5. Связаться с доктором 李 из Ченду в Вичате, м.б. он что-то подскажет. Сделать для него перевод анализов на кит.язык (как точно переводится Острый

лимфобластный лейкоз? Найти рус-кит мед. словарь). В Корею ехать бесполезно, там только деньги дерут (говорят)

6. *Где в Германии пересаживают костный мозг? Погуглить завтра*
7. *Узнать, сколько стоит операция в Израиле (если есть места). Как сделать визу? Согласовать с мамой Светлячка и найти билеты на май (цены – посчитать примерно)*
8. *Заказать сорокоуст о здравии в...*

Продолжение текста отсутствует, четвёртый фрагмент утрачен.

Восточная сказка Хуршида

1

В сущности, сейчас я понимаю, что это был последний вечер перед началом того, что я назвал бы «пробуждением силового поля». Конечно, силовое поле не пробуждалось, оно и не засыпало никогда. Просто мои друзья, согласно их наблюдениям, сделали вывод о нейтрализации некоторых опасных качеств поля, перестали пить чай с притупляющими восприятие добавками и на следующий день взялись за творчество...

Мы сидели за столом. Было около семи, но за окнами давно сгустились зимние сумерки, тяжёлые, как меховая ширма. После заката подул ветер, его порывы были хорошо слышны: гудел тростник, поскрипывали ветви, где-то высоко наверху, выше комнаты, в которой спала Тянь Ся, ветер выл под покатою крышей, заставляя глухо стонать деревянные перекрытия... Сегодня я пил чай из отдельного чайничка, потому что мне по-прежнему следовало принимать положенную порцию *линьчжи*. Надо сказать, к этому времени однообразный горьковатый чай мне уже основательно надоел.

Прошлым вечером Син Чен читала нам старинные китайские сказки, последняя была кратким изложением «Путешествия на Запад», и Хуршид сегодня вызвался продолжить тему поисков духовного предназначения.

– Я большой поклонник суфийской традиции, – прокашлявшись, начал он. – Суфии, если кто не знает, – он покосился на меня, но я гордо вернул ему взгляд, – это своеобразные вольные каменщики от ислама. Не то чтобы тайный орден, но общие моменты есть... Так вот, в прошлый раз мы говорили о буддизме и его тайных учениях, а суфии занимались вычитыванием скрытых смыслов в Коране. Иногда их интерпретации уводили их очень далеко... так что многие мусульмане суфизм не особо жалуют. К некоторым проявлениям суфизма я тоже отношусь с опаской, но старинные предания дервишей по-настоящему глубоки и открывают сокровенное знание. Если в двух словах, в основе суфизма лежит идея разных уровней познания сокровенного мира, и каждый уровень сопряжён со своей цветовой символикой. Но цвета – это только символы, главное здесь – идея света и качества этого света. Потому что познание в суфизме, как и в буддизме, есть *просветление*. В своё время меня поразил в суфизме один символ, очень метафоричный, очень странный. Символ чёрного солнца, излучающего чёрный свет. Понятно, что тут мы многим обязаны Платону с его пещерой, тенями на стене, светом истинного солнца и так далее. Суфии опирались на очень давнюю традицию: что-то напрямую брали у греков, что-то унаследовали от христиан, от гностиков, потому что жили в общем культурном пространстве.

О суфиях я читал когда-то в книжке из богатой бабушкиной библиотеки. «Световой человек» или что-то вроде; даже вспомнил забавную фотографию на одной из первых страниц: автор-француз с проникновенно-вдумчивым взглядом бывалого мистика. А вот содержание книги из памяти уже выветрилось.

– Чёрное солнце... что же это такое, спросите вы, – продолжал Хуршид. Повествуя, он активно жестикулировал, его крупные смуглые руки не знали покоя. Увлёкшись, он скинул с себя одеяло и расточал пряно-сандаловый запах духов. – Это солнце Божественного мира. Но для мыслителя, находящегося на высшей ступени, свет этого

солнца ясен и очевиден, а для тех, кто стоит уровнем ниже, этот свет как бы временно сокрыт, и потому предстаёт в виде тьмы. Чёрное солнце – это Божественный мрак Творения, когда мир ещё не был проявлен в своей вещественности, не был обозначен словом. Но мир существует в Разуме Аллаха – а значит, вечен. Чёрное солнце – это метафора и для человеческого творчества. Создавая произведение, поэт, художник, скульптор, входит во мрак вдохновения, когда зыбкие сны силового поля шепчут ему что-то невнятное, прекрасное или пугающее – то, что он должен вывести из Разума Аллаха и подарить людям. Так когда-то Джабриил говорил с Мухаммадом, а Отец из облака вещал Исе, чьё предание дошло до нас в искажённом виде лишь по вине ущербности человеческого разума, который наделил пророка качествами Бога.

Увидев, что я с сомнением пожимаю плечами, Чуань Дзон заметил:

– Не будем вдаваться в историю религий, Хуршид. Опираясь на твою же точку зрения, можно заключить, что и Мухаммад мог неверно истолковать слова ангела. Мы уважаем твою любовь к теологии, но сегодня мы собрались, чтобы послушать истории, ничего больше!

– Будут вам и истории, – спокойно отозвался Хуршид, – но вы же ничего не поймёте, если я вам сначала не объясню, что к чему, – Син Чен и Манфу исподтишка обменялись улыбками, но не злорадными, а приятельскими, потому что все любили Хуршида и уважали его твёрдость в вере.

Хуршид глубоко вздохнул и сказал:

– А вот вам история. Понимайте её как хотите, но если вы сейчас хотя бы примерно поняли то, о чём я толкую, возможно, вы эту историю истолкуете верно.

Одним глотком осушив чашечку чая, иранец медленно и распевно начал повествование.

2

– Давным-давно, и время здесь ни при чём, потому что нет ни прошлого, ни будущего в пульсации силового поля, человек шёл по пустыне в поисках чудесного города. Как он оказался в пустыне, откуда он и кто – человек не знал. Он знал лишь одно: когда-то он помнил своё имя и предназначение, но отчего-то позабыл. И чем дальше он шёл, тем больше он забывал, и даже сам вопрос постепенно стёрся у него из головы. Так и блуждал он от оазиса к оазису, от колодца к колодцу. Шёл, опережая караваны, шёл, ведомый одним только тайным чувством, которое указывало ему маршрут. От женщин в оазисах, от кочевников возле колодцев, от бедуинов в караванах он узнал о чудесном городе в сердце пустыни, которым правит мудрый халиф, способный ответить на любые вопросы. Халиф этот, великий аятолла, наделён знанием обо всех вещах мира.

Но шли дни, месяцы и годы, а тайный город всё не появлялся на горизонте. Зато были другие города, шумные и весёлые, с блеском украшений и светом фонарей, которые не гаснут по ночам. И в этих городах всегда находилось место для путника. Поначалу, прежде чем оказаться в пустыне, он хотя бы помнил своё имя, имя своего отца и свой главный вопрос к халифу. В первом городе он повстречал золотых дел мастера, который в обмен на его имя открыл ему тайну подземных сокровищ. Несколько месяцев, а может быть и лет, прожил путник в довольстве и достатке, был приближен к королю, а после и сам едва не стал королём, потому что мог купить всё, что было в этом городе, включая самого короля со всеми его наложницами и домочадцами. Но он ещё помнил имя своего отца, ещё не стёрся в его памяти главный вопрос к халифу. Потому он оставил город и отправился дальше странствовать по пустыне жизни. Но имя своё он потерял.

Во втором городе люди страдали от недостатка песен и красивых историй. Поэты были изгнаны в пустыню за вольнодумие, и людей оставила радость слова. Наш путник был хоть и никудышный, а всё-таки немного поэт. Оттого и обрадовался он случаю стать первым поэтом в городе, знаменитым и всеми почитаемым. В обмен на имя его отца седой лукавый библиотекарь открыл ему тайну стиля и звука, так что можно было писать витиевато и без

всякого вдохновения. И путник начал писать. Да что там, он слагал стихи на ходу – и не вольнодумные, а славящие город и его мудрого короля. Народ обожал нового поэта, сам король склонял перед ним голову, и даже малые дети распевали его песни, ещё не выучившись грамоте. И хотя новый поэт славил власть короля, но народ взбунтовался, сверг правителя (кому нужен король, не умеющий писать стихи?) и потребовал, чтобы знаменитый поэт сам стал королём. И тут поэт понял, что слава и власть не дадут ему ответа на его главный вопрос. Под покровом ночи он бежал. Но имя отца вспомнить уже не мог.

Как вы понимаете, в следующем городе он встретил свою любовь. Изящная девушка возле городских стен пела про своё одиночество и про то, что красота её вянет понапрасну и никому не приносит счастья. Сердце путника растаяло. Он отдал девушке свой вопрос в обмен на её любовь и уют домашнего очага. В том городе он прожил дольше всего. Ибо не осталось у него ни своего имени, ни имени отца, ни вопроса. Не к чему было стремиться и не о чем сожалеть. Так и жил бы он в иллюзии счастья под пение его жены под окнами – жены, зазывающей к себе других путников, пока глупый муж верит в то, что обрёл земной рай. Ибо сердце девушки легче пера, а мысли её – как горный ручей, вертлявы и неглубоки. Она сама забыла главный вопрос путника в тот самый момент, как получила его.

Что ж, Аллах милостив к людям и знает о постыдной мечте людей обрести прижизненное счастье. И вот дева с крыльями из железа, мать угнетённых и сестра всех путников в мире, так не похожая на своих ровесниц поднебесья, спустилась к нашему герою. Её очи были сделаны из песка, расплавленного в стекло ударами молний, и торчали из глазниц, как кинжалы. В темноте ночи, когда все спали, а неверная жена ушла во тьму с новым поклонником (в прошлом – большим мечтателем), небесная дева рассказала незадачливому мужу о том, что не для того он был брошен в мир, чтобы оставаться в этом городке. Она была добра к нему, но слова её были остры, как стеклянные ножи её глаз. Она поведала ему и про измены жены, и про то, как неосторожно растерял он память о сокровенном, а потом – само воспоминание о забытом.

И в тот же миг человек вскочил на ноги и, не собирая вещей, вышел из дома и побежал. Ему не было ни тоскливо, ни печально... как можно печалиться, когда дух небес посетил тебя? Он бежал оттого, что боялся не успеть, оттого, что жизнь человеческая коротка, а до чудесного города путь далёк.

Он снова стал странником, и тут мы возвращаемся к тому, с чего я начал рассказ: человек без имени и памяти идёт навстречу своему предназначению. Он знает, что должен найти город. Он одержим такой страстью воплотить свою неведомую мечту, что даже если бы смерть настигла его в пути, он бы не заметил её и продолжил свой путь. Для любимцев Аллаха нет преград, и чудесный город был обретён.

Странника встретили высокие, усеянные копьями, крепостные стены из чёрного, как сердце ночи, обсидиана. Непроступная твердыня, самая величественная из всех, какие знала Земля, предстала перед ним. И вот маленький ничтожный странник – уставший, поседевший, в лохмотьях – встал перед циклопическими воротами, вознёсшимися к самому небу. У него не было надежды попасть внутрь. И каково же было его удивление, когда ворота твердыни распахнулись, вой труб и грохот барабанов приветствовали его, и, окружённый колонной лучших воинов города, доблестных и гордых своей миссией, он прошёл через ворота и широкие праздничные улицы, где люди, завидев его, громко и радостно кричали и готовились к пиру. Прекрасные воины сопроводили путника напрямик к дворцу халифа.

Дворец был весь вырезан из слоновой кости и украшен жемчугами четырёх цветов, он слепил белизной и неземным великолепием. Путник поднялся по ступеням дворца, он вошёл в приёмную халифа и склонился перед тронном величайшего аятоллы и лучшего среди людей и духов. «Встань», – пророкотал голос, добрый и странно-знакомый. Путник встал и робко поднял взгляд. Перед ним на троне, в одеяниях из пурпура, золота и шёлка, в сиянии солнца, бьющего через окно – солнца, не знающего заката, – сидел *он сам*, величественный, юный и прекрасный.

«Ты терял, а я находил, – сказал халиф. – Пора нам поделить найденное поровну». И

в этот миг путник стал халифом, а халиф стал путником; старец стал молодым, а молодой – старцем, и их было уже не различить. И не было нужды ни в вопросах, ни в ответах, ни в памяти, ни в именах. Халиф вернулся в свой город.

3

Хуршид закончил так внезапно, что в комнате на какое-то время повисла тишина. Все ждали, что вот сейчас он изречёт мораль рассказа, станет поучать... Но ничего этого не было. Иранец молча пил чай, даже аромат его духов как будто ослаб. Наконец Манфу не выдержал:

– Надо полагать, ты завершил историю. Интересная сказка, вдруг напомнило мне странствующие сюжеты о героях-двойниках, которые дополняют друг друга, так что их, пользуясь английским словом, квест немислим в одиночку.

– Это не двойники, – возразил Хуршид. – Халиф и путник – одно целое, один человек на разных ступенях духовного совершенства. Наш образ в памяти Аллаха вечен и совершенен, при жизни мы лишь изредка можем прикоснуться к этому идеалу. В момент творчества, например, человек преображается в нечто иное, родственное Самому Творцу. А потом опять падает в телесность. Небесный двойник может снизойти к избранным и приоткрыть для них завесу тайны...

– Мысль относительно ясна, – промолвил Чуань Дзон, расправляя складки на своей *хань-фу*, – хотя меня, скажем так, не оставляет ощущение, что между твоим философским введением и рассказанной историей есть пропущенное звено, знаешь ли. Связь, безусловно, прослеживается... но она не очевидна.

– Пропущенное звено – это дверь для творчества, – заметил Хуршид. – Я ничего не опустил, всё, что нужно было сказать, сказано.

– Насколько я знаю, суфии славились мастерством создавать загадки, – слегка улыбнулась Син Чен. – Но вот лично мне идея чёрного солнца нравится. Очень поэтично. Что-то подобное я ощущаю во время творчества, да и всем людям искусства, думаю, знакомо такое чувство. Это как попытка выразить невыразимое, нарисовать свет, который не имеет цвета, или описать мир, который не существовал. Все мы – собирающие линзы для света чёрного солнца, которое и есть силовой поток. И завтра мы приступим к новому заплыву в неизвестность. Не забывайте, что в свободное время мы должны фиксировать всё, что с нами происходило в течение дня, в журнале. Журнал будет здесь, на столе. Спускаемся – записываем. Не доверяем ничего электронным носителям, мы уже знаем, что из этого может выйти... Так что только бумага и ручка.

Все закивали. Я не знал, что дурного может случиться с информационными носителями, но почему-то так и не спросил. Всё вертелась в голове притча Хуршида, я упорно пытался извлечь из неё исчерпывающий смысл.

Мы посидели ещё около часа. Время от времени разговор возвращался к рассказанной иранцем истории, а порой касался совсем других тем. В конце все пожелали друг другу спокойной ночи, а я получил указание в течение следующего дня просто наблюдать за происходящим, фиксировать свои наблюдения в журнале и не мешать тем, кто занят творчеством. В случае возникновения непредвиденных обстоятельств действовать по обстановке, но беспрекословно подчиняться требованиям «старших». Если соберусь покинуть дом – обязательно предупредить об уходе. И да, я должен продолжать пить чай с *линьчжи*... если хочу. Это на моё усмотрение. Если сам вдруг надумаю поэкспериментировать, то могу и перестать, но об этом также надо предупредить.

Приложение 5

Между страницами дневника вставлен, как закладка, билет в Сад Мастера Сетей (город Сучжоу). Плотная бумага. В одном месте на стёртой краске виден отпечаток пальца. На билете изображены китайские павильоны, окружающие пруд. Покатые крыши отражаются в воде. Рядом с изображением – двенадцатизначный номер билета, стоимость и надпись традиционными иероглифами: 古典夜園 – 網師園. На обратной стороне, поверх схемы сада, рукой Александра написано: *我的红楼梦* (фразу можно

перевести как «Мой сон в Красном тереме»).

Приложение 6

Тетрадный лист формата А5, спрятанный между склеенных страниц дневника. Почерк очень неровный, принадлежит не Александру, буквы местами написаны с таким нажимом, что бумага надорвана. Текст хорошо виден на просвет. На обратной стороне листа – карандашный рисунок кита на белом фоне.

Господи, Саика, как здорово ты придумал письма друг другу писать. Ты потом их сожги, не надо меня помнить. А я твои перечитываю, я их с собой заберу. Особенно первое, в котором ты опровергаешь мою схему, в которой я показала, как в моей жизни все события ведут к неудачам и тупикам. Даже в стажировку ту европейскую меня не взяли, когда я в меде училась. А многие тогда поехали. Тебя же вот повсюду зовут... А ты мне нарисовал график, по которому выходит, что я самый счастливый человек на свете. Мне так смешно. Ты дурак, ничего у нас не выйдет, потому что я умру.

И чего они нам видаться не разрешают? Боятся, что я подхватю заразу и помру раньше времени? Заразу? От тебя, от мамы? Я даже в палате вынуждена сидеть в маске. У меня уже привычка появилась – облизывать маску изнутри, представляешь... Она на вкус как процедурный кабинет. Мне кажется, я вся пропиталась хлоркой, спиртом и лекарствами.

Скучаю по тебе, скучаю по маме, скучаю по Луньке. Даже по Евлампии Гупёховне скучаю. Ты-то по ним не соскучился, наверное, у тебя же аллергия на кошек и рыбий корм. Мне вчера снилось, будто я снова иду по парку и нахожу Луньку – грязную, несчастную, брошенную... Мама тогда была в шоке, такие круглые глаза сделала, как у твоих китайских драконов. А потом сама помогала Луньку выхаживать. После того как мы её отмыли шампунем, она (Лунька, а не мама 😊) распушилась так, что стала похожа на шерстяной овал. Шерсть белая, с желтоватым отливом. Тогда-то мы и поняли, что эта кошка – настоящая Луна, и нарекли её Лунькой. А она вместо благодарности залезла в аквариум и поймала Евлампью Гупёховну. Я успела рыбоньку спасти, но Лунька ей хвост уже отгрызла.

Так вот, я вчера во сне как бы вспоминаю всё это и одновременно думаю (когда высокая температура, очень хорошо получается думать во сне): Лунька – белая, Евлампия – красный вуалехвост (теперь, можно сказать, красный бесхвост). Это же знак мне был! Белое побеждает красное. Это гражданская война в моей крови, Сажса-сан. Белоокровие – это победа белогвардейцев. Без хвоста меня оставили они. Так-то.

Плохи дела, Сажса-сан. Больно. Мне кажется, я слышу, как у меня расслаиваются кости. Я так зубами скрипела ночью, что теперь они шатаются.

Я волосы потеряла. Последнюю прядь из тех, что до начала химии у меня мама состригла. Я хранила в коробочке всего одну прядь, я тебе её передать хотела. Мне казалось, надо мной кто-то всю ночь стоял и шурушали когти под подушкой. Сил не было повернуться и посмотреть. Наутро пряди нет.

Утро творения

1

Проснулся поздно, с чётким ощущением, что что-то изменилось. За окном по-прежнему светило утреннее солнце: погода все эти дни стояла ясная. Казалось бы, обычное утро – такое же сонное и умиротворённое, как и все предыдущие. Я лежал и прислушивался. Снизу доносились голоса. Вот оно что. Мои друзья сегодня не пошли медитировать. Я встал, быстро умылся, привёл себя в порядок. Уже собирался покинуть комнату, как вдруг мой взгляд привлёк небольшой цветной прямоугольник, лежавший на полу возле стола.

Это был старый билет в Сад мастера сетей, который я сохранил с прошлой поездки в Китай. Я был тогда в городах Ханчжоу и Сучжоу, которые китайцы считают красивейшими

образцами своей архитектуры. «На Небе – рай, на земле – Сучжоу и Ханчжоу», – гласит известная пословица. Помнится, сами города меня не сильно впечатлили, но сучжоуский Сад мастера сетей оставил странное чувство. Кто-то – не помню уже, кто – расспрашивал меня потом, по возвращении в Россию, что мне запомнилось во время прогулки по саду, и я признался тогда, что сам сад типично-китайский, но был я там поздно вечером, и жутко хотелось спать. Настолько, что я не запомнил, как вышел из сада. Было множество людей, выставка фарфоровой посуды в одном из павильонов; помню блеск фонариков в воде круглого пруда, цветастую утку-мандаринку на большом лотосовом листе, дерево в золотой листве, тускло светящееся в сумерках, помню дымный гнилостный запах жареного тофу... Не помню, как вышел из сада. Кажется, кто-то ответил мне на это: твоя душа, наверное, осталась там. Я видел десятки этих китайских садов, и в Сучжоу, и в Пекине, и в других городах... Не думаю, по правде, что Сад мастера сетей стоит того, чтобы оставлять там душу.

Внезапное воспоминание было так ярко, что я словно бы заново почувствовал запах зловонного тофу, который ветерок задувал в Сад с улицы. И странно: в моей памяти этот запах сменился вдруг запахом хлорки и каких-то лекарств – так, как пахнет процедурный кабинет в больнице. А ведь я так и не вспомнил, как вышел из Сада. Неприятная мысль кольнула где-то в позвоночнике и мурашками разошлась по поясице: а может быть, я вовсе не выходил оттуда, может быть, я остался там? Сел и уснул в беседке под гомон туристических групп, и всё, что со мною происходит теперь, мне только кажется...

Я мотнул головой, стряхивая воспоминание, подобрал билет с пола и вложил между страницами моего дневника (прошлым вечером я усердно трудился над ним), потом покинул комнату и спустился на первый этаж.

За столом сидели Манфу и Хуршид, они о чём-то оживлённо спорили. На мой вопрос, куда ушли китайцы, оба неопределённо махнули руками. Я так понял, спор у них шёл о том, кто будет готовить обед, так что поспешил вклиниться в разговор и сказал, что могу приготовить и обед, и ужин. Мне пришлось повторить дважды, прежде чем они замолчали, обернулись ко мне и практически синхронно кивнули головами, быстро встали из-за стола и разошлись. Хуршид вышел во двор, а Манфу направился наверх, бросив мне напоследок:

– Обедать будем позже обычного, в два пополудни. Постарайся нас не отравить. Хах! Если что, я в своей комнате. Развлекайся как можешь, дом в твоём распоряжении. И да, спасибо!

Я в лёгком замешательстве пронаблюдал, как Манфу, мягко потопывая своими домашними мохнатыми тапочками, резвым молодым бычком взбежал на второй этаж и скрылся за изгибом лестницы. Будто и не было у него одышки. Переведя взгляд на стол, я обнаружил на нём, помимо невымытых мисок, одну порцию китайских пельменей – очевидно, мою. Пельмени давно остыли, и на поверхности образовалась плотная плёночка жира, потому что никто не потрудился прикрыть их. Я пожал плечами и, смирившись с тем, что сегодня буду завтракать в одиночестве, заварил чай с *линьчжи* и принялся за пельмени.

После завтрака, оставившего в желудке лёгкий холодок, я вышел во двор, побродил там без цели, подмёл у порога нападавшие за ночь листья. Хуршид давно куда-то упорхнул. Посмотрев на часы, я решил пойти на кухню и посвятить этот день приготовлению пищи.

2

На кухне, которая была расположена на застеклённой веранде, пристроенной к первому этажу, копать пришлось долго. Хотя я знал её устройство, но поиск необходимых продуктов обернулся детективной историей. Овощи, например, были запрятаны в самых разных местах: в углублении под половыми досками, глубоко в шкафу с тарелками и кружками, в деревянной коробке, подвешенной к потолку в дальнем углу. Так хозяйка пытались сохранить их от переохлаждения и от гниения, потому что холодильник морозил как сумасшедший и моментально превращал продукты, даже находящиеся на нижней полке, в куски льда.

Мой взгляд упал на огромный свёрток старого тряпья. Свёрток лежал у стены возле

шкафа, будто затаившийся лохматый зверь. Внутри, под толщей поношенного и заплесневелого хлама, обнаружилась картошка – проросшая, но, на мой неискушённый взгляд, вполне съедобная. Постепенно нашёлся и перец, размякший и очень грустный на вид, а также чеснок, лук и даже несколько деревянных помидоров. В холодильнике были яйца, колбаса, а морозилка была забита *дзяо-дзы* – китайскими пельменями. Поразмыслив, я решил, что пельмени – это неинтересно. Мне хотелось чем-то себя занять и заодно порадовать моих друзей. Второй холодильник, поменьше, был вмонтирован в стену, но в нём были только ампулы, баночки с какими-то лекарствами и пакеты с раствором для капельницы – всё это, следовало полагать, предназначалось для Тянь Ся, чьё существование поддерживалось медикаментозными средствами. Я поскорее захлопнул дверцу. Не выношу вида лекарств.

Понимая, что я не силён в приготовлении ни русской, ни уж тем более китайской кухни, я всё-таки отдал предпочтение последней. Из картошки, сдобренной уксусом, после недолгих мучений, получилась так называемая «кисло-острая картофельная соломка». В пароварку засыпал рис. Ошпарил помидоры, надеясь снять с них кожуру, но это было пустой затеей: полежав под полом неопределённое время, они отказывались чиститься. Я нарезал их и обжарил с яйцом; поразмыслив, добавил туда несколько капель ароматной китайской водки – бутылка с остатками содержимого, плескавшимися на дне, стояла на столе рядом с бадьёй соевого соуса и использовалась только в кулинарных целях, потому что любителей выпивки среди нас не было (водка ещё ни разу не сопровождала наши трапезы). Потом я настрогал вяленой свинины и потушил её в соевом соусе вместе с чесноком, перцем и сушёными грибами. Отварил в бульоне *тофу*. Постепенно количество блюд увеличивалось, и я, увлечшись, понял, что этого всего хватит и на ужин. Разогреть еду не совсем соответствует китайскому кулинарному духу, зато у меня будет свободна вторая половина дня, хотя я пока и не знал, чем мне её занять.

Полдень застал меня на кухне в пару и ароматах еды. Запах был лучше, чем вкус... но получилось, в целом, съедобно. Мысленно я представлял, как в фартуке и колпаке, который я смастерил из газеты, появлюсь перед голодными товарищами и выставлю на стол все эти яства. Они же наверняка думают, что я их пельменями собираюсь потчевать, а тут – пир! Сам я не чувствовал голода: вволю успел покусочничать.

Когда кухонные часы, поросшие вездесущей прошлогодней плесенью, обозначили два после полудня, я, подождав около десяти минут, но не дождавшись никого, начал выставлять на стол свои кушанья, заботливо прикрыв их крышками, чтобы не остывали. Заварил противный чай для себя и нормальный чай для остальных. Сел и стал ждать. Прошло полчаса. Я понимал, что смотрюсь нелепо с этим колпаком один в окружении нетронутой еды. Решил отправиться на поиски хозяев. Пройдя по второму этажу, обнаружил, что двери комнат закрыты на ключ. Это было странно. Раньше никто не закрывался даже на ночь, более того, зачастую двери специально оставались приоткрытыми, потому что в коридоре было теплее, чем внутри комнат, да и регулярное проветривание препятствовало образованию грибка и плесени.

Постояв в задумчивости посреди коридора, я услышал шаги внизу и поспешил спуститься.

За столом вся честная компания в полном составе уплетала мою еду. По всей видимости, они все коллективно куда-то выходили, пока я был на кухне, и только что вернулись. Разговоров не было. Даже Манфу жевал молча и не шутил. Я подсел к столу и принялся за остывшую, вопреки моим стараниям, еду. Тут всеобщее тихое чавканье прервала Син Чен:

– Очень вкусно, ты молодец, – сказала она с тёплой улыбкой, которая тут же сползла с её лица. Она не стала ждать ответа и вернулась к еде.

В который раз за этот день я пожал плечами и вдруг вспомнил, что мой дурацкий колпак всё ещё на моей голове. Я поспешил его снять, но этого никто, кажется, не заметил. Возможно, никто не заметил и наличия самого колпака.

Син Чен попросила у меня чистую миску и собрала в неё еду – понемногу от всех блюд – очевидно, для Тянь Ся. Поев, хозяева по очереди меня поблагодарили и удалились. Это напомнило мне, как благодарят поваров дети в детском саду – механически и с каким-то ненатуральным энтузиазмом. Син Чен поднялась, Хуршид вновь скрылся на улице; остальные разошлись по комнатам, и немного погодя защёлкали дверные замки. Второго залпа щелчков не последовало – видимо, двери закрывались только когда постояльцев не было на месте.

Я всё никак не мог избавиться от тягостного чувства: мои друзья чем-то на меня обижены. Но поводов для обид не было, они были погружены в творческий процесс, и он один занимал теперь их мысли.

Я включил музыку на телефоне, выбрал группу «Ундервуд», чтобы стало повеселее, и убрал со стола. На кухне помыл миски, навёл порядок, подмёл пол. Заняться было нечем, я вернулся в гостиную и стал перелистывать книги, стопками стоявшие на низеньких столиках в дальнем углу. Книжных полок в доме не было. Книги были посвящены китайской культуре, медицине, философии, была и поэзия – стихотворные подборки авторов, живших при разных династиях. Всё это было для меня китайской грамотой (я мысленно улыбнулся получившемуся каламбуру). На телефоне, оставленном на кухне, вместо «Ундервуда» заорал Шнуров, и я подумал, что, наверное, мои творческие хозяева всё это сейчас слышат, и музыка мешает им работать. Я вернулся на кухню и выключил телефон.

Было откровенно скучно, я ничем не хотел заняться, да и не знал, за что взяться. Мелькнула мысль, что, возможно, пора собирать вещи и отправляться отсюда, но мне всё-таки хотелось понаблюдать за этими странными людьми, да и особых планов передвижения у меня не было. Был, конечно, вариант добраться автостопом до тропического региона Си-Шуан-Бань-На, где сейчас должно быть очень тепло, и там побродить по окрестным деревням с плантациями пуэра...

На улице по-прежнему светило солнце, и я решил прогуляться. К тому времени я изведаль уже все дорожки, которые разбегались от дома в разных направлениях. Сегодня мой выбор пал на ту, что спускалась к небольшому водопаду в бамбуковой роще. Место располагалось в низине, там никогда не было ветра, а в воздухе разлетались облака водяной пыли. В том направлении любил ходить Хуршид, и я в тайне надеялся, что застану его там.

3

Около часа я шёл по дорожке мимо причудливых карстовых образований, торчащих сквозь заросли тростника и ельника. Проходя мимо молеельного домика, затерянного в этой глуши и обычно очень неухоженного, я внезапно остановился. Впервые за всё это время домик был аккуратно прибран, а у подножия чёрного изваяния бородатого божка дымились сандаловые свечи, рядом лежали сморщенные яблоки и миска с окоченевшим рисом. Свечек было три. Хуршид, как и следовало полагать, воздержался от «идолопоклонства», так что свечи, по всей видимости, принадлежали Манфу и двум китайцам. Вот куда они ходили! По традиции перед началом важного дела китайцы ставят свечи своим божествам, хотя в обычное время могут и не проявлять набожности. Но начало творческого «сезона» было для моих друзей крайне значимо, и потому требовало благословения высших сил. По стёртому лицу божка ползли отблески солнечных лучей, и казалось, будто лицо всё время меняет формы. Я направился дальше.

Издали донёлся шум водопада, и вскоре я вышел на небольшую площадку с вытопанной прошлогодней травой, практически полностью утратившей первоначальный зелёный цвет. Площадка заканчивалась обрывом высотой метров двадцать, и внизу было небольшое озерцо, наполняемое двойной струёй водопада, стекавшего из расщелины в противоположном горном склоне.

На берегу озера, спиной ко мне, на коленях стоял Хуршид – он совершал намаз, и его красивый раскатистый голос отдавался от скалистых стен небольшого ущелья, и красивые слова чужого языка набегали друг на друга. Умолкнув, Хуршид прижался к земле лицом и

находился в этом положении минут десять. Я уже собрался спуститься к нему, узнать, что такое с ним происходит, но тут иранец, будто ужаленный, вскочил на ноги и с места прыгнул в воду озера. Покачнувшись на скользких камнях, он сохранил равновесие и так, стоя по щиколотки в холодной воде, начал громко и протяжно произносить слова. Это явно был уже не намаз, но происходящее создавало ощущение священнодействия. Иранец был весь в движении. Он то начинал размахивать руками, поочерёдно указывая на воду, горы и солнце, то ходил по мелководью танцующей походкой, пренебрегая опасностью поскользнуться и упасть. В какой-то момент он замолчал, достал из складок одежды толстый блокнот, ручку и, не выходя из воды, стоя начал писать.

Так я стал свидетелем того, как иранский поэт сочиняет стихи.

Потом блокнот был снова спрятан в складках джалабии; Хуршид несколько мгновений постоял в задумчивости, обвёл взглядом окрестности – он посмотрел и на меня, но, похоже, словно бы и не заметил. Его взгляд был отрешённым, на губах играла улыбка. Он наклонился, зачерпнул руками воду и подкинул её вверх каскадом серебряных брызг. В каждом его движении читался восторг ребёнка, впервые увидевшего море. Он смеялся и танцевал. Внезапно поскользнувшись, он рухнул в озеро, попытался встать, снова поскользнулся и снова упал.

Я стремглав кинулся вниз, подбежал к воде а Хуршид, сидя в озере, громко смеялся, запрокинув голову. Это было настолько неожиданно, так не вязалось с образом рассудительного философа, который мне приходилось видеть прежде, что я застыл в нерешительности. Мотнув головой, я всё-таки шагнул вперёд, позвал его по имени и протянул руку. Хуршид, несколько не удивившись моему появлению, вцепился в мою ладонь ледяными пальцами и, продолжая смеяться, попытался утянуть меня за собой в озеро. Я вырвался, и тогда он, встав на четвереньки, начал плескаться водой. Не знаю, что было тому виной – его заразительный смех или вдруг вернувшееся ко мне хорошее настроение, – но я поддался его игре и стал плескаться в ответ. Часть дикого восторга, овладевшего безумным иранцем, передалась и мне. В конце концов, мне удалось ухватить его за рукав и вытащить из воды. Хуршид промок до нитки, его трясло, но на лице читалось бесконечное удовольствие.

– Я очень рад, очень рад, – заявил он, обняв меня за плечи мокрыми руками и прижимаясь к моей одежде бородой, с которой стекала обжигающе холодная вода. – Рад тому, что написал сегодня стихотворение. Оно мне нравится, я им доволен. Очень доволен. И рад видеть тебя, мой чудесный русский друг. Спасибо, что ты спас меня от утопления в этой глубочайшей из луж. Это было бы прискорбно, умереть и вечером остаться без твоей восхитительной стряпни. Хотя сейчас мне было бы не жалко и умереть!

Я помог ему взобраться по крутому склону, и вместе мы быстрым шагом направились к дому. По дороге иранец продолжал оживлённо о чём-то рассказывать, но из-за переполнявших его чувств он дал волю своему акценту, так что китайские слова звучали для меня так же непонятно, как и древнеперсидский. Я молча шёл рядом, внутренне радуясь за своего друга, улыбался и время от времени кивал головой, чтобы Хуршид не подумал, что я его не слушаю.

Солнце склонилось к западу, опускались ранние зимние сумерки. Поднялся ветер. В мокрой одежде было неудобно, но счастье иранца передавалось мне, поэтому я не чувствовал сильного дискомфорта, хотя и понимал, что воспаление лёгких сейчас было бы совершенно некстати.

Когда мы добрались до дома, солнце уже скрылось, и нас встретил свет, бьющий через приоткрытую дверь – конечно, зачем пытаться закрывать двери и сохранять тепло, когда живёшь с огромной красивой дырой в крыше! Но свет был добрым знаком: стало быть, кто-то из оставшихся дома спустился вниз и включил его. Можно было надеяться, что на сегодня творческое помешательство закончено...

– Мы доверили тебе такой важный, такой деликатный процесс нашей кормёжки, и что мы получили? Сидим и ждём его, хотим есть, а повар ушёл в горы! – завидев меня на

пороге, грозно загудел Манфу. Я, конечно, понимал, что это он не всерьёз, но, учитывая его недавнюю отрешённость, такой поворот обезоружил меня, и я не успел отшутиться.

Тем временем Манфу, разглядев нашу с Хуршидом мокрую одежду, вскинул свои густые, с завитками белых волос, брови и наигранно-обиженным голосом проворчал:

– Да ещё и купаться ушёл, нас не позвал....

– Мы не купались... молодой человек спас меня от позорного утопления в луже, – широко улыбнулся Хуршид. – Мы пойдём наверх переоденемся.

Манфу проводил нас недовольным взглядом, но в глубине его глаз блестели искры смеха:

– Давайте-давайте, пошутите там хорошенько... секретники.

Проходя через гостиную к лестнице, я увидел свет, льющийся сквозь полуоткрытую дверь кухни. Оттуда же доносились голоса китайцев. Судя по шипению разогреваемой пищи, моё присутствие там уже не требовалось. В который раз за этот день я пожал плечами и вслед за Хуршидом взбежал по лестнице.

Когда я вновь спустился вниз, за столом уже сидели все, включая Хуршида, который предстал в шерстяной кофте и джинсах, и этот новый образ, так контрастирующий с его ежедневным традиционным облачением, казался неуместным.

За столом не смолкали беседы, но реплики хозяев были какими-то бессвязными, единой нити разговора никак не выстраивалось. Каждый говорил о чём-то своём, возбуждённо и остроумно, и совсем не слушал остальных. Хуршид поведал про наше купание, но в его изложении это была совсем другая ситуация, ещё более забавная и глупая, и в результате мы оба предстали в ней отпетыми идиотами, которые будто бы решили поспорить, есть ли в озере рыба и погнались за каким-то мальком, страшно толкаясь, потому что каждый хотел его поймать... Син Чен ворковала про Тянь Ся, о том, что старушка ещё полна сил и я должен быть предельно осторожен, чтобы не дать ей себя соблазнить. Я вежливо улыбнулся, но внутренне сконфузился: не часто приходится слышать скабрёзные шуточки из уст китайки, тем более такой серьёзной и благовоспитанной, как Син Чен... Чуань Дзон тоже не отставал, но все его разговоры клином сходились на нём самом и на том, как близок он к какому-то «успеху», как доволен и горд собой. Рассказывая про свои музыкальные достижения, он, сидя напротив меня, постоянно поглядывал куда-то за мою спину и принимал всё более величавое выражение. Не выдержав, я исподтишка обернулся и понял, что китаец смотрится в зеркало, стоявшее у стены за моей спиной.

Один Манфу сильно не поменялся, потому что юмор и хорошее настроение были его спутниками каждый день. Разве что сегодня смеялся он более раскатисто и, сидя рядом со мною, чаще, чем обычно, брызгал на меня слюной... Всё это напоминало приступ коллективной истерии, но позитивная атмосфера не давала поводов для беспокойства. Вскоре я поймал себя на том, что в захлёт смеюсь над очередной шуткой Манфу, хлопаю по плечу Хуршида и агрессивно киваю, всем сердцем соглашаясь с каждым словом Чуань Дзона...

Мы засиделись допоздна, потому что хозяйка никак не желали успокаиваться. Наконец, когда я решился пробормотать что-то вроде «а не пора ли нам баиньки», Син Чен вдруг взяла с чайного столика-поддона пустую чистую кружку, налила в неё чай и протянула мне. Это был обычный чай, а не тот, с экстрактом *линьчжи*, которым я до изжоги напивался все эти дни. Это был *их* чай – тот, который полагалось пить только «посвящённым», не страшась «последствий» соприкосновения их разума с силовым полем.

Я вскинул глаза на китайку, но Син Чен с улыбкой сказала:

– В этот раз воздействие силового поля Земли по-настоящему прекрасно. Так бывает не часто... может быть, так хорошо не было ещё никогда. Ты многое потеряешь, если не попробуешь сам. Я уверена, это будет самым ярким впечатлением от твоей поездки, может быть, самым ярким впечатлением жизни. Определись, что бы ты хотел делать завтра – рисовать, писать роман, решать интегральные уравнения... от всего этого ты получишь несравненное удовольствие. Я думаю, сейчас по всей Земле люди, посвятившие себя

творчеству в разных его формах, испытывают экстаз. Но здесь, возле источника, это чувство ещё сильнее. Позволь радости творчества управлять тобою! Если хочешь, пей обычный чай, и ты увидишь мир таким какой он есть.

Всё это напоминало немного увещевания наркоторговца, стремящегося «подсадить» новую жертву, и я прямо сказал об этом Син Чен. Но сказал с улыбкой. Конечно, я согласился выпить *их* чай. Конечно, я хотел почувствовать, какой эффект это даст. И кто я такой, чтобы жалеть о своём выборе?

4

Следующее утро чем-то напоминало предыдущее. Вечерняя нервозная весёлость исчезла, на её месте воцарилась деловая сосредоточенность. По лицам своих друзей я понял, что они все поглощены творческим процессом. Хуршид за завтраком продолжал что-то писать в своём блокноте; Чуань Дзон время от времени замирал и, глядя в пустоту, принимался мычать нечто музыкальное, дирижируя себе палочками; Син Чен смотрела в миску с пельменным бульоном так, словно видела там острова иного мира; и только Манфу ел с аппетитом, причмокивал, ухмылялся, но тоже был немногословен.

Я вновь вызвался готовить обед и ужин, и моё волонтерство было воспринято как нечто само собой разумеющееся. Лишь Син Чен дала мне пару советов и пожеланий по поводу того, что и как нужно приготовить, а также где искать необходимые продукты. Потом все разошлись. На несколько секунд я застыл в нерешительности, но, наконец, собрался с мужеством и, догнав Хуршида, который уже покидал пределы двора, попросился пойти вместе с ним. Вопреки моим опасениям, он не стал противиться и улыбнулся мне. Я пообещал не мешать и просто прогуляться с ним, а потом вернуться на кухню к своей готовке.

Мы немного прошлись вчерашним маршрутом, потом Хуршид свернул куда-то направо, и некоторое время мы плелись по еле различимой тропе сквозь цепкие заросли, спотыкаясь о камни. Тайная тропа Хуршида вывела нас к открытому месту на одном из горных уступов, поверхность которого представляла собою почти идеально ровную площадку. За нашими спинами возвышалась гора, а перед нами красовался обрыв. Посмотрев вниз, я понял, что мы вышли на место, которое располагалось над вчерашним озером. В нескольких метрах внизу начиналась та расщелина, из которой стекал водопад, так что было хорошо слышно его шум, а небольшое озеро сияло на солнце, и бурный ручей вытекал из него, пробивая себе путь через пожухшие субтропические заросли, смешанные с растениями, более свойственными умеренному климату и хорошо приспособленными к низким температурам.

Пока я разглядывал окрестности, Хуршид уселся прямо на краю обрыва, запрокинул голову и стал следить полет облаков над нами, а я счёл своим долгом присоединиться к нему. Облака были прекрасны. Подсвеченные солнцем, разорванные горными вершинами и ветром, они пролетали в вышине. Их полёт, полный вечного движения и изменения, зачаровывал. Порою солнечные лучи прорезали облака, и тогда над горами появлялась блистающая корона, будто нимб древнего святого, чьё сияние вдруг прорвалось наружу и заполнило собою этот мир ветров и высот.

– Красота мира – это дар Аллаха в напоминание о тех радостях, которые ожидают нас на другом конце смерти, – промолвил Хуршид, не отрывая взгляда от небес. Сегодня он казался более уравновешенным, но в глазах его то и дело вспыхивал странный огонёк, словно отсвет внезапной мысли. – Если этот мир, несовершенный и греховный, так ослепительно-прекрасен, то каков же тогда истинный мир, где царствует незамутнённая красота?

Мне нечего было возразить, я просто кивнул.

– Ты уже определился, чем займёшься в ближайшие дни? – перевёл на меня взгляд иранец.

Я недоумённо посмотрел на него.

– Я имею в виду, – пояснил Хуршид, – Раз ты перестал пить эту грибную отраву, скоро у тебя появится потребность в творчестве. Что бы ты хотел создать здесь?

– Честно говоря, у меня нет вариантов на этот счёт, – признался я. – Для начала мне вообще хотелось бы разобраться в ситуации, пока что никакого желания что-то создавать у меня нет...

– Но это принципиально, – Хуршид заглянул мне в глаза. – Если у твоего творческого порыва не будет выхода, это начнёт жечь тебя изнутри, тебе обязательно захочется куда-то направить силы.

– Но я ничего не умею, – сказал я.

– Я надеялся, у тебя есть склонность к поэзии, – со вздохом сказал Хуршид. – Если действительно обнаружится такая тяга, могу дать тебе кое-какие советы. Но ты попробуй начать с абстрактной живописи... без особого напряжения, просто рисуй как рисуют дети. Особенно хорошо рисовать пальцами. Это не обязательно требует каких-то навыков, просто доверься своим эмоциям и интуиции. Попросишь сегодня у китайцев бумагу и краски, у них где-то был набор гуаши, для начала сойдёт.

– Хорошо, я так и сделаю, – отозвался я, чувствуя некоторую неловкость от этого разговора. Как-то слишком внезапно меня записали в художники, да и вообще творчество – не совсем моя стихия. Поэтому я попытался пошутить:

– Вчера Син Чен сказала, что можно даже уравнения решать. Если что, попробую оба варианта.

Хуршид шутки не уловил и ответил совершенно серьёзно:

– Математика – это тоже прекрасно. Хотя я бы предпочёл нечто более душевное. Не всем под силу разглядеть красоту уравнений и формул.

Мы немного посидели молча. Вновь почувствовав себя неловко, я произнёс:

– Хуршид, если тебе мешает моё присутствие, скажи мне, я пойду погуляю по окрестностям один, всё равно нужно возвращаться на кухню...

– Ты рассуждаешь неверно, – резко ответил Хуршид. Потом перешёл на более мягкий тон. – Я не из тех так называемых творцов, которые в момент творчества запираются в башне из слоновой кости, ограничивая все влияния и контакты. Я ценю каждый момент жизни и каждую встречу, которую посылает Аллах. Твоё присутствие так же благоприятно, как присутствие этих гор и трав. И я не к тому, что ты для меня сродни этим бездушным предметам, нет. Мой китайский не так хорош, – лучше, конечно, чем твой, – но всё же иногда я не нахожу нужных слов, чтобы выразить свои мысли. Так вот, ты – часть этого мира, несущая в себе, как и я, толику огня Аллаха. Все встречи и разговоры неслучайны, неслучайно и одиночество. Всё это ступени лестницы, ведущей нас в сад кипарисов и роз, и каждый шаг осмыслен и служит таинственному замыслу. Поэтому ты, мой друг, – мой лучший помощник в моем творчестве. Не будь тебя, мои стихи сегодня были бы полны одиночества и лунного света вопреки этому солнцу, что так не по-зимнему ярко светит над нами. Но твоё присутствие, мой друг, дарит мне ощущение причастности к парусу твоей души. Сегодня я смогу написать стихотворение, в котором, подобно стихам Гафиза, сверкнёт луч истинного солнца, солнца дружбы, и сияние твоего лица будет сиянием Аллаха, наклонившегося к нам.

Я был настолько поражён красотой этой тирады, что на какой-то момент почувствовал комок слёз в горле и с благодарностью произнёс:

– Хуршид, спасибо тебе. Спасибо за доверие. Когда я приехал сюда, Манфу был для меня единственным близким другом; сейчас я, кажется, обрёл нового товарища. Я очень рад, ведь тебя нельзя не любить!

Хуршид тепло улыбнулся, видя в моих глазах искренность. Он потрепал меня по плечу – не просто похлопал, а словно бы массирующим движением крепко сжал его.

– Не благодари. Дружелюбие окружающих – это отражение нашего собственного расположения. Я чувствую струны твоей души, ты хороший малый, хотя в глубине твоих глаз и залегла смутная тень. Уверен, здесь ты сможешь создать свой шедевр.

Меня немного покорила эта последняя фраза – ни о каких шедеврах я и не помышлял, да и вообще ещё со школы стеснялся говорить о творчестве. Я помню, как смеялись ребята надо мною, когда учительница как-то раз похвалила меня за написанное сочинение. С того раза я боялся писать сочинения, выполнял домашние задания нарочито небрежно. Учительница меня больше не хвалила. Почему школьники так болезненно реагируют на творчество? Может быть, инстинктивно понимают, что это очень личностный, интимный процесс... Но вот Хуршид говорит о своём творчестве открыто и нисколько не стесняется... Син Чен вот стесняется, а он – нет. Должно быть, ему известно что-то, неизвестное для других.

– Хуршид, – вновь обернулся я к нему. Он с улыбкой заглянул мне в глаза – такова была его привычка, он всегда смотрел прямо в глаза и ловил твой взгляд, но это не вызывало неудобства, напротив, очень располагало. – Что ты делаешь со своими стихами? Ты собираешь их в сборники, публикуешь?

Он громко рассмеялся:

– Аллах, Аллах! Никакого коммерческого интереса! Только искусство ради искусства... ну и ради моих друзей. Мы собираемся с ними вместе и читаем стихи. Есть знакомый мулла, иногда он приезжает сюда со мною, он называет этот дом чудом Аллаха. Так вот, это стихи для друзей. Я читаю их им, посвящаю – им, дарю – им. Каждое из них я мысленно подписываю их именами, потому что, если бы не было их, не было бы смысла писать. Они – мои единственные слушатели. А я люблю слушать их. А нас всех слышит Аллах, величайший из поэтов.

Он изящным движением достал блокнот и начал писать. Я следил за движением его руки, выводящей вереницы странных букв. Он писал и медленно, напевно произносил то, что пишет. Конечно, я не понимал слов, но звучало очень красиво и мелодично; иногда слова незнакомой речи пронзали меня насквозь каким-то еле уловимым великолепием, и я зачарованно следил за этим священнодействием, как если бы оказался свидетелем волшебства.

Наконец он закончил, глубоко вздохнул и произнёс:

– Один шайтан знает, что сейчас творится в твоей голове, но это стихотворение я посвящаю тебе, – игнорируя мой протестующий возглас, он ловко вырвал страницу из блокнота и небрежно всунул мне в ладонь. – Я помню каждое своё стихотворение наизусть, а это тебе. Может быть, когда-нибудь возьмёшься за изучение персидского, сможешь перевести. Я бы мог сейчас попытаться перевести на китайский, но боюсь испортить эффект. В этом стихотворении я называю тебя *берадяр*, что значит «брат». Мой светловолосый брат, с которым Аллах так прозорливо меня свёл! Я рад встрече с тобой и рад этому стихотворению, которое ты мне подарил. Да, ты! Я лишь отдал тебе текст, который прочёл в твоих глазах. Благодарю тебя за это.

– И я тебя благодарю, Хуршид, – неловко заулыбался я, расправляя в ладонях драгоценный листок. Я вновь подивился витиеватому и парадоксальному ходу его мыслей. – Получается, мы обменялись подарками?

– Получается, что так! – громко рассмеялся он.

Мы сидели ещё около часа, болтали обо всём на свете, разумеется, в тех пределах, которые позволяло охватить наше владение китайским. И это было так странно и замечательно – говорить с этим удивительным человеком на языке, который был одинаково чужд нам обоим, и при этом так кристально-ясно улавливать движение его мыслей и чувств, как зачастую не получается, даже если говоришь с кем-то по-русски. Казалось, что с этим немного суровым, немного категоричным, но при этом таким детски-светлым и дружелюбным человеком мы знакомы уже сотню лет. Мы говорили без умолку, нас грело зимнее солнце, под нами шумел водопад, колыхался дремучий лес субтропических гор. И незримые разряды поэзии, радости и дружбы вспыхивали между нами. Тогда-то я и решил сам попробовать создать что-то своё, потому что в тот момент творчество вдруг показалось мне таким простым, таким естественным и радующим процессом, что я уже не чувствовал

ни тени смущения. Я решил начать рисовать и сообщил Хуршиду, что свой первый «шедевр» обязательно подарю ему, а он со смехом дал мне обещание, что примет подарок, каким бы безобразным он ни оказался. Потом я оставил его одного и, окрылённый, пошёл готовить еду.

5

День пролетел незаметно. После разговора с Хуршидом я пребывал в восторженном возбуждении. За обедом я попросил у Син Чен краски и пару листов ватмана. И то и другое было стремительно найдено и с радостной готовностью передано мне. С этого момента я вновь стал эпицентром их интереса. И за обедом, и за ужином все то и дело оборачивались ко мне, давали какие-то советы, которые по большей части выветрились из моей памяти, осталось лишь воспоминание о царившей между нами атмосфере доброжелательности и заботливости. Я был счастлив.

В тот вечер после ужина мы разошлись по своим комнатам, и, оставшись, наконец, в одиночестве, я развернул на столе ватман, достал краски, но, вновь ощутив нерешительность, уставился на белое полотно. За ужином Манфу рассуждал о том, что не так важно, какой именно предмет я хочу изобразить, важен сам процесс. Главное – начать. Но я не мог представить, как можно рисовать что-то без всякого замысла – возможно, виной тому была моя инженерская «закалка». Всё должно иметь цель, каждое действие должно быть логически обусловленным, – так думалось мне.

Внезапно что-то мелькнуло в моём воображении, словно отблеск вспышки в зеркале – нечётко и блёкло, но в тот момент я понял: что-то *началось*.

Лицо. Я хотел нарисовать лицо. Я не знал, чьё это лицо – мужское или женское, сколько лет этому таинственному человеку, который внезапно появился в моём сознании.

Я открыл несколько баночек с краской, которую мне заблаговременно помогла развести водой и перемешать до кашицеобразного состояния Син Чен. В какой-то момент я просто макнул указательный палец в баночку с красным. Это произошло мгновенно, я даже не понимал, почему выбрал именно этот цвет. Я нарисовал контур – неровный овал, больше похожий на круг. Мне мнилось лицо русской девушки, но образ ускользал, его место заняло широкое скуластое лицо с выпуклыми щеками и узким лбом. Волосы? Я не видел в своём воображении ни волос, ни глаз, ни каких-то конкретных черт. Но я не останавливался, и постепенно, с каждым движением моей руки, лицо становилось всё более отчётливым и понятным для меня самого. Моё воображение подсказывало мне, *что* нужно рисовать, и рука сама направляла меня к пониманию.

Конечно, я не обладал необходимым мастерством. Лицо на ватмане напоминало детский рисунок, очень неуклюжий, но это был *мой* рисунок! Я нарисовал приплюснутый нос и узкий рот. Подумав немного, я решил, что борода или усы будут излишними, но на тот момент я уже не сомневался, что рисую мужское лицо. У лица не было ни шеи, ни тела. Но вот появились уши, плотно прижатые к черепу, настал черёд рисовать волосы – и я нарисовал их: это была короткая шевелюра, и жёсткие волоски, которые в моём исполнении, конечно же, были чересчур толстыми, казались мне типично китайскими, хоть я и рисовал красным, а не чёрным цветом... Да, я рисовал китайца. Он не был молод, не был и стар, я дал бы ему около пятидесяти лет. Он был довольно упитанным, и я уже где-то на грани сознания видел его увесистый животик. Он не был красив, но не был и уродлив. Он был *обычен* – и я сам поразился этой внезапной догадке. Я рисовал обычное лицо ничем не примечательного китайского мужчины. Зачем? Просто рисовал – потому что так *хотелось*.

Захваченный процессом, я потерял счёт времени, но в какой-то момент понял, что допустил критическую ошибку. Это было не то лицо, которое я действительно хотел изобразить. Лоб. Он был слишком узок, слишком... низок. Требовался большой выпуклый высокий лоб. Без тени сожаления я отбросил ватман на кровать, макнул средний палец в чёрную краску и начал рисовать заново. Но то, что получалось, меня несколько не устраивало. Ни одного верного мазка! Почему? Я в нерешительности посмотрел на

отброшенный ватман. Рисунок был незакончен, и это было как-то неправильно. Он был нарисован неверно, но я чувствовал, что должен продолжать рисовать именно это, неправильное лицо. Я отложил второй набросок – он упал на пол, но мне было плевать.

Я вновь взялся за первый портрет и продолжил рисовать чёрной краской по красному, так что новое лицо как бы накладывалось на предыдущее. Большинство линий почти в точности повторяло уже имеющиеся, и только лоб требовал серьёзных изменений. Новый лоб был нарисован чёрным поверх красных волос. Поначалу я боялся, что всё испорчу, но уже не хотел, не мог остановиться. Получилось очень странно, очень неряшливо, но как-то неувлочно *правильно*. Новый лоб смело выпирал вперёд, нависая над несуществующими глазами. Лицо на ватмане мне нравилось, но глаза... я совершенно ничего не знал о глазах этого человека. Я несколько раз поднимал руку, чтобы их нарисовать, но каждый раз палец застывал в сантиметре над бумагой. Моё сознание было абсолютно пустым, рука стала какой-то безжизненной, и с чувством лёгкого разочарования я понял, что сегодня не смогу больше нарисовать ничего. Сеанс творчества был закончен.

Я помыл руки, принял холодный душ, натянул свитер, тёплые штаны и шерстяные носки, выключил свет и залез под одеяло. От холода заложило нос, и я ртом вдыхал приторный запах гуаши, заполнивший мою комнату. Я был одновременно рад и раздосадован. Такую гамму смешанных чувств доводится переживать не часто. Это был странный вечер, странный дом, странное занятие, которое вдруг принесло мне столько радости и удовольствия... Я хотел закончить рисунок, но не знал, каким образом мне следует это сделать. Чувствовал: нужно лишь немного подождать, подумать – и я пойму, что именно следует предпринять.

Я долго лежал в темноте и вглядывался в чёрный потолок. Дремота овладевала мною и, засыпая, я перевернулся набок и краем глаза на полу возле кровати, на брошенном листе ватмана с несовершенным, испорченным наброском, увидел блик лунного луча. Это было необычно, ведь моё окно было расположено так, что в него не заглядывала луна, занавески тоже были плотно закрыты – я любил спать в полной темноте. Не знаю, спал ли я в тот момент или действительно видел сквозь полузакрытые веки, как лужица лунного света стала менять очертания. Я не ощущал ни удивления, ни страха, и отрешённо следил, как светлое пятно вдруг стало трёхмерным, приподнялось над полом – и оказалось белой светящейся кошкой, свернувшейся клубочком на полу. Изменения продолжались: головка кошки стала размытой, а в центре её спины стало расплываться чёрное пятно – это был большой рот, его разорванные края кривились, рот растягивался в широком зевке, пожирая свет, такой неуместный и такой огромный рот... Мелькнуло воспоминание об отражённом в телевизоре лице Тянь Ся – я так и не видел её лица напрямую, потому что не было удобного повода вновь зайти в её комнату наверху. Я вспомнил то жуткое отражение, искажённое выгнутым экраном и мелькающими картинками новостей...

В этот момент пятно на полу тоже стало лицом – зыбким и неясным. Его контуры менялись, порой обретая человеческие черты, порой превращаясь в нечто дикое и звёздное, будто бы явившееся из таких далей космоса, которые никогда не достигнуть человеку. Женское лицо, которое я так и не вывел из тьмы несозданного... Незнакомое лицо без рта и без волос на голове. Словно луна из чужой галактики смотрела на меня тенями своих безжизненных кратеров-глаз. Да, луна... почему нам кажется, что луна – это лицо? Мы хотим увидеть что-то человечески-осмысленное в мёртвом небесном теле, хотим своим воображением упорядочить непознанное пространство... И в этом мёртвом, безумном образе, что колебался и плыл по полу, я тоже хотел увидеть хоть что-то осмысленное. Ни капли страха не было во мне – даже в тот момент, когда блёклая маска, расплывшаяся по полу, вдруг рванулась вверх и дохнула мне в лицо холодной сыростью, будто спиртовой ватой провели по губам.

Я вздрогнул, резко, до боли, распахнул глаза, тут же закрыл их и моментально уснул. Но на сетчатке остался след неведомого света – печать светящегося лица, чьи контуры были неясны, но глаза... глаза смотрели на меня из бордово-чёрного мрака моих век.

Так я узнал, как именно я должен закончить свой рисунок.

Приложение 7

Части разорванного письма, заклеенные между страниц дневника. На просвет видны только отдельные фрагменты текста. Почерк неряшливый, отрывистый, наклон то вправо, то влево. Почерк принадлежит не Александру.

...мне красивое придумал имя. Светлячок. Как это будет по-китайски, ты говорил? Ин-хочун? Смешно звучит ☺ Только я уже ничего не хочун... А ты живи, Сажса-сан, у тебя будет долгая жизнь. Сажса-сан... Когда к моей бабуле под Казань ездили, она тебя попросила печку растопить, помнишь? Ты тогда весь извозюкался в сажсе, а всё-таки её растопил (не бабулю, а печку ☺). Я сразу тогда поняла, что ты – Сажса-сан, повелитель огня и пепла. Помнишь, ты мне потом тоже лицо намазал и мы устроили священные пляски диких племён? 🎵 Бабуля была в шоке!

...ждый день кто-то умирает в моей палате. Меня рвёт какой-то жёлчью – мне кажется, меня тошнит не от болезни, а от страха. Мне так больно, Господи, Сажса-сан...

*...
Всё думаю, почему это со мной произошло. Я ведь даже гриппом болела реже тебя. У нас в палате была тётка, беременная, её заставили сделать аборт из-за рака. Прикинь – аборт, насильно????!!! Её увезли вчера. Куда-то. А она говорила, всё от психосоматики. Надо, говорит, больше улыбаться. А я улыбаться не могу, у меня лицо онемело от боли. Я даже веки раскрываю с трудом, но уже приспособилась: надо очень-очень расслабить мышцы лица, и тогда веки как бы сами собой раскрыва...*

*...
Ты говорил, я пессимист. Может, за это меня накрыло? Только я сама мед закончила, я не верю в психосоматики. Это всё на практике, перед выпуском. Раз я по радиологии специализировалась, меня и отправили флюорографию в деревне делать. В той больнице, ты же знаешь. Аппарат был старый, как динозавр, там вообще всё было жутко допотопное... Ноль финансирования. Круглосуточное облучение. И всё. Удивительно, что в темноте не начал светиться твой Светлячок. Забавно, правда? Имя у меня говорящее, видимо. Мама с папой как в воду глядели. Света Белых. Облучённая белокровка. А я белый цвет НЕНАВИЖУ. Имя своё НЕНАВИЖУ.*

Каллиграфия

1

Распахнув занавески и впустив в комнату свет, я с любопытством разглядывал плод моих вчерашних трудов. Безглазое лицо смотрело на меня с ватмана, и я внутренним взглядом уже видел, как именно нужно изобразить его глаза. Я мог приступить к работе сиюминутно, но не видел причин для спешки. Мне даже хотелось оттянуть этот решающий момент, подольше побыть в подвешенном состоянии творческого возбуждения.

Выходя из комнаты, я бросил взгляд на лист ватмана – тот что по-прежнему лежал на полу. Неделанный, испорченный рисунок вселил в меня смутное беспокойство, а по затылку поползли уже забытые мурашки, сопровождавшие борьбу разума с самим собой: было или не было? Я вернулся, подхватил лист и положил его на стол. Обмакнув палец в чёрную краску, подсохшую за ночь и очень холодную, я в несколько мазков нарисовал на забракованном портрете глаза – такие, какие запечатлелись в моей памяти после вчерашнего сонного видения. Теперь с рисунка на меня смотрели узкие небрежно нарисованные глаза, но это только усилило неприятное ощущение. Я тщательно скомкал ватман. Мне хотелось

его сжечь, будто это был атрибут чёрной магии, который я сам же нечаянно создал. Было нелегко спрессовать комок плотной бумаги, казалось, что он самопроизвольно пытается развернуться вновь, будто у бумаги появились мышцы. Я бросил его на пол и прижал ногой, а потом пинком отправил белый комок под стол, подальше от глаз.

Стоило покинув комнату, и хорошее настроение вернулось. Спускаясь по лестнице, я поймал себя на том, что мурлычу под нос мелодию «Подмосковных вечеров» – вчера эту песню пел Манфу, правда, на китайском языке. Надо сказать, в Китае мелодия «Вечеров» пользуется большой популярностью: большинство обитателей Поднебесной знают мотив.

За столом сидели все, кроме Чуань Дзона. На мой вопрос, куда делся китаец, Син Чен лишь пожала плечами.

– Ну, как успехи? – весело толкнул меня локтем Манфу. – Готов показать нам своё творение?

– Вчера я начал рисовать, – поведал я. Былое смущение вернулось ко мне, словно бы я рассказывал о чём-то постыдном. Но я тряхнул головой, посмотрел на светящиеся одобрением лица моих друзей и более бодрым голосом продолжил:

– Я рисую лицо китайца, обычного китайца. Такие дела... Не спрашивайте почему, я сам не знаю. Так захотелось. Рисунок ещё не закончен, но я уже знаю, как завершить его. Он довольно безобразен, надо сказать. Я рисую одни и те же контуры разными цветами. Не уверен, как следует назвать такой стиль. Примитивизм? Постмодернизм? Идиотизм? Безвкусице? Но я доволен!

Друзья хором рассмеялись, начали меня поздравлять.

– Не бойся рисовать плохо, – сказала Син Чен. – Я сама, когда рисую, не всегда слежу за техникой. Правда, я обучалась рисованию... но техника – это не главное. Просто рисуй, не останавливайся. Позволь себе наслаждаться радостью творчества – согласишься, это замечательно!

Я радостно закивал головой.

– Не забудь, первое творение – моё! – с рыкающим смехом сказал Хуршид. – Я повешу его на стену в спальне, буду любоваться вечерами.

Все рассмеялись, но эта фраза меня немного обеспокоила. Вспомнился вчерашний эпизод с лицом на полу. Я подумал, стоит ли рассказать об этом... сне? Но друзья уже перевели разговор на другие темы, и я решил, что не стоит смущать их такой мелочью. Я был слишком возбуждён, захвачен вечерней работой над рисунком, вот и приснилась такая ерунда... Надо раньше ложиться спать.

Под конец завтрака разговоры прекратились, все вернулись к своим личным размышлениям. Когда, наконец, появился Чуань Дзон, заспанный и опухший, мы лишь сдержанно поприветствовали его, спросили, не заболел ли он, и, получив отрицательный ответ и вялую улыбку, дали ему спокойно приступить к остывающему завтраку – на сей раз это была рисовая похлёбка с арахисом и сухофруктами, а также острый тофу. И чай, неизменный юньнаньский чай – обычный, без всяких добавок.

После завтрака все разошлись. Хуршид подмигнул мне, направляясь к дверям, – он понимал, что сегодня я не пойду с ним. Мне предстояло завершить рисунок, а также приготовить обед и ужин – эта обязанность уже прочно срослась со мной, и сегодня я впервые ощутил укол неудовольствия по этому поводу, но смирился со своей участью.

Поднявшись в комнату, я сел за стол и стал рассматривать рисунок. Он был странным. Можно сказать, что он был некрасивым и бессодержательным, но я твёрдо чувствовал, что он был *правильным*. Вновь обмакнув палец в чёрную краску, я стал рисовать глаза. Они имели китайский разрез и казались ещё более узкими из-за полных щёк и нависающего лба. Обычные глаза. В тот момент мне казалось непонятным, почему вчера я никак не мог нарисовать их, ведь сейчас лицо выступило передо мной во всей своей очевидности.

Рисунок был закончен – по крайней мере, я не знал, что ещё можно добавить. Не хватало какого-то фона... Чувствуя, что в любой момент могу полностью испортить мой и без того далёкий от совершенства рисунок, я стал поочерёдно макать пальцы обеих рук в

баночки с разными цветами, оставляя отпечатки на белом ватмане вокруг лица. Разноцветные пятна стали заполнять бумажное полотно, и я постепенно стал понимать, что сиреневый цвет должен доминировать над остальными в этой хаотичной гамме. Я плеснул в баночку с сиреневым немного воды, чтобы краска стала более светлой, а отпечатки – размытыми. Сиреневые лужицы соприкасались на бумаге с другими цветами, образуя причудливые полутона по краям.

Мой рисунок был, возможно, слишком... экстравагантным. Знаток живописи решил бы, что он неудачный. Но ведь в современном искусстве немало странных произведений... В любом случае, мне нравился этот мой первый «шедевр». Правда, дарить его Хуршиду было стыдно. И немного жалко. Но уговор дороже денег. Я оставил рисунок сушиться на столе и решил, что вечером за ужином вручу его иранцу. Можно будет вместе посмеяться над моим опусом...

2

За обедом, который на этот раз я приготовил достаточно быстро, после бесед на общие темы разговоры вновь переключились на меня. Я поделился тем, что закончил свою картину и вечером планирую представить её всеобщему обозрению.

Манфу пригласил понаблюдать за его творчеством, а заодно поучиться китайской каллиграфии. Я с готовностью согласился. Услышав это, Хуршид со смехом назвал меня «предателем» и благословил на познание нового вида искусства, раз уж с поэзией у меня отношения не сложились.

Поднявшись в комнату Манфу, я удивился тому бардаку, который там воцарился за последние дни. Когда я заглядывал сюда в первый день моего пребывания в доме, комната была аккуратно прибрана, лишь на кровати грудой лежали вещи. Манфу, увидев мой недоумённый взгляд, сам сконфузился и стал бормотать что-то про творческий беспорядок, сопровождая речь залпами своего кашляющего смеха.

Но тут я увидел листы плотной желтоватой бумаги с каллиграфией. Манфу писал в несколько непривычной манере: его иероглифы были заострёнными, и везде изобиловали чёткие линии и острые углы. Было несколько листов и с «классической» каллиграфией, напоминающей красивые каракули, но Манфу, очевидно, отдавал предпочтение другому типу письма.

Японец приволок откуда-то низенькую табуретку и поставил её рядом с письменным столом. Табуретка предназначалась для меня, потому что сам хозяин уселся на стул и предложил мне понаблюдать за процессом его работы.

На столе лежал лист специальной плотной бумаги, зернистой и коричневатой, что вызвало у меня ассоциации с египетским папирусом. По словам Манфу, такая бумага не боится сворачивания, и после специального отпаривания даже сильно помятый лист принимает изначальную форму.

– Сегодня я собираюсь написать классическое сочетание трёх иероглифов *Дзин-Ци-Шень*, – сказал он и на обычном листе линованной бумаги ручкой написал три иероглифа 精气神. Все они были довольно простыми и знакомыми мне. Первый означал «энергию жизни», второй – «воздух», третий можно было перевести как «бессмертный дух» или «сознание». Но общее значение всех трёх было для меня загадкой, в чём я и признался Манфу:

– Я не совсем понимаю смысла этой триады, она напоминает мне идею триединства человеческой сущности в западной философии, где тело, душа и дух образуют человеческое существо.

Манфу с улыбкой помотал головой. Он начал мне объяснять, временами делая поучительные жесты. Он был большим поклонником китайской культуры и не упускал ни одного удобного случая, когда предоставлялась возможность поговорить о ней.

– Эту триаду можно интерпретировать по-разному, – поставленным голосом лектора начал Манфу. – Спроси десять китайцев – получишь десять ответов, каждый из которых по-

своему справедлив. Например, часто *Дзин-Ци-Шень* связывают с китайской традиционной медициной, где эти понятия обозначают три энергии человеческого тела. Врач в процессе излечения пациента работает с этими энергетическими потоками, корректирует их, усиливает или, напротив, ослабляет. Чаще всего в данном процессе участвуют иголки и полынные сигары, которыми врач воздействует на те или иные точки. Наш мир тоже имеет такие точки, мы сейчас находимся в поле действия сильнейшего меридиана... Но это к слову.

Помолчав, как будто вспоминая, о чём только что шла речь, Манфу продолжил:

– Моя трактовка *Дзин-Ци-Шень* не противоречит медицинской, но представляется более исчерпывающей и простой. Конечно, возникает ассоциация с троичными философскими системами на Западе, но тут мы имеем дело с сущностями другого порядка. Запад всё стремится подчинить законам формальной логики, даже бытие души и тела. Это так грубо – обозначить бытие человека триединством тела, духа и души. А как они взаимосвязаны? А что если кроме тела ничего другого нет? Формальная логика может доказать всё что угодно, при этом ей глубоко наплевать, существует ли объект доказательства в реальности. Здесь же мы имеем дело с прикладной логикой, может быть, не такой стройной, на первый взгляд, но более практичной. Все три энергии *Дзин-Ци-Шень* духовны и материальны одновременно. Китайская философия, на самом деле, не очень интересуется проблемами духа. Тело – это проявление души, следовательно, воздействуя на тело, можно воздействовать и на энергетическое поле... Так вот, если говорить совсем просто, в этой триаде заключается формула гармоничного и здорового существования человека. *Дзин* означает сферу репродуктивной деятельности. *Ци* – дыхание жизни, это все необходимые человеку питательные вещества, получаемые из пищи, воды и воздуха, а также органы, участвующие в переработке этих веществ. *Шень* – сознание. Нарушение одной из сфер ведёт к повреждению человеческого существа в целом, а при сильных отклонениях – к смерти. Вот и получается, что для нормального существования нужно следить за этими тремя составляющими и понимать, что недостаток подпитки в одной из сфер так же губителен, как и переизбыток. Любовь, пища для тела и пища для разума – залог благополучия человека.

– Ешь, молись, люби, – улыбнулся я.

– Если тебе угодно, то именно так и обстоит дело, – одобрительно улыбнулся японец мне в ответ. – Ну что ж, раз тебе всё ясно, мы приступим.

Он достал длинную кисть для каллиграфии, обмакнул её в ароматные чернила и начал писать в традиционной каракулеобразной манере: большие иероглифы располагались на листе сверху вниз, черты плавно перетекали одна в другую. Я, затаив дыхание, словно подросток, пришедший на концерт любимой рок-группы, наблюдал за работой моего друга. Это действительно был творческий процесс: мастерство писца соединялось с его представлением о значении иероглифов, внешний вид которых подчёркивал те или иные оттенки смысла. Отрывистые линии указывали на мужество и отвагу, плавные черты отражали спокойствие и нежность, закруглённые формы ассоциировались с гармонией, острые углы демонстрировали категоричность... Кисть Манфу перемещалась по холсту, и словно бы не рисовала, а выявляла то, что уже присутствовало на бумаге в незримом виде – так органично и естественно выглядели выходящие из-под каллиграфической кисти символы древнего языка.

Когда работа была закончена, Манфу достал из выдвижного ящика именную яшмовую печать, обмакнул её в пасту из киновари и с силой приложил к холсту. Печать оставила красный след, и теперь работа по-настоящему была завершена. Несмотря на то, что на бумаге не было ничего, напоминающего живопись, получившееся было именно картиной, произведением искусства. Сочетание *精气神* повторялось в работах мастеров каллиграфии бессчётное количество раз, но не было ни одной похожей картины. Каллиграфия замечательна тем, что традиционная идея обретает в ней каждый раз новое звучание, отражая мысли и саму душу мастера.

Манфу достал откуда-то прописи для начинающих, маленькую кисточку и вручил

всё это мне. Сначала он объяснил, как следует держать кисть – она обязательно должна быть под прямым углом по отношению к бумаге. Это было сложно и неудобно, так что первые попытки что-то написать были жалкими и неуклюжими – всё равно что пытаться писать левой рукой, если ты правша. Но постепенно я освоился и по намеченным на учебной бумаге трафаретам стал прорисовывать иероглифы, подчиняясь подсказкам Манфу и то ослабляя, то усиливая нажим, чтобы линии получались красивыми и волнообразными...

Увлекательное занятие требовало времени, и вскоре я обнаружил, что мне давно пора бежать на кухню готовить еду. Манфу посоветовал каждый день тренироваться в каллиграфии вместе с ним, если я хочу овладеть этим искусством. Для начала следует выработать привычку держать кисть правильно, а также получить интуитивное чутье, когда следует усиливать или ослаблять нажим... Я поблагодарил его и собирался уже покинуть комнату, когда Манфу, положив руку мне на плечо, задержал меня.

– Сегодняшнюю каллиграфию я хотел бы подарить тебе, – сказал он и, игнорируя мои протесты, начал сворачивать трубочкой лист с *Дзин-Ци-Шень*. Краска успела высохнуть, и опасений, что она размажется, не было. Я ощущал всю ценность этого небольшого произведения искусства и был поражён лёгкости, с какой Манфу расставался со своим творением.

– Бери, не сомневайся, – улыбнулся он мне. – Я часто дарю свою каллиграфию друзьям. Если тебе нравится, в обозримом будущем я подарю тебе что-нибудь ещё. Желаю, чтобы в твоей жизни всегда сохранялся баланс между этими тремя энергиями человеческого существа. Можешь повесить на стену и поглядывать время от времени.

Я горячо поблагодарил Манфу, и мы по-братски обнялись. Я почти физически ощущал, как приятно ему сделать мне подарок.

– Манфу, друг мой, спасибо тебе за то, что пригласил меня сюда, – произнёс я. – Я пока что не очень понимаю, о каком источнике поэзии вы говорите и что он значит для всех нас, но, не скрою, это удивительное место. Однако даже его красота и чудесность меркнут по сравнению с вами, такими замечательными людьми. Я бы хотел быть похожим на тебя – мудрым, талантливым, жизнерадостным, ты – мой идеал для подражания.

– Хах! Замечательно! Можешь с этого момента называть меня папой. Это должно получиться забавно: при людях ты будешь называть меня своим дорогим отцом, я тебя – сыном-первенцем. Хах!

– Почту за честь, – засмеялся я в ответ. – Стало быть, ты будешь звать меня сыном?

– Да, и с этого времени, – Манфу поднял палец в поучительном жесте, – тебе необходимо следовать законам послушания и сыновнего почтения.

– Это по Конфуцию, верно? – улыбнулся я. Ситуация и правда представлялась мне забавной. Вот у меня будет японский папа в Китае, мы будем жить по заветам конфуцианства... Эта игра была занятной, словно бы мы оба надевали маски китайской оперы, и каждый должен был соответствовать положенной роли от начала до конца.

– Именно, – с напускной серьёзностью подтвердил Манфу. – Тебе ведь знакома идея *Сяо Шунь*? Это основа сыновней почтительности. Будешь ухаживать за своим старым отцом, когда у него не будет сил принять душ?

Я с готовностью ответил:

– Конечно, дорогой папа! Сын всегда рад прийти на помощь любимому папане! И душ принять, и ножки помыть – всё помогу!

– Тогда не забудь, в разговоре ты обращаешься ко мне на Вы, проявляешь знаки почтения, называешь себя сыном, меня папой. Ну, скажи теперь, папа хороший, сын любит папу?

Я с радостью закивал:

– Папа великолепен, сын любит папу больше всего на свете!

– Ну и отлично, – сказал Манфу. – Сегодня папа пойдёт на кухню вместе с сыном, будет учить сына готовить еду. Папа в этом деле мастер, у сына пока не очень получается.

По китайскому традиционному календарю Новый год выпадал на восьмое число

февраля. Но я бы так и не вспомнил о том, что уже завтра будет отмечаться главная дата годового цикла, если бы Манфу не указал мне, что пора взяться за лепку пельменей. Китайские пельмени *дзяо-дзы*, неизменно сопровождающие празднование Нового года, лепятся заранее в промышленных масштабах. Мы с Манфу приготовили фарш и тесто, и немного погодя к нам присоединились все остальные жители дома, за исключением Тянь Ся, и мы начали дружно лепить пельмени. Было очень весело и как-то по-семейному уютно.

Приложение 8

Ещё пара склеенных страниц, между ними просвечивает обрывок тетрадного листа в зелёную клетку. Лист заполнен кривыми, набегаящими друг на друга строчками. Часть слов невозможно прочитать из-за бурных пятен.

Придай, Сажасан. Начну с прощание. У меня кровь каплет износа ииз глас. Я дмала шутят сволачи <нрзб> ниввозможн плкать кровью. Возможно. У меня белокрровие а кровь всравно красная.

Мне <нрзб> свосем н болно, мн хрошо. Даж голва н болиит. Знаеш что этозначит? Это начнается агония. СУКА. АГОня. У меня!

<нрзб> знала что рано здохну. Даж не курила тваюмать никогда <нрзб>! Млаолетки дуют вскую химию, коктейли эти пьют. Алкоглички, твари шлюхи НиКТО СУКА Ни УМИРАеТ!! я згнию аани бдут тебе гласки строить желаю вам ЗДохНУт всем как я. Я почему?????? <нрзб> знала чувстввала, как лермонтав. Если в тармвае едет бомЖ, сумшедишии ли пьяный он 100% прстанет имно ко мНЕ.

Вдетсве я ишколы шла и тётка вышла иззаугла и просто дала мне мОНету два рубля а потом казала што она ВЕДЬМА и убежалла Я выбрросила мнету потрамвай. <нрзб> мне не будет СЧАСТЬтя

<нрзб> в палате кторая про психсматику грвроила она чера <нрзб> умерла

Я увререна ктото стоит надомной вссю ночь, а я невижу я уже почти оСЛЕлПЛА. Он лЁГ с монй сгеогдня мокрый хлдный УЖСУЖАС яя Я <нрзб> знала чт это кит. Проклятый МО-БИДИК. Я видела бРЕД океан крови темнел бререг как харчок трубрекулёзника и паълмы как чорные вены в КРОВИ <нрзб> неба. Море мелккое каклужа и браархтацця белая ОГРОмна тварь <нрзб> гадина КИТ пьёт мое море крови и пухнет. НЕНВИЖУ БЕЛЫЙ СВЕТ. Вгсегда этот цвет нилюбила. Ты гврил в китае белы цвет симвл смрерти а они секут твои китайцы вСЁ знают.

<нрзб> блаасты в кРОВИ <нрзб> <нрзб>

Я не знаю что написала не в и ж у <нрзб> Ты <нрзб> прости СаЖА забудь <нрзб> что я была

<нрзб>

Вести из силового поля

1

Обед и вторая половина дня пролетели незаметно. Я взялся за новый рисунок, хотел нарисовать горы и наш дом в окружении водопадов и облаков. Рисовал без контуров, одними отпечатками пальцев, поэтому получалось нечто невразумительное, но мне нравилось это занятие. В какой-то момент я отложил новый рисунок и развернул на кровати предыдущий. Он был завершён, но мне хотелось внести в него какую-нибудь деталь, которая хоть немного объяснила бы хаотичность созданного образа, его странность и несовершенство... В голову пришла мысль добавить лицу на ватмане третий глаз. Тогда рисунок бы приобрёл черты, свойственные маскам китайской оперы – нечто подобное я видел год назад в городе Сучжоу: на выставке масок сичуаньской оперы была одна золотая маска с вертикальным третьим

глазом во лбу.

Я погрузил пальцы в жёлтую краску и нарисовал вертикальный разрез на лбу ставшего уже знакомым лица и синий зрачок, выглядывающий из него. Получилась фантазия на тему сычуаньской маски духа, хотя у меня и не было золотого цвета, который, благодаря своему символизму, был бы способен подчеркнуть таинственную природу маски. Так пухлое некрасивое лицо вдруг стало лицом сверхъестественного существа. Получилось кривовато, но теперь я, по крайней мере, мог найти объяснение тому, откуда этот «портрет» взялся в моей голове. Мой разум сам подкинул мне запоздалое оправдание: я рисовал не реального человека, а всего лишь маску в окружении карнавального фейерверка разноцветных огней... Портрет стал мистической маской, но парадоксальным образом утратил свою необъяснимость, стал более понятным для меня самого.

Вновь отложив в сторону первый рисунок, который я в очередной раз посчитал завершённым, я вернулся к имажинистскому пейзажу. Зелёные пятна на нём, разного оттенка и формы, в совокупности формировали горы, поросшие лесом. Намазав тёмно-зелёной краской ноготь, я постарался резкими тонкими штрихами изобразить ветви деревьев, стебли тростника и листья бамбука. Получилось не очень, и я твёрдо решил напроситься к Син Чен в её комнату-мастерскую, чтобы она дала мне пару уроков профессионального рисования.

Мизинцем, вымазанным в коричневой краске, я нарисовал наш дом – очень сермяжно, но что я мог поделаться? Я никогда не учился в художественной школе. Синие пятна с жёлтыми вкраплениями обозначали стёкла в рамах и солнце, отражающееся в них. Верхний этаж под самой крышей, где находились покои Тянь Ся, изобиловал этой условной солнечной желтизной. Так представлялась мне её комната – залитая солнечным светом в любую погоду.

Небо было бледно-синим, на нём размытыми сероватыми завитками плыли юньнаньские облака. Я постарался изобразить и солнечные лучи, пробивающиеся сквозь них. К ужину я закончил рисунок и почувствовал себя опустошённым. Никогда бы не подумал, что окажусь способным целый день просидеть за написанием пейзажа!

2

Через приоткрытую дверь послышался звучный голос Манфу, который зазывал всех к столу. Лично для меня предназначалась фраза «Сынок, спускайся, иначе твой старый отец умрёт голодной смертью в ожидании тебя! Хах!»

Я поспешно свернул рисунок с лицом-маской, намереваясь после ужина вручить его Хуршиду, и побежал вниз.

Никогда не забуду тот ужин. Мы сидели все вместе: Манфу рядом со мной по одну сторону стола; Син Чен и Чуань Дзон напротив нас; Хуршид сидел за столом справа, рядом с чайным столиком; во главе стола, как обычно, восседал Ван Юпин. Всё было просто и естественно, как и всегда. На столе дымились блюда, приготовленные моим «папаней», и все собравшиеся непринуждённо переговаривались и нахваливали стряпню Манфу.

– Надо сказать, я истосковался по вкусной еде, – прогудел Хуршид. – Не в обиду будет сказано, но Аньпин не самый лучший на свете повар.

Я смущённо поёжился и улыбнулся.

– Парень впервые готовит еду на такую большую и прожорливую компанию. К тому же готовит в китайском стиле, и, надо отдать ему должное, у него получается съедобно! – с чувством сказала Син Чен.

– Во всяком случае, он точно готовит лучше, чем иранский друг, знаете ли, – сказал Чуань Дзон, глядя на Хуршида.

Иранец не растерялся:

– Я мастер в приготовлении ближневосточной кухни. Чья вина, что у вас тут нет ни подходящих продуктов, ни условий для того, чтобы я мог продемонстрировать свои таланты? Парень готовил сносно, я ничего против него не имею, но Манфу, всё-таки, мой идеал!

Манфу покровительственно, но с улыбкой посмотрел на меня:

– Ничего, сынок, почаще проводи время со своим стариком, и я научу тебя всему, что знаю сам!

– Сынок? Вот это новости! – ахнула Син Чен.

– О да, мы нашли друг друга! – со смехом сказал я, обрадованный шансом перевести разговор на тему, не связанную с моим кулинарным провалом. Мне хотелось развеселить их, и я начал фантазировать на ходу. – Много лет назад папа встретил мою маму, она приплыла из России в Японию на грузовом судне, спасаясь от засевших в Приморье белогвардейских бандитов. Они там прятались и пугали мирное население, пока их не разогнала Красная Армия. Так вот, мама и папа сразу влюбились друг в друга, так получился я. Кстати, папа, а где теперь моя мама?

– Твоя мама покинула нас, сынок, – с напускной грустью сказал Манфу. – Ей хотелось увидеть мир и она улетела в Америку делать карьеру бизнес-вумен. Мне больно об этом говорить... Так получилось, что папа растил тебя в одиночку, а потом один русский моряк забрал тебя на воспитание, чему я был рад, потому что ты должен был узнать свои исторические корни!

Я с радостью продолжил:

– И вот, много лет спустя, я, находясь в постоянных поисках отца, нашёл его здесь, в Китае!

– Душещипательная история, – ухмыльнулся Ван Юпин. – Как жаль, что в вас обоих пропадает дар рассказчика. Могли бы книги писать.

– Аньпин ещё напишет, – похлопал меня по плечу Хуршид. – Я всё ещё верю, что он обратит внимание на искусство изящной словесности.

– Может быть, мы вместе с папой возьмёмся за написание мемуаров, – парировал я. – Это будет псевдобиография псевдоотца и псевдосына. Изобретём новый жанр.

– Так это не правда? Вы всё-таки не родственники? – с деланным удивлением вскинул голову Чуань Дзон. Я заметил, что мешки под его глазами стали больше и темнее. Он выглядел больным, ему явно недоставало отдыха.

– Ну вот что ты такое говоришь, сынок? – сказал Манфу, строго поглядев на меня. – Не вводи людей в заблуждение. Конечно же мы родня, вы посмотрите, он и я – одно лицо!

Манфу прижался к моему уху щекой, чтобы продемонстрировать наше «сходство». Естественно, мы несколько не походили друг на друга, и выходка вызвала дружный смех. Смеялся даже обычно невозмутимый Ван Юпин; смеялся Чуань Дзон, хотя и натянуто. Его внешний вид всё больше начинал меня беспокоить, но остальные как будто не замечали явных следов переутомления на его лице.

Когда все насытились, Ван Юпин, неизменный хозяин и руководитель наших вечерних посиделок, как водится, откупорил бутылку рисовой водки и разлил всем по маленьким стеклянным стаканчикам.

– Я хочу выпить за всех нас, – сказал он негромко, но властно, и поднялся со стула. – За вашу работу здесь и за ваше творчество. Я желаю вам успехов и новых открытий. Cheers! – Как и большинство «продвинутых» китайцев, он любил разбавлять свою речь популярными английскими выражениями, хотя и не говорил по-английски.

Мы выпили по одной, похватили с блюд то, что там ещё оставалось, выпили опять... Разговоры становились громче, смех веселее. После третьей рюмки на лицах заиграл румянец, а Син Чен покраснела до корней волос, но не отказалась от четвёртой. Манфу смеялся поставленным голосом, красиво и заливисто, его смех уже не походил на кашель. Китайцы хихикали в кулачки, Хуршид хохотал, запрокинув голову, так что в один из особенно агрессивных залпов смеха с него слетела тубетейка и он полез под стол доставать её. Он тоже основательно захмелел – похоже, его вера как-то сочеталась с употреблением спиртного...

Ван Юпин смеялся со сжатыми губами, не открывая рта, так что его смех напоминал мычание. Он задавал тон – рассказывал анекдоты и забавные истории из жизни. Из-за его

нечёткого произношения и сильного акцента, вызванного влиянием сычуаньского диалекта, распространённого в его родном городе Чэнду, мне было непросто понять, о чём идёт речь. Но остальные, похоже, понимали его без труда и смеялись навзрыд, поэтому я тоже не отставал и хохотал вместе со всеми, даже если не разбирал смысла той или иной шутки. Смеялся до боли в щеках, до слёз. Давно не было так весело, так хорошо... Этим вечером общее приподнятое настроение, царившее последние дни, достигло кульминации – и опьянённые рисовой водкой и счастьем люди за столом громко выражали свой восторг.

– В старину, то есть это значит очень давно, – косноязычно начал Ван Юпин новую историю, когда очередной залп безудержного хохота начал стихать. Я задался целью понять от начала до конца хотя бы одну из его басен, – люди тогда не знали ни вина, ни чая. Вам, наверное, знакома легенда о появлении чая? Ну один буддийский монах, очень весь такой правильный, страшно боялся уснуть во время медитации. Ну и что? Он медитировал трое суток и, конечно же, уснул. У монахов есть всё – ну вы знаете, машины, квартиры, женщины... Особенно у тех, кто в таких монастырях живёт, где надо билет за двести юаней покупать, чтобы посмотреть, как они там, праведники, спасаются от мира... Короче, у того монаха тоже было всё, а ума не было. Ни Христос, ни Будда, ни Аллах ума ему не дали, ну чтобы хоть в чём-то жизнь малиной не казалась. Так вот. Монах этот. Зачем он медитировал так долго? Понятно же было, что рано или поздно уснёт, надо силы соизмерять. Короче, он уснул. Хорошо так поспал, *very good*, как говорится. И потом такой смотрит – а на дворе-то уже вечер. Весь день проспал. Ну он, ясное дело, расстроился. И поскольку был из тех, кому ни Христос, ни Будда, ни Аллах ума не дали, запаниковал и впал в *depression*. Был он большой любитель истерик напоказ, дошло до того, что он начал клочками волосы свои рвать. Бедняжка. По-настоящему расстроился. А что сделал Будда, как думаете? Нет, не правильно, ума он монаху так и не дал. Он сделал так, что из этих волосёнок выросли побеги первого на земле зелёного чая. Так помимо машин, квартир и женщин, да ещё билетных касс, у монахов появился чай. В нём же кофеина больше чем в кофе, можно медитировать себе в удовольствие и не спать. Такие дела.

– Ну а вино, что насчёт вина? – поинтересовалась Син Чен, которая к этому времени уже положила голову на плечо Чуань Дзону, и оба сидели красные и страшно довольные, словно школьники на выпускном. Всем пришлось по душе эта модернизированная версия старой легенды, и мы радостно хихикали и ждали продолжения.

– Ага, заинтриговал? – захолопал в пухлые ладоши Ван Юпин, и его круглый животик под клетчатой рубашкой затрясся. Тем временем его лицо начало как-то странно расплываться. Я заморгал, полагая, что это проблема моего затуманенного алкоголем зрения, но ничего не поменялось... лицо становилось всё более и более нечётким.

– Ну что ж, ОК, скажу вам, – продолжал Ван Юпин. – Другой монах, друг нашего героя – или не просто друг, *if you know what I mean...* – всё думал, как бы ему побыстрее достичь Нирваны. Пил чай, медитировал, кушал один рис, *nothing more*. Но кушал он рис в очень больших количествах, чай тоже пил кружками. В его келье – трёхэтажной, естественно, потому что жил он в Шанхае, – всегда было про запас наварено риса – вы бы удивились, сколько! И, конечно же, летом всё это богатство начинало быстро портиться. Так что кушал наш монах подкисший рис, и оттого часто страдал расстройствами желудка. Вот он и взмолился Гуань-Инь, своей любимой богине, потому что в тайне увлекался не только своим другом, но и женщинами: «*Darling*, помоги, *please*, не оставь верного слугу! Рис портится быстрее, чем успеваю съесть, а потом понос на три дня. *Shit!* В туалете медитировать неудобно – там запахи разные. А уж очень хочется к тебе в Нирвану». Ну, богиня над ним сжалилась и научила его делать из риса вино, чтобы и расстройств поменьше было, и к вечному блаженству монах приобщился уже при жизни. С тех пор и начал монах варить вино, и никто его не видел в дурном расположении духа, потому что стал он с тех пор Просветлённым и новым Бодхисаттвой.

Мы смеялись навзрыд и аплодировали. Я был крайне доволен тем, что уловил-таки суть истории. Манфу засмеялся так резко и пронзительно, что начал падать со стула, и я

едва успел его подхватить. Лицо Юпина расплылось в блёклое пятно, это было странно и страшно, но в тот момент я не мог ничего поделать, мне всё казалось смешным, и я продолжал хохотать. Нас всех охватил порыв небывалого дружелюбия, мы обнимались и с чем-то поздравляли друг друга, пожимали руки и говорили наперебой множество приятнейших вещей... Никто не обратил внимания на то, что у человека во главе стола пропало лицо. И я сам, даже когда увидел, что из коротких рукавов рубашки Юпина торчат паучьи лапы, и к каждому комплекту нечеловечески-длинных пальцев протянуты алые нити, ведущие к нашим телам, – даже тогда я не перестал смеяться, утратив способность удивляться и думать.

Внезапно меня осенило, что я так и не подарил свой рисунок Хуршиду, и в тот же миг я с торжественным воплем бросился из-за стола, едва не опрокинув тарелки. Я торопился взять мой рисунок со столика возле лестницы, куда я его положил, чтобы дождаться окончания ужина и потом вручить иранцу. Рисунок был свёрнут трубочкой, я схватил его, подбежал к Хуршиду и развернул перед ним с победоносным воплем:

– Дарю тебе мой шедевр!

С лица Хуршида, стоило ему увидеть рисунок, улыбка сошла так же внезапно, как волна смывает написанные на песке слова. Его лицо побледнело, и смешанное выражение ужаса и ярости воцарилось на нём.

– Лови тварь! – зарычал он и, вытянув вперёд руки, кинулся прямо через стол в направлении Вана Юпина.

Он метился китайцу в горло, но не смог дотянуться и лишь зацепил пальцем верхнюю пуговицу на клетчатой рубашке Юпина, лицо которого к тому времени превратилось в бледное пятно, размазанное в воздухе и оставляющее за собой шлейф, когда Юпин двигал головой. Пуговица отлетела в сторону, и из-под открывшейся бреши повалил грязно-белый пар. Син Чен, Чуань Дзон и Манфу бросились на Хуршида и придавили его к столу – они стремились защитить своего господина от посягательств иранца. Ван Юпин поднялся со стула, и пар струями начал бить из рукавов его рубашки, из каждого зазора между пуговицами на его объёмном животе, из не до конца застёгнутой ширинки на его клетчатых брюках.

– Хватай его, Аньпин, хватай его, пока не сбежал! – сдавленно вопил Хуршид, несмотря на то, что Син Чен пыталась рукой перекрыть ему рот. Широко открытые глаза иранца бешено смотрели на меня даже в тот момент, когда Чуань Дзон разбил о его голову бутылку с остатками рисовой водки, и кровь заструилась по его смуглому лицу.

Я замер. Все события этого вечера перевернулись в моей голове. Я вспомнил, что никогда за этим столом не видел я никакого Вана Юпина, и никогда мы не пили рисовую водку, и никогда так безудержно не хохотали... Весь ход событий, предшествовавших этому вечеру, вдруг восстановился в моем сознании. Мой мозг стал казаться больше черепной коробки, он словно бы набухал и рвался наружу. Я не мог двинуться с места.

Тем временем тело Вана Юпина утратило очертания, и его рубашка и брюки колыхались в воздухе, поддерживаемые потоками рвущегося из-под них пара. Что-то щёлкнуло в моей голове, я отбросил рисунок и кинулся к тому паробразному монстру, который весь этот вечер поил нас водкой и развлекал историями... Я обхватил его руками, но не ощутил упругости тела. Рубашка послушно скомкалась под пальцами, и облако пара накрыло меня целиком, лишив зрения.

Сквозь прорехи в окружившем меня тумане, который, сгустившись, приобрёл сиреневый отлив, я порою видел стол, за которым сидели мои друзья. Картина разительно отличалась от той, что была мгновение назад. Хуршид сидел на своём месте, его лицо было невозмутимой маской, и разводы чёрной краски на щеках подчёркивали его худобу и строгий взгляд. Лица остальных тоже были размалёваны, словно у участников праздника красок Холи в Индии: жёлтая краска расплзлась по лбу Син Чен, белой были обведены глаза Чуань Дзона, зелёным цветом полыхали губы Манфу. Их лица были бесстрастны, глаза спокойно смотрели на поверхность стола. А на столе было обнажённое тело старой

женщины, сморщенное и белое. Лицо, грудь и верхняя часть живота были скрыты потоком серебряных волос. Вне всяких сомнений, это была Тянь Ся. Всё это я видел считанные секунды, и картинка постоянно мелькала, когда волокна сиреневого сумрака то и дело скрывали её от моего зрения. В какой-то момент на столе появились дымящиеся сандаловые свечки – они были воткнуты прямо в плоть Тянь Ся, и из мелких ранок сочилась кровь. Когда сиреневый туман открыл картину в очередной раз, в руках людей за столом появились ножи с тонкими гнутыми лезвиями наподобие когтей или клыков. С отрешёнными лицами мои друзья, которых я привык считать абсолютно безобидными, как по команде, резко встали с мест и начали методично втыкать ножи в тело старухи. Загнутые концы кинжалов вырывали из белого тела ошмётки мяса, кровь и обрывки кожи взлетали вверх при каждом движении ритмично работающих рук. Но рваные раны открывали не кровоточащую плоть, а лучи света, которые рвались сквозь них наружу. Казалось, что внутри бездвижного тела спрятано солнце, и удары ножей вспарывают оболочку, скрывавшую его. Тонкие лучи, ослепительно-белые и полные невыразимой, страшной красоты, били в потолок, в пол, в лица собравшихся за столом людей, и на губах хладнокровных убийц заиграла тень таинственной улыбки, передающей какую-то неведомую эмоцию, для которой на земле не существует названия.

Раны множились, лучи решетили темноту комнаты. Внезапно я увидел самого себя. Моё лицо было маской спокойствия, на губах играла та же самая улыбка... В руках у двойника был кинжал с лезвием, сужающимся на конце. Этот *другой я* раздвинул волосы на лице Тянь Ся, открыв её неожиданно молодое, неожиданно *не китайское* лицо, из распахнутых глаз, рта и ноздрей которого бил неземной свет. Быстро вскинув руки, *другой я* по самую рукоятку вогнал кинжал в лоб старухи и, когда вытащил его обратно, свет из открывшейся щели заполнил собою пространство. Он был так ослепителен, так не похож на свет электроприборов и даже сияние солнца, что у меня заболели глаза, и когда в последний раз сиреневый туман скрыл от меня это видение, я решил, что ослеп.

После того как сиреневое марево, наконец, рассеялось и зрение вернулось ко мне, лишь бесформенный свёрток остался в моих руках, словно куча грязи из чужой вселенной... Это были остатки одежды Вана Юпина, из которой окончательно вышел сиреневый пар. Я с отвращением отбросил этот страшный, пахнущий хлором и спиртом комок; не долетев до пола, он растворился в воздухе.

Я поднял взгляд и увидел всё тот же стол и моих друзей, каждого на своём месте. Они с беспокойством смотрели на меня. На их лицах не было никакой краски, в глазах отсутствовали следы опьянения. В этот момент я понял, что ничего из того, чему я был свидетелем секунды назад, не происходило в действительности; ужин протекал в привычной манере, без странного веселья и незваных гостей. По крайней мере, так было в *этой* действительности, логика событий которой вдруг выстроилась в моём сознании, пытаюсь вытеснить «ложные воспоминания»... Но я уже не мог отличить реальность от иллюзии, в моей голове царствовал хаос неупорядоченных и противоречащих друг другу воспоминаний и чувств.

3

Я не очень ясно помню события, произошедшие после моего «возвращения в реальность». Кажется, я готов был потерять сознание, и Хуршид с Манфу подхватили меня и усадили за стол. Я помню встревоженно-заботливое выражение их лиц. И ещё я помню извинения Син Чен, которая укоряла себя за то, что не проявляла ко мне все эти дни должного внимания; но всё было так замечательно, так спокойно, что она утратила бдительность. Когда я понемногу был приведён в чувство, мои друзья настояли на том, чтобы я «по горячим следам» пересказал им содержание моего видения.

Мне не хотелось говорить. Я не видел в этом смысла, потому что не был уверен в том, что эта реальность в очередной момент не начнёт меняться... Но я рассказал, как мог, обрывисто и бессвязно, о том, что мне довелось пережить: внезапное появление существа,

назвавшегося Ваном Юпином, противоестественное веселье и череда образов, которые открыл передо мной сиреневый мрак... И чем больше я рассказывал, тем тревожнее становились лица моих друзей, а ко мне возвращалось чувство доверия к ним, и всё произошедшее начинало казаться сном, утрачивая черты реального жизненного опыта.

Мои друзья не сомневались в здравости моего рассудка. Похоже, они и сами когда-то переживали нечто подобное в это доме, поэтому слушали меня с внимательностью и участием. Они окружили меня заботой, приносили мне чай и всеми силами старались уверить в том, что всё случившееся было лишь иллюзией, что настоящая реальность – здесь и сейчас; и что мои сомнения являются лучшим доказательством этого, ведь когда ты видишь образы, присылаемые силовым полем, ты, как правило, не сомневаешься в их реальности...

– Силовое поле может порой приносить видения, – медленно промолвила Син Чен. – Чаще всего это незначительные колебания пространства и времени. Например, может показаться, что какой-то предмет поменял своё место или вдруг появилась какая-то новая вещь. Порой бывает что-то поинтереснее. Например, когда я только приехала сюда – тогда мы ещё не знали некоторых особенностей силового поля, – мне везде мерещились двери, даже в полу и в потолке. Это было довольно жутко. Некоторые из них я могла открыть, и они все неизбежно вели либо в мою комнату, либо в комнату Тянь Ся. Очень удобно, знаете ли, с первого этажа попасть сразу на четвёртый, – Син Чен нервно хихикнула. – Сейчас я могу об этом шутить, но тогда было не до шуток...

– Я часто видел здесь мёртвых людей, – хрипло проговорил Хуршид. Его брови были сдвинуты так плотно, что едва не касались друг друга. – Тех, кого я знал раньше... Друзья, знакомые, мать с отцом, мои братья, погибшие в Секторе Газа. Иногда они говорили со мной.

– Я счастливый человек, – попытался пошутить Манфу. – Кроме лишних порций на столе и голых красоток, я мало что видел, – нахмурившись, он на мгновение замолк. – А если серьёзно, я видел здесь своих детей... своих нарождённых детей, знаете ли. Такое заманчивое ощущение. Ты как бы и знаешь, что у тебя никого нет, и в то же время очень хочется поверить, что вот этот смешной мальчуган, ползающий по полу, – твой сын. А потом всё опять меняется – и ты снова одинокий пёс.

Чуань Дзон промолчал. Мне казалось, что он вот-вот уснёт – такое измождённое выражение лица было у него.

Син Чен сказала:

– У каждого из нас были собственные переживания в этом доме. Иногда радостные, иногда пугающие. Но я хочу сказать, что то, о чём ты рассказал, странно даже для этого места. Мы ничего не хотим от тебя утаивать, и я буду говорить начистоту. Во-первых, подобные мощные отрицательные образы, в которых было бы задействовано несколько реальных людей, мы здесь ещё не встречали. Твоё видение было чрезвычайно сильным, реальным, наполненным внутренней логикой... Может быть, это благодаря твоему естественно-научному складу ума? Я не знаю, как объяснить то, о чём ты сейчас рассказал... Во-вторых, страшные видения бывают тут только когда поле, что называется, *не в духе*. Сейчас, насколько мы можем судить, его расположение крайне благоприятно. В такие дни мы тут либо не видим вообще ничего и занимаемся творчеством, либо видим что-то исключительно хорошее и радующее взгляд. Например, я иногда вижу цветы возле кровати – их оставил какой-то добрый незнакомец, – или слышу звуки прекрасной мелодии... Хуршид, помнится, рассказывал о благоухающих запахах, которые порою сопровождают его, – иранец кивнул с таким мрачным видом, как будто признавался в убийстве. – Чаще всего мы не видим ничего конкретного, лишь ощущаем радость, восторг и вдохновение. И, в-третьих... понимаешь ли, мы верим, что силовое поле само по себе не создаёт образов, оно даёт нам некоторую информацию, которую наш мозг расшифровывает в виде образов. Обычно это образы искусства – то, что мы потом воплощаем в своих произведениях. Иногда это картины, движимые внутренним сюжетом, – сродни галлюцинациям и снам наяву. Поэтому мы склонны полагать, что качество образов зависит от личности человека. Мы все

едины в том мнении, что ты – хороший и добрый парень, и поэтому нам решительно непонятно, почему твой разум подкидывает тебе именно такие видения. Может быть, внутренне ты не доверяешь нам? Присутствие явной агрессии, сопровождающей твоё видение, не свойственно этому дому. Это нечто внешнее... Может быть, это что-то твоё, какая-то травма, детский страх? Пойми, мы не сомневаемся в твоей доброте, но...

– Не пудри парню мозги, – прервал её Хуршид. – Он здоровый и счастливый молодой человек без комплексов и травм.

– В чём же тогда дело? – поднял на него глаза Манфу. – Признаться честно, я и сам сейчас думал о том же, о чём говорила барышня Син. Многие травмы приходят из детства...

– Не мешай суп с мухами, – окоротил его Хуршид. – Нет тут никакого травматизма.

– А что тогда? – практически хором спросили Син Чен и Манфу.

– Я думаю, тут всё проще, – ответил Хуршид. – У парня талант.

Все молча уставились на него. И в их глазах блеснуло внезапное понимание. Я чувствовал себя пациентом на хирургическом столе. Врачи обсуждают его состояние, но на самого пациента уже давно никто не смотрит.

– Да, именно талант, – повторил Хуршид. – Он тоже своего рода «прибор»... Аньпин такой же как Тянь Ся.

4

По моей голове бегали мурашки, всё это было странно, безумно, но в словах Хуршида определённо была логика, если принимать за чистую монету всё, что мне рассказывали о Тянь Ся.

– Смотрите сами, – начал объяснять Хуршид. – Тянь Ся – тот человек, который способен предвидеть изменения силового поля. Мы знаем, что зачастую она переживает не самые приятные моменты, в то время как мы наслаждаемся творчеством... Почему это происходит? Потому что в эти моменты она чувствует то, что будет послано полем впоследствии. В этом её дар, её способность предвидеть. Она видит будущее состояние силового поля, чувствует его ритм. Аньпин был просто не подготовлен к такому повороту – и был застигнут врасплох, и тут уже, конечно, наша общая вина. Мы всегда считали, что Тянь Ся уникальна, но почему мы были так уверены? Вот перед нами Аньпин, он способен видеть то, что будет с полем впоследствии. Ему не хватает опыта, поэтому он не может сказать, о каких сроках идёт речь, *когда* изменится пульсация поля. Но то, что у парня талант, очевидно как солнечный свет. Да, Аньпин, Аллах неспроста привёл тебя в этот дом!

Мне было тошно от этого всего, и моё внезапное «избранничество» скорее пугало, чем вдохновляло, но вся честная компания уставилась на меня с нескрываемым восхищением. Я вымученно улыбнулся им. У меня не было сил что-то говорить, о чём-то спрашивать... Жутко захотелось спать.

– Думаю, тебе стоит снова начать пить чай с добавками, – заботливо сказал Манфу. – Не стоит подвергать себя риску.

Син Чен открыла, было, рот, желая возразить – радостный энтузиазм читался на её лице по случаю моего превращения в пифию, – но тут же одумалась и отвела взгляд.

– Да, – выдал я, – мне бы не хотелось пережить что-то подобное снова. Может быть, я уеду отсюда, не держите на меня зла, как говорится... Я очень утомлён, но... два вопроса мучают меня. Первый: кто всё-таки такой этот Ван Юпин?

Манфу рассмеялся:

– Честно говоря, тот демонический образ, который присутствовал в твоём видении, мало соответствует реальности. Ван Юпин – успешный бизнесмен с большими связями. Он живёт, по большей части, в Гуанчжоу, занимается продажей обуви за рубеж. В Казахстан, я слышал. У него есть тяга к культурному наследию Китая, поэтому он фигурирует в качестве мецената, финансирует культурные проекты, образовательные учреждения, выделяет деньги на реставрацию исторических памятников. Надо сказать, что этот дом фактически является собственностью Юпина. Это не единственное место, на которое он наложил руку;

по стране наберётся с дюжину других памятников старины, находящихся под властью Юпина. Поэтому, хотя он редко бывает здесь, но в окрестностях его имя знают и по-своему уважают. В Китае успешный бизнесмен сродни национальному герою, потому что в этом современные китайцы видят воплощение нынешней национальной мечты... Так вот, тот образ, который ты описал, далёк от реального. Ван Юпин очень худой; насколько я знаю, в молодости он лечился от какой-то не смертельной формы гепатита. Кроме того, Юпин никогда не надевает рубашек, тем более зимой. Он боится холода. Даже летом в самый адский зной он ходит в пиджаке поверх футболки, а в зимнее время кутается во всё, что может его как-то согреть.

– Ван Юпин – хороший человек... для бизнесмена, – со вздохом сказала Син Чен. – Мы тоже по-своему любим его. Он не вмешивается в наши дела, ничем не интересуется, не вникает... идеальный тип начальника.

Чуань Дзон осушил чашечку и вдруг выронил её на стол, разбрызгав остатки чая. Он мотнул головой, внезапно встал и быстрым шагом, покачиваясь, пошёл наверх. Мы проводили его недоумёнными взглядами. Я заглянул в его чашечку: на дне свернулась эмалевая рыбка с отколотым хвостом.

– Он сам не свой в последнее время, – сказал я. – Разве не видите? Он, похоже, толком-то и не спал эти дни.

– Я присмотрю за ним, – пообещала Син Чен. – Занимаясь музыкой, он забывает про всё на свете. Кроме того, ему не чужда и определённая гордость. Он единственный среди нас по-настоящему верит в то, что может прославиться, поэтому не хочет терять время и работает на износ.

– Его право, – возразил Хуршид. – Аллах дал ему гордыню, чтобы он создал что-то выдающееся. А уставшее тело – лишь временная помеха. Потом он отдохнёт и станет самим собой, нашим старым добрым господином Чуань.

Я покивал головой, соглашаясь со всеми высказанными позициями. Мне было важно то, что они, в конце концов, обратили внимание на самочувствие своего товарища...

– И последнее, – нерешительно произнёс я, не будучи уверенным, что по-настоящему хочу поднимать этот вопрос. – В моём так называемом «видении»... я показал свой рисунок Хуршиду, и после этого он внезапно обнаружил ложность всего происходящего и воспринял Юпина в качестве нашего общего врага. Что такого он мог увидеть на моём рисунке?

– На этот вопрос никто из нас тебе не ответит, – сказала Син Чен. – Всё, что ты видел, является продуктом работы твоего мозга, который именно так, а не иначе перекодировал посланную силовым полем информацию.

– Не следует слишком много размышлять над видениями, – погладил меня по голове Манфу. Ему явно не терпелось снова начать называть меня сыном, волна тёплой нежности исходила от него. – Они не несут никакого особого смысла, не сообщают ничего существенного. Они являются отражением наших желаний и страхов. Так, например, ты сам, по дороге сюда, видел некий коридор из тростника и разного рода таблички. И это объяснимо, ведь ты хотел знать, что тут у нас происходит и не являемся ли мы членами какого-нибудь оккультного ордена, – он по-доброму улыбнулся. – Признаю, твоё сегодняшнее наваждение весьма запутанно, но не стоит погружаться в раздумья о нём. Этим ты лишь усилишь разлад в своей светлой голове, но ни к чему путному не придёшь.

В этих увещеваниях была логика, но мне, несмотря на утомление, страшно хотелось расставить все точки над И. Поэтому я наклонился под стол и стал искать свой рисунок. Куда я мог его отбросить, когда кинулся на Ван Юпина?.. Рисунка не было. И тут меня осенило. Конечно! Ведь сам момент отбрасывания рисунка был частью иллюзии; следовательно, бесполезно было искать его в реальном мире... Я понял, что должен принять, наконец, иллюзорность моего видения и «подружиться» с той реальностью, в которую я был возвращён. Но когда началось то самое видение? На столике возле лестницы рисунка также не обнаружилось. Следовательно, вниз я спустился без него... Значит, во власть этого наваждения я попал ещё будучи наверху, и то, что я взял с собой рисунок, было такой же

иллюзией, как все последовавшие за этим события. Рисунок, надо полагать, так и остался лежать в моей комнате...

Друзья, как сердобольные родственники, навещающие больного в психиатрической лечебнице, настороженно наблюдали за моими перемещениями по гостиной и за той сменой чувств, которую отражало моё лицо. Я повернулся к ним и, глубоко вздохнув, произнёс:

– Вы правы, я не буду копать в моём видении. Так я, похоже, всё равно ничего не добьюсь... Сейчас мне хочется выпить вашего чудесного грибного чаю, который оградит меня от влияний ужасов и грёз, и лечь, с вашего позволения, спать...

Так закончился этот вечер. Я напился чаю, поднялся к себе и в изнеможении повалился на кровать. Но переутомлённый разум отказывался засыпать; я долго ворочался в полудрёме, мне казалось, что у меня жар – может быть, так оно и было. Мне было жарко под одеялом, но холодный воздух комнаты обжигал носоглотку. Голова горела, и я никак не мог найти необходимый мне тепловой баланс. Мысли вертелись и путались; иногда я, закрывая глаза, видел отрывки моего вечернего видения, и мне снова становилось жутко, снова казалось, что всё это произошло на самом деле... Не знаю, как долго я так мучился, но даже когда сон сморил меня, мозг продолжал напряжённо работать, как желудок, наполненный перед сном. Сны были отрывочны и бессвязны, и наутро я не чувствовал себя отдохнувшим, так что после завтрака вновь вернулся к себе и проспал до обеда.

Приложение 9

Лист бумаги формата А 4, сложенный пополам и заклеенный между страницами. Из-за того, что лист сложен текстом к тексту, прочитать написанное на просвет очень сложно. Видны отдельные фразы. Почерк Александра.

Здравствуй, Свет. Не могу больше называть тебя по прозвищу, даже во сне. Это письмо не будет отправлено, потому что тебя нет.

Прости, что подвёл тебя, не нашёл выхода, не придумал... Прости, что не умер вместе с тобой. Прости, что

У меня всё хорошо. Переболел пневмонией, жаль, это был не рак. Меня пичкают гидазепамом и периодически чем-то ещё. Язык пропитался этой горечью. Я не выхожу из дома, на работе думают, я ещё в больнице. Ждут, наверное. Я участвую в проекте, делаем спусковой механизм для автомата, из которого будут убивать людей, чтобы кто-нибудь так же потом сошёл с ума.

родители вытащили в церковь. Духота. Слишком много людей. Дышишь запахом чьего-то дыхания. Они ещё читают по тебе сорокоуст за здравие, я слышал, как священник произнёс твоё имя. Я упал на пол. Не потерял сознание, просто упал и лежал, даже не закрыл глаза. Помню, как меня выволакивали, церковные ведьмы ворчали что-то

Я завидую вам, мёртвым. Уже не о чем переживать.

теперь могу сказать тебе, ведь у меня были такие мысли, когда ты заболела... Думал, что лучше бы тебе сразу, быстро умереть, чтобы я уже перестал волноваться. Хотел, чтобы мы с тобой не встречались никогда вообще. Мне стыдно.

Я когда-то убеждал тебя, что всё будет хорошо, что ты всего добьёшься, что жизнь протянется ровная, как луч. Врал тебе о счастье, как будто в мире нет смерти. Прости меня за эту ложь, я и сам не верил в то, что говорил. Прости. Прости. Ты часами смотрела на дождь и заводские трубы. Ты грустила. Ты знала всё наперёд.

Вторая встреча с Тянь Ся

1

Два дня я практически не вставал с постели. Я не позволил моим друзьям приносить мне еду, потому что был в состоянии спускаться вниз, но сильнейшая слабость и тяжесть в голове сопровождали меня беспрестанно. Пытаясь найти причину моего состояния, я старался поменять что-то в моем образе жизни, в еде, в освещении комнаты, но всё было безрезультатно. В конце концов, на второй день, я перестал пить чай с *линьчжи* – и почувствовал облегчение.

Всё это время мои друзья поочередно навещали меня, проявляли заботу и участие. Даже Чуань Дзон заглядывал – он выглядел лучше, чем прежде, но по его лицу по-прежнему скользили тени глубочайшей усталости; его *хань-фу* была помята, а тронутые налётом седины волосы – растрёпаны.

Вечером второго дня ко мне заглянул Хуршид. Кажется, мои друзья установили что-то наподобие вахты по присмотру за мной, потому что в их визитах я начал замечать некоторую закономерность. Вот и на этот раз, гадая, кто ко мне придёт после ужина, я, полагаясь на свои наблюдения, предположил, что это будет Хуршид, – и оказался прав.

– Ну как, солнце русской живописи, есть улучшения? – с бодрой улыбкой спросил он, закрывая за собой дверь. Хуршид был хорошо знаком с русской классикой – настолько, что даже смог шутя обыграть расхожую фразу – Одоевского, если не ошибаюсь.

Я решил говорить начистоту:

– Привет, Хуршид. Да, улучшения есть. И, кажется, я обнаружил причину моего недомогания. Это ваш чай! Тот самый, с добавками... Сегодня за обедом я его не пил – и вот, улучшения налицо. Я наконец-то прибрался в комнате, а завтра планирую выйти на прогулку.

Хуршид с озабоченным видом присел на краешек моей кровати и задумчиво произнёс:

– Завтра погода будет меняться, оденься потеплее... – он помолчал немного, затем продолжил, глядя мне прямо в глаза:

– Я рад, что ты поправляешься. Но чай... ты уверен, что стоит прервать его приём? Такая реакция, действительно, возможна: энергия твоего духа, настроенная на получение информации от силового поля, стремится возобновить этот контакт, что выражается в общем недомогании. Но раньше ведь ничего подобного не было, правда? Так что я даже не знаю, что тебе посоветовать. Как это ни печалит меня, но, возможно, тебе будет лучше уехать отсюда.

– Я знаю, Хуршид, – ответил я, положив ладонь на его руку, которой он опирался о мою кровать. – Сегодня я о многом поразмыслил. Может быть, следующее соприкосновение с полем будет таким же мучительным, но я хочу рискнуть. Странное ощущение не даёт мне покоя – будто бы я что-то кому-то должен здесь... Я, правда, очень привязался к вам, но дело тут не только в дружбе. Я словно бы обрёл какую-то цель, но не могу пока что обозначить её словесно. Одним словом, я не могу просто так уехать. Но и пить чай я не хочу. Вот как-то так...

– Твои слова наполняют меня гордостью за тебя, – Хуршид положил ладонь другой руки поверх моей и слегка наклонился ко мне. Сандаловый запах его духов приятно щекотал нёбо. – Я чувствую в тебе присутствие грандиозного плана Аллаха. Ощущать свою нужность – большой дар. Если ты действительно так решил – это замечательно. Но если ты передумаешь и захочешь уехать – я тоже пойму. В любом случае, твой друг Хуршид всегда будет на твоей стороне, парень. Да и все остальные разделят моё мнение. Но прошу тебя, если ты останешься, в любой ситуации, в любое время – полагайся на меня. Хуршид всегда готов прийти на помощь своему младшему брату и другу!

– Я очень польщён, Хуршид, – вполне искренне имитируя его высокопарный слог, отозвался я. – На тебя можно положиться. Даже в тот вечер... в том видении... Ты был не такой как все. Я не к тому, что думаю об остальных плохо. Манфу мне и правда как отец,

Син Чен – прекрасная женщина, очень добрая, Чуань Дзон – немного погружённый в себя, но тоже хороший человек. Однако в тебе есть нечто, что в любой ситуации будет заставлять тебя до последнего отстаивать правду – это я открыл для себя в том видении, каким бы бессмысленным оно ни казалось.

Хуршид оставался в моей комнате ещё около получаса, мы разговаривали о дружбе и поэзии. Благодаря ему я многое узнал о содержании восточных стихов – об их мистицизме, жизнеутверждающей красоте и вечных человеческих ценностях, которые они несут. Если раньше поэзия Ближнего Востока, как и вообще вся мусульманская культура, казалась мне чем-то по-средневековому замысловатым и мрачным, то благодаря Хуршиду я открыл для себя радость и подлинную красоту этого мировосприятия, где любовь к миру и вера в Аллаха стройно и торжественно сосуществуют.

Когда в комнату вошёл Манфу – он всегда заходил без стука, считая, очевидно, что у сына не может быть секретов от отца, – мы не сразу заметили его появление.

– Я услышал ваши голоса, – сказал он, – и решил проведать, как поживает мой сынишка. Папа соскучился. Ну как, я вижу, есть облегчение?

– Он считает, что причиной его слабости был блокирующий чай, – ответил за меня Хуршид. – С сегодняшнего дня он возвращается к красному юньнаньскому *дъену*.

Манфу нахмурился:

– Я понимаю, что это твоё право, – серьёзно сказал он. – Но, на мой взгляд, это будет не очень разумно, учитывая, какую реакцию вызвало у тебя силовое поле в прошлый раз...

Хуршид вновь ответил за меня. Похоже, он собрался стать глашатаем моих мнений и поступков:

– Этого молодого человека ведёт Аллах, у него есть миссия здесь, и наша задача – уважать его выбор и оказывать поддержку.

Манфу вскинул брови, и тут уже ответил я сам:

– Хуршид говорит верно. Я чувствую, что способен принести здесь какую-то пользу. Не знаю, как это объяснить... Ничего конкретного, но я не могу уехать. А на этот грибной чай у меня разыгралась аллергия – и подозреваю, что это тоже неспроста. Вы же сами говорили, что никто не оказывается здесь случайно. Вот и посмотрим, *что* я могу тут сделать. Мне немного не по себе, не скрою, но я хочу попытаться... Надеюсь, силовое поле будет ко мне нежнее на этот раз.

Моя шутка осталась без внимания. Манфу покрутил кончик своей заострённой бородки и изрёк:

– Ну что ж, быть посему. Папа во всём тебя поддержит. Но раз ты решился на этот поступок, думаю, будет разумным, если ты станешь рассказывать нам обо всём, что ты чувствуешь и переживаешь. Мы не можем гарантировать тебе полную безопасность, но в состоянии оказать посильную помощь. В конце концов, мы жили здесь достаточно долго, ко многому привыкли и знаем, как помогать в сложных ситуациях. В тот злополучный вечер мы тоже достаточно быстро привели тебя в чувство, а историю с твоим видением Син Чен уже записала в наш «бортовой журнал».

Я пообещал, что буду максимально искренен и ничего не утаю. Гости посидели ещё около часа, давали мне наставления и предостережения – главным образом, что-то не очень конкретное, но некоторые моменты я запомнил: никогда не открывать окно и не подходить близко к нему – кто его знает, что мне может прийти в голову? Входную дверь лучше держать открытой, приток свежего воздуха прочищает голову. Избегать отражающих поверхностей, потому что в зеркалах иногда всякое мелькает... И ещё: не приносить колюще-режущие предметы в комнату, хранить их в шкафчике на кухне; не забывать выключать воду и стараться жить со включённым светом. Походило на инструктаж по технике безопасности в доме с привидениями, но в каком-то смысле именно в таком месте мы и жили... Ну и напоследок – рекомендации, которые слышишь в Китае на каждом шагу: одевайся теплее, ложись спать вовремя, пей больше кипячёной воды. Береги себя.

Я согласился с каждым пунктом. Гости по очереди обняли меня, пожелали спокойной

ночи и разошлись. Я снова остался один. Неприятное ощущение, словно бы предчувствие опасности, слегка тревожило меня; я ждал какого-нибудь нового приключения... Но это были только нервы и воображение. Ничего необычного этой ночью не произошло, снилось только, что я всё кормил кого-то сырым мясом – не то Тянь Ся, не то Син Чен; а потом увидел, что мясо – белое и мохнатое, как кошачья шерсть. Но это были только сны, я уверен. Только сны.

2

Ничего необычного не происходило и в течение последующих нескольких дней. Мои друзья проявляли ко мне повышенное внимание, я редко оставался в одиночестве. Я вручил свой первый рисунок Хуршиду, и он сказал, что идея интересна. Лицо на рисунке ничего конкретного не напомнило ему, на живого Вана Юпина, вопреки моим тайным подозрениям, лицо не походило. Похвалила меня и Син Чен, когда увидела мой пейзаж. Она согласилась давать мне уроки живописи, и я был вполне доволен. Я снова ощутил позыв делать что-то творческое и вернулся к рисованию. Чаще всего я рисовал в присутствии одного или нескольких моих друзей, и если это была Син Чен, то эти минуты творчества были особенно продуктивны. Я начал рисовать кисточками, в основном пейзажи. И хотя они были одинаково далеки как от высот китайской живописи, так и от шедевров европейского искусства, но сам процесс рисования был в радость. Я стал задаваться вопросом, станет ли рисование моим хобби в России, и склонялся к мысли, что, скорее всего, нет. Сила этого дома, а вернее – поддержка друзей – давала мне импульс, которого я был лишён за его пределами. Я отдыхал душой и телом, приобщался к такой гармонии, которая и не снилась мне ранее. Этот старинный терем в горах, мои вдохновенные друзья, бесконечные чаепития и разговоры, разговоры... Медленные и плавные, как зелёные реки китайского юга; спокойные и доброжелательные, как дуновения ветра у подножий китайских гор... они были так приятны, так мудры и просты, что едва не вводили меня порой в какой-то полусонный блаженный транс.

В день моего окончательного выздоровления подтвердились слова Хуршида: погода начала меняться. Сначала вернулся сырой порывистый ветер, потом заморосил дождь. И дождь добавил очарования нашим вечерним посиделкам. Он тихо стучал по крыше, капал через окно в потолок, булькал в небольшом бассейне с рыбками; холодная дождевая вода растекалась по полу и через желобки вытекала наружу, так что влага, с одной стороны, не задерживалась в доме, с другой – не покидала его. Воздух был насыщен сыростью и прохладой; с приходом дождей прежняя морозная свежесть ушла, стало гораздо теплее, и по ночам я уже мог спать, не нуждаясь в шерстяной кофте и носках. Тянулись неспешные дни, наполненные творчеством, дни сменялись вечерами в кругу друзей, а разговоры под шум дождя и потрескивание угольков в тазике, стоящем у нас в ногах, зачаровывали... Я обожал это место и искренне радовался тому, что перестал пить тот невкусный чай.

3

Во второй раз рискнул навестить Тянь Ся.

Мне было любопытно, что этот повторный опыт может подарить мне, если я действительно, выражаясь словами Хуршида, обладаю «даром» и могу, подобно старухе, предвидеть изменения в пульсации силового поля. За завтраком я осторожно сообщил о своём намерении Син Чен, и она дала добро. Поэтому мы, завершив трапезу, вместе направились в комнату на четвёртом этаже.

Войдя в комнату, я, как и в прошлый раз, был поражён обилием света в ней. Несмотря на то что погода стояла пасмурная и прежних ослепительных лучей в комнате не было, всё же это было удивительно светлое место. Облака пара из распылителей так же плавали в воздухе, радужными гирляндами рассыпались в свете ламп, а в зелёной среде растений тут и там вспыхивали пятна распустившихся цветов. Тянь Ся жила в настоящей оранжерее.

Сама хозяйка, как и в прошлый раз, сидела спиной к нам перед экраном старого

телевизора, на котором опять мелькали дребезжащие новости. Син Чен подседа к ней на низкую табуретку и начала с ложечки кормить Тянь Ся. С другой стороны от кресла стояла капельница, но установка была пуста, пакета с лекарством и трубки для подачи жидкости поблизости не было. Видимо, время медицинского сеанса ещё не настало. Я аккуратно обошёл капельницу и осторожно, чтобы не напугать парализованного человека, приблизился к ней.

– Госпожа Фэн, у тебя сегодня гость, – проворковала Син Чен. – Иностраннный друг приехал из России, он живёт сейчас вместе с нами.

Я понял, что настал момент для моего появления, и сделал шаг, который, как я полагал, позволит мне попасть в поле зрения пожилой женщины. Тянь Ся ничего не произнесла и не перестала жевать, лишь скосила на меня свои выцветшие глаза, когда-то, надо полагать, бывшие классически-чёрными.

– Здравствуйте, – поклонился я. Стараясь говорить максимально внятно и достаточно громко, я представился и сказал, что рад знакомству с ней. Тянь Ся медленно моргнула – возможно, в её положении это означало ответное приветствие. Потом она перевела глаза на экран и, продолжая жевать, кажется, потеряла ко мне интерес. Я понял, что загораживаю часть экрана, и отступил в сторону.

– Думаю, она рада тебе, – улыбнулась Син Чен. – Так ведь, Тянь Ся? Этот молодой человек вежлив и хорош собой...

Немного подумав, Син Чен обратилась ко мне:

– Как я уже говорила, она здесь, в таком состоянии, с 2001 года. Постоянно смотрит новости, хотя у неё зрение слабое, очки она не любит – не знаю, что уж там она видит на экране... Но даже ночью не позволяет отключать телевизор. Это её подбадривает, я полагаю. Она хорошая и смиренная, очень самостоятельная... Я люблю её, как дочь может любить мать... мать, которой у меня нет...

Пока Тянь Ся завтракала, я прошёлся по комнате. Пространство было так густо заставлено цветами, что свободного места оставалось немного.

– Здесь так тепло... и мокро.

– Конечно, – улыбнулась Син Чен. – Комната подогревается электричеством. В полу и в стенах установлены радиаторы. Сенсоры реагируют на температуру снаружи и внутри, автоматически подстраиваются. Иначе все эти цветы погибли бы зимой, и главное, так комфортно для Тянь Ся. Комната оснащена всем необходимым для её существования. Воздух здесь слишком влажный, но ей так нравится. В остальных комнатах есть кондиционеры, но мы сами ими не пользуемся, чтобы сэкономить электроэнергию. За эту комнату платит сама Тянь Ся – вернее, средства перечисляются с её счёта.

Я покивал, всё равно не до конца понимая, как парализованный пожилой человек может жить в условиях парника.

Перемещаясь по комнате, я то и дело ловил взглядом маленькие вещицы, принадлежавшие состарившейся хозяйке: истлевшие веера и флакончики старинных духов, заржавевшие шкатулки с украшениями, нефритовые безделушки и изящные маленькие зеркальца, покрытые слоем загустевшей, как штукатурка, мокрой пыли... Всё это таилось в зелёных тенях, пряталось за горшками и, подобно маленьким сокровищам, выглядывало из-за них.

На одной из полок, между горшочками с молодыми нежно-сиреневыми орхидеями, стояло несколько книг. Корешки густо поросли разноцветной плесенью, видно было, что книги давно никто не доставал. Наугад я взял одну из них, увесистый коричневый том, ощущая под пальцами пушистый грибковый налёт. Книга громко заскрипела, когда я открыл её где-то на середине. Пахнуло затхлым ароматом старой бумаги, слипшиеся страницы, казалось, готовы были порваться. Внутри находились выцветшие фотографии – книга оказалась фотоальбомом. На чёрно-белых снимках были едва различимы силуэты людей, по их полустёртым лицам расползались ржавые пятна застарелой влаги. Морщась от резкого звука, с которым разлипались фотографии, я пролистал несколько страниц. На

снимках угадывались очертания мужчины и женщины в старомодных костюмах. Вокруг часто были какие-то люди, но эти двое неизменно фигурировали в центре кадра. Иногда женщина представляла в одиночестве: она позировала на фоне гор и зданий, в кабинетах с зеркалами и предметами роскоши, в беседках возле водоёмов... Наверное, это была сама Тянь Ся в молодости, а мужчина, следовало полагать, был Фэн Ши Ман, её муж. Его лицо показалось мне смутно знакомым...

Все фотографии были основательно испорчены влагой, но я обнаружил, что один дефект, повторяющийся на всех снимках, явно сделан нарочно. У всех лиц на фотографиях иголкой или бритвой были аккуратно выскоблены глаза. Кто и зачем мог прибегнуть к такому вандализму, я не имел ни малейшего понятия. Желая задать этот вопрос и опасаясь, в то же время, показаться бестактным, я уже открыл было рот, но Син Чен опередила меня:

– Тянь Ся позавтракала, через десять минут нужно поставить ей капельницу. Я отнесу посуду и возьму раствор в холодильнике. Можешь пока побыть с ней, я ненадолго.

И она, скользнув мимо меня, удалилась из комнаты.

Тянь Ся, казалось, никак не отреагировала на уход своей сиделки – да и что я мог ждать от парализованного человека? Я постоял, переминаясь с ноги на ногу, и решил всё-таки снова подойти к её креслу. На высохшем теле Тянь Ся был просторный бежевый халат, слишком объёмный для её маленькой фигурки. Одна рука покоилась на коленях, вторая бессильно лежала на оси колеса её инвалидного кресла. Её руки были тонки, и похожая на пергамент кожа свисала с косточек под ней. Голова Тянь Ся была запрокинута, а глаза скошены к переносице – в этой позе ей было неудобно смотреть телевизор, потому что экран уходил из поля её зрения, и я решил немного ей помочь.

– Я сейчас слегка сдвину валик под Вашей головой вверх, так будет удобнее, Вам не придётся напрягать глаза, – предупредил я её о своих намерениях. Ответа не последовало, и я аккуратно сместил ортопедический валик, чтобы голова немного приподнялась в затылочной части. Кресло и валик были сконструированы таким образом, что особых усилий не требовалось, и после небольшой возни мне удалось добиться нужного результата. Голова Тянь Ся приподнялась, а глаза приняли нормальное положение, уставившись в телевизор. Выполняя эту несложную операцию, я мог хорошо разглядеть её белое, как у мертвеца, лицо. В прошлый раз я видел его отражённым в мерцающем мониторе, в искажённом и странном виде; реальное лицо не несло на себе ничего необычного, лишь следы возраста и болезни. Паралич мышц исказили облик Тянь Ся, правая впалая щека была выше левой, лоб казался наполовину нахмурен, наполовину расслаблен, бесцветные губы смещены. Эти изменения лишили лицо пожилой женщины национальных черт, и не зная я, что она китаянка, затруднился бы с уверенностью сказать, к какой расе она принадлежит.

Сочтя задачу выполненной, я собирался отойти от кресла, когда сухая рука Тянь Ся мёртвой хваткой схватила моё запястье. Я сдавленно ойкнул, и мгновенный холодный страх пронзил меня, когда я различил слова, скрежещущим шёпотом вместе с пузырями слюны и кусочками непрожёванной пищи вылетевшие из её губ:

– Ты видишь? Видишь? Смотри, смотри...

Она не глядела на меня, но, проследив за её взглядом, по-прежнему сосредоточенным на телевизоре, я увидел, как на экране со страшной скоростью замелькали программы и каналы, то проступая с поразительной чёткостью, то вновь растворяясь в белом шуме, будто бы кто-то начал быстро крутить ручку настройки. В комнате стоял скрежет и гвалт взбесившихся динамиков, моё запястье ныло, но я уже не мог вырваться, не мог отвести глаз от ожившего вдруг телевизора.

В какой-то момент я словно бы вышел из тела и стал смотреть глазами другого человека – затуманенными глазами Тянь Ся. Я видел события и лица, мелькающие на экране, я видел всё, что показывали в сводках новостей за минувшие пятнадцать лет: наводнения в приморских провинциях, землетрясение в Сычуани, беспорядки в Тибете и облака непроглядного смога в зимнем Пекине... Я видел новости из других стран – умирающие на солнце дети в Южной Африке; пронзающие серый воздух бомбардировщики над дюнами

арабских стран; танки на улицах Киева; ракеты на параде в Северной Корее; палатки, накрытые волнами слезоточивого газа на площади Таксим в Стамбуле; самолёты, врезающиеся в небоскрёбы США; храмы и дворцы Дамаска и Пальмиры, превращённые в руины... Огонь и кровь людей разных наций и вероисповеданий; кадры и хроники, настоящие и сфабрикованные; комментарии событий, правдивые и предвзятые; вспышки рекламы между выпусками экстренных новостей, чьё-то счастье, чьё-то горе... Вся мировая история с 2001 года.

– Его здесь нет, его здесь нет, – сипела мне в ухо Тянь Ся, и мне казалось, что это я сам произношу слова её голосом, что это я заперт в клетке обездвиженного тела. Я чувствовал, как еле ворочается во рту мой непослушный сухой язык:

Его здесь нет.

ЕГО ДАВНЫМ-ДАВНО ЗДЕСЬ НЕТ...

Моё сознание словно бы расширилось до размеров комнаты, я ощутил липкие прикосновения листьев и цветов, капли пара, проходящие сквозь моё естество, шершавую поверхность старинных предметов, затерянных на полках, на полу, в самых дальних углах... Эти предметы – зеркала, фотоальбомы, шкатулки, украшения – касались незримой оболочки расплывшегося вне меня сознания и, словно множество мелких присосок, цеплялись за него.

Отблесками чужой памяти передо мною пронесли смутные образы: туманное утро в комнате, полной лучей, тиканье часов и шелест листьев. Это не я смотрел на вещи, это они прикасались к моим глазам и бросали мне в самую душу семена своих историй, невнятных и странных; историй об одинокой женщине, которая владела ими и старилась с ними вместе, о каждом её вздохе и шаге, о движениях её пальцев во сне и о лучах света, скользивших на заре по её сомкнутым векам...

И в тот миг, когда моё тело было возвращено мне, а сознание вновь уместилось в границах черепа, Тянь Ся резко скосила на меня глаза и с отчаянной мольбой прошипела:

– Верни мне звёзды!

Широко раскрыв глаза, я смотрел на неё и не знал что ответить, и тогда, вонзив окостеневшие ногти в моё запястье, старуха прорычала:

– Верни мне звёзды, избавь меня от тела, или я позову *его*. Клянусь, я позову *ЕГО!*

Дверь открылась, вошла Син Чен. Я обнаружил себя стоящим возле инвалидного кресла, но мёртвая хватка Тянь Ся разжалась, она вновь устала в успокоившийся телевизор, безучастная ко всему...

Должно быть, моё лицо достаточно явно выражало всю гамму ужаса и замешательства, которые сжимали моё сердце, потому что Син Чен, отложив в сторону пакет с лекарством и ни слова не говоря, вывела меня из комнаты.

– Что случилось? – спросила она, когда мы оказались в коридоре.

– Син Чен, я не уверен, было ли это на самом деле или новое видение посетило меня...

И тут я понял, как сильно болит моё левое запястье. Подняв его, я увидел синие следы, оставленные пятернёй тонких пальцев, и кровоточащие ранки в тех местах, где ногти проткнули кожу. Глаза Син Чен расширились, она охнула, вновь вбежала в комнату Тянь Ся и моментально вернулась с баночкой медицинского спирта и куском ваты. Я замотал головой, меня замутило от отвратительного спиртового духа, но, игнорируя мои возражения, китайка быстро обработала ранки и после этого велела мне продолжать.

– Кажется, это всё-таки было на самом деле, – попытался улыбнуться я, но почувствовал лишь, как жалко дрогнули мои губы. – Когда ты ушла, я увидел, что валик под головой Тянь Ся сполз вниз, поправил его, и тут она схватила меня за руку – ты же говорила, что она парализована?! – и после этого приказала мне смотреть на телевизор. Там все программы сбились, я увидел обрывки новостей пятнадцатилетней давности... даже теракт в США... А потом она начала говорить о том, что кого-то здесь нет, потребовала вернуть ей звёзды и угрожала кого-то позвать. Потом пришла ты, и всё закончилось. Вот так...

Син Чен несколько секунд смотрела куда-то мне в ноги, видимо, соображая, что мне ответить. Наконец она сказала:

– Это было не видение, Аньпин. И Тянь Ся действительно парализована, но иногда у неё случаются спазмы или конвульсии... чувствительность не возвращается к ней в эти минуты, и я сомневаюсь, что она сама способна управлять своим телом. Раньше она и меня так хватала, но я научилась уворачиваться. Такие припадки бывают крайне редко. Видишь ли, сейчас ей нелегко, поле благоприятно к нам, но она, как, возможно, и ты, предчувствует его колебания. Всё, что она тебе говорила, скорее всего, является частью какого-то только ей ведомого кошмара. Она живёт в реальности поля, Аньпин, и это – её добровольный выбор. Для этого она и поселилась здесь, ещё когда была здорова.

– А телевизор? – холодно спросил я. Меня охватило раздражение. Почему нельзя было хотя бы предупредить меня о том, что близко подходить в старухе без специальных навыков отпрыгивания и уворачивания может быть небезопасно? Беспечность Син Чен казалась просто невыносимой. – Если видение принадлежало только ей, почему я своими глазами видел, как мелькают каналы, появляются старые сводки новостей?

– Разум Тянь Ся – большая загадка для всех нас, – Син Чен заговорила извиняющимся тоном. – Если о некоторых моментах, связанных с ней, да и со всем этим местом в целом, станет известно широкому кругу лиц, думаю, тут будут большие научные изыскания, приедут телевизионщики... Но мы не хотим огласки и лишних глаз, да и дом способен сам оберегать себя. Летом тут бывают туристы, но они проводят одну-две ночи и уезжают. Мы их поим нашим чаем с *линьчжи*, и они ничего не чувствуют. Остальные гости – это только те, которых допустил сюда дом... те, кто не станет приносить вред. Так вот, Тянь Ся способна не только принимать информацию поля, но и иногда излучать свою собственную энергию. Цветы в комнате нравятся ей, но они же смягчают её воздействие на электроприборы. Если бы ты знал, какой толщины там провода, соединяющие обогреватели с источниками питания... Даже лампочки перегорают у неё чаще, чем в других комнатах. Телевизионные помехи – обычное дело для Тянь Ся, и даже когда телевизор начинает показывать программы, которых нет в списке передач, – это всё её работа, результат влияния её биополя. Мы кое-что слышали о ней... некоторые слухи. В молодости она увлекалась эзотерикой, разного рода оккультными знаниями, кое-что, надо полагать, пробовала сама. Думаю, ей удалось найти средство, позволяющее развивать её дар и направлять часть той энергии, которую она черпает из поля, вовне... оказывать воздействие на окружающий мир. Не знаю, как ей это удаётся и на какой из спутников она способна перенастроить телевизионную антенну, но это факт, она на это действительно способна.

– Получается, всё, что сейчас случилось со мной, обычное дело? – сказал я, позволив холодной иронии прозвучать в моём голосе. Син Чен была на полторы головы ниже меня, и сложно было говорить с ней строго.

– Не совсем обычное, конечно, – ответила она. – Понимаешь, я никак не могу свыкнуться с мыслью, что ты тоже обладаешь даром... и поэтому события сами формируются вокруг тебя. Раньше я не думала, что может быть человек, способный на то, на что способна Тянь Ся... тем более иностранец. Возможно, тот факт, что вы оба предвидите колебания поля, сделал на какое-то время этот кошмар общим для вас...

– Понятно, – выдал я. Слова Син Чен не проливали света абсолютно ни на что.

– Аньпин, а ты действительно думаешь, что способен чувствовать колебания поля? – вдруг спросила Син Чен. Вопрос заставил меня невесело рассмеяться:

– Дорогая Син Чен, я мало что понимаю в том, *что* вы делаете и *что* тут происходит. Ещё недавно вы говорили мне, что я мог бы сочинять для вас рекламные брошюры, потом объявили меня обладателем мистического дара, теперь спрашиваете, верю ли я в это сам. Лично я сам не просил себе никакого странного таланта и ни на грамм не ощущаю себя избранным. Мне интересно здесь, я учусь рисовать. Это новый жизненный опыт, и он мне дорог. Может быть, когда-нибудь я напишу об этом книгу – фантастическую, разумеется, чтобы никто не заподозрил, что я описываю свою реальную биографию...

– А ты бы не хотел остаться здесь... на более долгий срок? Мы можем сделать тебе рабочую визу, договориться с Ваном Юпином о зарплате. Ты бы мог работать тут с нами.

Я удивлённо заморгал:

– Син Чен, всё это очень заманчиво, и я правда благодарен вам за гостеприимство, но в обозримом будущем я не планировал покидать Россию на долгий срок. Тем не менее, если вы не против, я мог бы приезжать сюда время от времени...

– Мы не против, я так вообще всегда тебе рада, ты умный и красивый, и поле благосклонно к тебе, – Син Чен потупила взгляд, но, зная китайнок, я не позволил себе спутать эту вежливую доброжелательность с флиртом. Син Чен была другом и считала меня таковым, и она явно не захотела бы портить нашу дружбу зарождением каких-то иных отношений. – Ты всё же подумай. Если решишь поработать тут – скажи мне. И прости, что сегодня так получилось...

Я начал отходить понемногу от недавнего приключения в комнате Тянь Ся, поэтому более дружелюбным тоном сказал, что не обижаюсь и вины Син Чен не вижу. Мы попрощались до обеда. Она пошла ставить Тянь Ся запоздалую капельницу, а я спустился вниз, чтобы помочь Манфу на кухне и обсудить с ним сегодняшнее происшествие.

4

Манфу только что приступил к готовке, и ещё из гостиной я услышал его недовольные возгласы по поводу испорченных перцев. Действительно, когда я вошёл в застеклённый пристрой, то увидел грязно-красный ворох сушёных перцев, лежавший на кухонном столе: все они были основательно побиты плесенью.

– В ближайшие дни ничего остренького, будем есть русскую кухню, – вместо приветствия развёл руками Манфу.

Мне показалось это смешным, и я улыбнулся.

– Ну что ты смеёшься? Разве не понимаешь, что папа будет страдать без перчиков? Что ты за сын у меня, никакого почтения... – и он с напускным горем в глазах покачал головой. Случайно глянув на его ноги, я увидел, что вместо привычных тёплых тапочек он надел свои любимые лакированные ботинки с металлическими вставками и по-ковбойски заострёнными носками. С кислой миной он прокомментировал:

– В этом ужасном климате мои тапочки отсырели и начали гнить. Сейчас слишком тепло, я надеюсь, в ближайшее время вернётся минусовая температура.

Лично меня перспектива заморозков в доме без отопления совершенно не прельщала, и я ничего не ответил. Поиграв ещё минут пять в нашу игру «типичные китайские отец и сын», во время которой Манфу ловко строгал картошку гигантским тесаком, мы приступили к готовке.

– Сегодня я был у Тянь Ся, – заявил я.

Манфу вскинул бровь, показывая тем самым, что приготовился слушать подробности визита. Я второй раз за день пересказал события, случившиеся в комнате пожилой провидицы. Лицо Манфу заметно помрачнело, но его комментарий мало чем отличался от того, что сказала мне Син Чен, и в конце сам японец признался, что не любит подниматься наверх. Во-первых, потому что высоко и у него сбивается дыхание, во-вторых, потому что чувствует себя беспокойно в присутствии Тянь Ся. Чаще всего никаких неприятностей не происходит, но ему всё время кажется, что он словно бы что-то ей должен... Выслушав его, я припомнил ещё один момент, о котором забыл спросить Син Чен.

– Да, кстати, – начал я. – На полке среди всех этих горшков с цветами находятся разные вещи... старые вещи, вполне обычные, но все они навевают какое-то томящее чувство... и, самое главное, там стоят фотоальбомы – по крайней мере, один. Как я понимаю, там фотографии четы Фэн в молодости. Так вот, все глаза на снимках выцарапаны с завидной дотошностью. Это что, тоже влияние биополя Тянь Ся или так было заведено в прежние времена в Китае?

Манфу поморщился, услышав моё ёрничанье.

– Тянь Ся – удивительная женщина, о её жизни ходят легенды. Это образец китайской эмансипе, за внешней скромностью которой скрываются бурные страсти и

надменные мысли... Насколько я знаю, в молодости она была очень привлекательна и умела кружить голову мужчинам. И хотя она, насколько я могу судить по тем обрывочным сведениям, которыми располагаю, не страдала зависимостью от денег, но замуж всё же вышла по расчёту. Сомневаюсь, что она любила своего мужа; думаю, любила она только саму себя. Я тоже видел те фотографии. Уверен, выцарапанные глаза – дело её собственных рук, она могла сделать это незадолго до болезни, ощущая приближение старости. Пожилому человеку трудно смириться с тем, что он больше не обладает прежним очарованием... Твоя старая фотография может показаться фотографией кого-то чужого, кто с укором смотрит на твою немощность. Что-то подобное я иногда переживаю и сам, в минуты одиночества... Тянь Ся – очень чувствительный человек. Эпизод с выцарапыванием глаз – это результат её старения, смешанного с обострённым чувством самообожания и одиночества. Тянь Ся не хочет, чтобы лица со старых фотографий смотрели на неё. Порою мне кажется, что она не хочет, чтобы и мы на неё смотрели – но тут уж ничего не поделаешь, кто-то же должен за ней ухаживать.

Манфу на некоторое время замер, и нож в его руке завис в воздухе над сморщенной морковкой, будто замедлившая роковое падение гильотина. Наконец, почесав свободной рукой бородку, он прикончил морковку и продолжил:

– Мне сейчас вспомнилась одна китайская сказка про человека, который из жадности пытался укрыть от мира чудесную жемчужину, превращающую монету в гору золота и горсть риса – в сотню *цзиней*. Он спрятал жемчужину за щеку, но нечаянно проглотил. И тогда всё его тело стало претерпевать трансформации, а спустя некоторое время он превратился в дракона и вынужден был навсегда покинуть родные края, скитаться в одиночестве среди гор. По одной из версий, в отражении на глади вод он по-прежнему видел себя человеком. Однако, зная, что на самом деле является безобразным драконом, он возненавидел это отражение и стал огнём из пасти осушать все встречающиеся на его пути водоёмы, нанося, как можно догадаться, немалый урон сельскому хозяйству. Кажется, какой-то герой сразил его в конце концов... Но все мы иногда подобны этому дракону, когда смотрим на старые фотографии: и мы сами, и люди, которые были с нами рядом, превращаются в наших глазах во врагов, чьи молодые жизнерадостные взгляды уличают нас в нашей беспомощности. Конечно, не всем придёт в голову выцарапывать фотографиям глаза, но в этом вся Тянь Ся. Она мыслит буквально: есть проблема – надо её устранить.

Я с интересом слушал эту проникновенную речь Манфу, которая открыла мне многое, в первую очередь, в нём самом: его одиночество, эмоциональность и ранимость – качества, которые он обычно скрывал.

Какое-то время мы молча готовили еду. Вернее, готовил Манфу, а я, как повелось, был на подхвате. Потом к Манфу вернулась его игривость и кашляющий смех, и мы снова стали перешучиваться на тему наших «родственных связей».

Благодаря тёплой беседе с японцем к вечеру я окончательно отошёл от утреннего шока. И всё же я решил, что вряд ли в ближайшее время надумаю снова навестить Тянь Ся.

Лили дожди, туманные дни сменялись промозглыми ночами, и, вернув себе прежнее душевное равновесие, я занимался рисованием.

Приложение 10

Текст, изначально нанесённый симпатическими чернилами (возможно, молоком), удалось обнаружить случайно во время прочтения на просвет документа, приведённого в Приложении 9. От лампы накаливания произошёл нагрев страниц дневника, так что запись начала проявляться. Заметив проступивший из-под обычных дневниковых записей текст, мы подвергли данную страницу повторному нагреву и смогли восстановить его целиком. Поскольку скрытый текст записан более крупными буквами, чем обычно пишет Александр, он занимает больше места (хотя авторство, несомненно, принадлежит Александру). В тетради начало скрытого текста совпадало с фразой «...видел события и лица, мелькающие на экране...», а конец – с фразой «...кадры и хроники, настоящие и сфабрикованные...»

Светлячок, суиций на небесах. Да святится имя твоё, да придет день нашей

встречи, да встретимся мы с тобой как можно раньше хоть на небеси хоть под землёй. Смерть мне насущную даждь сегодня. И прости меня за то, что я не смог тебя уберечь. И не введи меня во здравие, но избави меня от жизни. Света, заведи меня к себе.

Помимо данного текста, других случаев использования симпатических чернил в «Китайском дневнике» обнаружить не удалось.

Дождь падает вверх

1

Вслед за Син Чен и Манфу я приобрёл привычку спать после обеда. В то время как Чуань Дзон усиленно занимался музыкой и в коридор просачивались глухие звуки его *гуциня*, а Хуршид бродил по горам (морозящий дождь его не смущал), эти двое закрывались в своих комнатах и мирно дремали в течение часа. Я счёл, что это хорошая традиция и, поскольку в пасмурную погоду всегда клонит в сон, стал следовать их примеру. Вот только спать ровно по часу у меня не получалось – обычно я засыпал часа на два. Вечером сна не было ни в одном глазу, поэтому после ужина я возвращался к рисованию.

Вот мой режим дня: после завтрака – прогулка, потом часа два – рисование или чтение; обед, сон, снова прогулка, ужин, рисование. Начал кусочничать ночью, грешен. Конечно, я ещё должен был успевать помогать по дому и на кухне (готовить в одиночку мне уже не доверяли, вежливо отстранив меня от обязанностей шеф-повара), но эти задачи были не в тягость. Время текло медленно, и я наслаждался своим творческим бездельем в горах.

В один из вечеров я рисовал горный ландшафт с соснами. Композиция картины выстраивалась так, что справа был уступ, а слева – водопад. Син Чен объяснила мне принципы золотого сечения, и я старался, насколько возможно, соблюдать их. Впрочем, композиция китайских традиционных картин вовсе не обязательно следовала пропорциям, заданным Леонардо, да и прямая перспектива тут присутствовала не всегда. Поэтому я больше доверял интуиции, нежели каким-то конкретным правилам. В конце концов, я рисовал ради удовольствия и не метил в художники.

На моём телефоне, среди прочих снимков, были две фотографии, которые особенно мне нравились: одна – с горным видом, другая – с водопадом, тем самым, в котором мы когда-то весело плескались с Хуршидом. Я смотрел поочерёдно то на одну, то на другую, пытаюсь в своём рисунке объединить их. Мои картины становились всё более конкретными и реалистичными, от прежнего хаотического примитивизма не осталось и следа. Но мне не нравилось просто перерисовывать некий предмет действительности – это было скучно. Я старался создавать что-то новое, руководствуясь воспоминаниями и фотографиями. Син Чен нахваливала мою живопись, но, учитывая любовь китайцев перехваливать друг друга и тем более иностранцев, трудно было понять, правду она говорит или отдаёт дань учтивости.

Сосны, на мой взгляд, вышли неплохо, гора тоже удалась, хотя и смотрелась кривовато – но и в природе тоже всякое бывает... А вот водопад упорно не получался. Мне не нравился его цвет, его форма и, самое главное, то, что он не производил впечатления движущейся воды. Син Чен в этом была мастером, она пыталась меня учить, но все мои водоёмы походили, в лучшем случае, на бездвижные плоскости, покрытые льдом... Так и на этот раз: и водопад, и озеро, куда он стекал, были лишены жизни. Мне хотелось добавить сюда что-то, что оживило бы их, и я стал рисовать в озере рыбку. Рыбка была великовата для скромных размеров озера, но мне удалось изобразить изгиб её алого хвоста и золотистую головку с чёрными пятнышками глаз. Это напомнило мне наши чашечки для чая, на дне которых, под слоем синеватой эмали, были выпуклые алые рыбёшки.

Отстранившись от рисунка и взглянув на него издали, я понял, что он завершён. Особо мне нравилась эта рыбка и то, что она сама плавает на рисунке, совершенно живая маленькая рыбка... и вода, вода водопада тоже оживила и заиграла – я даже слышал тихий

шелест водного потока, срывающегося в озеро. Над озером кружил каскад мелких брызг, которые я не рисовал, и временами, когда лучи солнца проникали сквозь облака, в среде водного марева вспыхивали обрывки радуг.

Я знал, что так не бывает, что рисунок не может ожить – мои мысли были абсолютно трезвы, сознание ясно, чувства спокойны. Я осознавал, что мой рисунок был приведён в движение моей же фантазией – тем, как мой мозг расшифровал сигнал, посланный силовым полем. Но двигающийся рисунок завораживал мой взгляд, и я уже не мог смотреть ни на что другое, только на эти закрученные, как волны, облака, солнечные лучи, колышущиеся на ветру сосны, звонко журчащую воду и рыбку, чудесную рыбку, плещущуюся на поверхности озера, подёрнутого мелкой рябью... Из этого созерцательного ступора я был выхвачен внезапно – когда вода водопада, переполнив озеро, разлилась по картине, по столу – и вдруг полилась на мои джинсы!

Я ахнул и вскочил с места. Краем глаза я заметил, что рыбка в озере исчезла. Я поднял взгляд: к стеклу не зашторенного окна вплотную прижималась плоская рыбья голова с человеческими глазами, смотревшими на меня в упор. Голова за окном была велика – вероятно, вдвое больше моей, и это видение уже не вселяло в меня умиротворения.

Поражённый каким-то тошнотворным ужасом, я рванулся из комнаты и, краем уха расслышав голоса, доносящиеся снизу, ринулся на первый этаж.

Но внизу никого не было. Гостиная утопала в холодном и влажном сумраке, через приоткрытую входную дверь врывались порывы мокрого ветра, а в переполненный бассейн с рыбками через окно в потолке лился бесконечный дождь. Как говорили мои друзья, даже по меркам южного Китая эта зима выдалась неожиданно дождливой...

По комнате плавал призрачный свет, и мурашки поползли по пояснице, когда я понял, что я здесь всё-таки не один. В незримом *присутствии* не было ничего человеческого, ничего, соотносимого с понятиями о добре и зле, жестокости и милосердии. Где-то рядом со мной был некий дух, и он глядел на меня в упор, я чувствовал его пронзительный взгляд, я ощущал трепет перед лицом неведомой силы, незримой и бесстрастной. Дух был одновременно передо мной и позади меня, он словно бы сидел за столом и глядел на самого себя, пронзая ледяным взглядом моё тело. Не было причины оборачиваться – я знал, что никого там не увижу, стулья будут пусты, но я могу сойти с ума, если окажусь не прав и всё-таки увижу там *что-то*.

– Помоги мне, – гулко отозвалось в моей голове, Бог знает на каком языке, я всё понял нутром, а не разумом.

Мутное сияние искрилось во мраке гостиной, и источник этого рассеянного света был надо мной – казалось, что это лунный луч робко заглянул через окно в потолке. Но небо затянуто облаками и никакой луны не могло быть. Я знал, что мои чувства – лишь моя интерпретация информации, которую мне пытается донести некая сила *извне*. И так же ясно я понимал слабость моего интеллекта, мою неспособность правильно расшифровать это послание. Мои руки начали зудеть, мне хотелось рисовать, и я подумал, что мог бы придать этому незримому взгляду конкретную форму, создать художественный образ... И образ сформировался.

Блёклый луч мёртвого света выхватил бассейн с рыбками, и в его тусклом мареве я видел, как раздвинулась водная поверхность, тревожимая до этого лишь каплями дождя, как медленно поднималось из воды блестящее тело, само словно сотканное из бледного сияния, ветра и влаги. Это было всё то же видение, фигура с рыбьей головой и человеческими глазами, лишёнными век. Под складками ниспадающего серебристого платья, с которого потоками стекала вода, угадывались контуры женской фигуры с чешуёй вместо кожи. Существо не имело рук. Волна электрической дрожи прошла по телу чудовища, и алый плавник развернулся за его спиной, взметнув фонтан брызг, которые сначала повисли в воздухе, а потом медленно стали подниматься вверх, как если бы дождь изменил своё указанное гравитацией направление.

Существо продолжало сверлить меня бесстрастным взглядом, и я видел, как оно

хочет что-то сказать, но лишь бессильно открывает рыбий рот. Мне хотелось помочь, и я сделал шаг к нему. В тот момент я не чувствовал страха, потому что не ощущал никакой враждебности, исходящей от него. Впрочем, дружелюбия я тоже не ощущал. Шаг за шагом я приблизился к монстру вплотную, так что смог почувствовать его запах – так, наверное, пахнет болото в звёздную ночь... Болото с примесью спирта и хлора. Болото, в котором вместо водорослей колышутся обрывки катетеров и капельных трубок... И вот мне уже казалось, что в выпученных глазах существа я вижу пульсирующее сияние спиралевидных галактик, мерцание сверхновых звёзд и метеорных верениц в космической черноте.

Что-то тягостно-древнее повисло в воздухе, мне было сладостно и грустно в этот миг, как будто существо было статуей забытого бога, или поросшими травой камнями пагоды, или истлевшим одеянием на мощах святого. Но никакой святости не было в этом взгляде, как не было и греха. Лишь бесконечная грусть, отдававшаяся в сердце покоем и странным счастьем – таким счастьем, которое медленно, виток за витком, вытянет душу из тела, как пиявка вытягивает из вены тромб, и оставит её, одинокую и свободную, на лоне мокрой земли, под струями дождей и сиянием звёзд.

– Как я могу помочь тебе? – хрипло произнёс я, и мой голос прозвучал жалко и некстати в торжественном ужасе, который заполнил пространство и время.

Существо не могло говорить. Но где-то рядом блуждал его голос, и из-за моей спины, гулко отдаваясь внутри моего черепа, как в фарфоровой вазе, вновь прозвучала безъязыкая речь:

– Нарисуй, как она умерла.

– Я не понимаю, я не понимаю, – шептал я, а фраза дробилась и отдавалась эхом в моей голове, переходя в невыносимый скрежещущий визг: НАРИСУЙ, КАК ОНА УМЕРЛА!!

Рыбье лицо передо мною растянуло пасть в акульем оскале, и я почувствовал внезапные волны агрессии, исходящие от него. Я открыл рот, чтобы закричать, но в тот же миг водянистое существо, распахнув пасть, рванулось на меня и разбилось о моё тело, окатило потоком затхлой воды, оставившей на губах болотный и хлористый вкус. Брызги застыли в воздухе, а потом обрушились на пол; наваждение исчезло, и дождь снова стал падать вниз.

2

Ни на минуту я не позволял себе воспринимать случившееся как нечто реальное. И всё же моя одежда промокла, а в каменной чаше вода убавилась, со дна был поднят слой застарелой грязи и ила, так что рыбки в панике метались в мутной воде, натываясь на стенки и друг на друга.

Быстро переодевшись в своей комнате и закутавшись в одеяло, я пробежал по коридору, на ходу постучал в дверь Манфу и вломился без спросу в комнату Хуршида, оставив дверь открытой, чтобы японец знал, куда ему надо идти.

Хуршид не спал – он только что завершил намаз и расправлял складки *джалабиш*. Увидев меня, он вскинул брови, но видя, какое возбуждённое выражение застыло на моём лице, быстро подхватил меня под руки и усадил на кровать. Когда появился Манфу, я начал свой рассказ.

Стараясь ничего не упустить, я уделял внимание каждой детали, и внезапно сам понял, что нынешнее видение было скорее калейдоскопом странных ощущений, чем цепочкой конкретный событий. И самое главное, видение в целом, за исключением самой последней его части, не оставило у меня отрицательных эмоций и полнейшего смятения, как это было в прошлый раз. Напротив, тягостное, но при этом светлое чувство осталось во мне, и я бы мог прямо сейчас начать рисовать новую картину, стараясь воплотить это ощущение в виде цветов и линий... Об этом я также не преминул сообщить моим друзьям.

– Я по-прежнему считаю, что данное видение – это следствие твоего таланта, – массирующим движением сжал мне плечо Хуршид. – Не ищи в нём большого смысла, ибо

оно открыло лишь будущее состояние силового поля.

– В словах Хуршида есть смысл, – вздохнул Манфу. – Но вот что. В некоторые вещи я посвящён, может быть, лучше Хуршида... потому что вместе с китайцами заполняю дневник, куда мы вносим сведения о колебаниях поля. Хуршид его не читал, он не очень хорош в письменном китайском, – иранец пожал плечами, показывая тем самым, что не видит тут большого греха. – Так вот, можно насчитать лишь горстку случаев, в которых чьи-либо видения сопровождались слуховыми галлюцинациями – высказываниями, побуждающими к чему-то... Обычно это просто разговоры, иногда – вопросы к нам со стороны представших перед нами образов. Но иногда видения велят нам сделать что-то, как в твоём случае, – нарисовать смерть, говоришь? Так вот, насколько я помню, пару раз видения подстрекали людей к самоубийству. К счастью, у меня самого ничего подобного не случилось. Но один раз это произошло с Син Чен: она была в комнате Тянь Ся, когда внезапно увидела море под окнами, и некий голос скомандовал ей прыгать вниз. Старуха тогда так истошно закричала, что прибежал Чуань Дзон, и видение рассеялось. В другой раз самому Чуаню привиделось, что вены на его теле – это ползающие под кожей змеи, и они жалят его изнутри. Его мать, почившая много лет назад, вошла к нему в комнату, вручила нож и скомандовала резать змей... можете себе представить, к чему это могло привести, если бы он последовал её совету. Кажется, с Чуанем был связан ещё один подобный эпизод, но я запамятовал.

– К чему ты клонишь? – спросил я, чувствуя, как мурашки снова поползли по спине.

– К тому, что ты должен быть крайне осторожен. Нечто подобное было и в твоём видении: голос приказывал тебе нарисовать, как кто-то умер. Конечно, никакой прямой угрозы здесь нет, но, возможно, твой чистый от негативных мыслей разум так передал тебе это побуждение, и оно потеряло всякий смысл... Возможно, будь ты менее жизнерадостен, твоё сознание подкинуло бы тебе какой-то иной, более зловещий вариант...

Манфу замолчал, Хуршид тоже пребывал в задумчивости – очевидно, на этот раз он разделял точку зрения японца. Наконец, Манфу, решив, видимо, что пора внести в наш разговор позитивную нотку, весело заговорил:

– Сынок, вслед за Хуршидом я рекомендую тебе не вникать в смысл этого видения и вернуться к рисованию. Папа знает, что творчество само по себе способно нейтрализовать видения. Силовое поле посылает их тебе, но ты моментально претворяешь эту информацию в художественные образы – так что нет причин для появления в пространстве вокруг тебя чего-то чужеродного. Просто рисуй, пока у тебя есть время и желание.

Времени оставалось немного: дня через два-три мне следовало покинуть дом. Срок моей визы истекал, а ведь надо было ещё как-то добраться до Шанхая. Мы беседовали минут десять, потом все разошлись по своим комнатам. Мои последние дни в доме представлялись мне в радужном свете. Я не боялся новых видений – скорее, они начали вызывать мой интерес, коль скоро не могли принести реального физического вреда.

Этой ночью сны были путанными и бессвязными. Кажется, мне снилось, что в моей комнате живут две кошки с шерстью из лунных лучей, и одна из них – живая, настоящая, а вторая – её двойник, который может превратиться монстра. Я пытался найти способ, чтобы выявить эту ложную кошечку, но никак не мог. В конце концов кто-то посоветовал мне сделать окончательный выбор и выбросить одну из кошек в окно с какого-то очень высокого этажа. Я схватил первую попавшуюся – она вырывалась, и мне пришлось с силой её сжать, ломая тонкие рёбра. Кажется, мне было жаль её, хотя она и могла оказаться чудовищем. Тряхнув её несколько раз и скрутив ей лапы, я швырнул существо в окно, и оно с истошным мяуканьем полетело вниз. Я ошибся, сделал неверный выбор. Вторая кошка превратилась в обезьяноподобную шестилапую тварь и вцепилась мне в шею.

Я проснулся, как от толчка. Было ещё далеко до рассвета, и некоторое время я лежал с закрытыми глазами. Даже после пробуждения мне было жаль погубленную мной кошечку. Снизу доносились оживлённые голоса – это было странно, ведь обычно в такой час всё в доме было погружено в сон. Но мне было лень вставать. Если бы случилось что-то важное,

меня бы, конечно, позвали...

Приложение 11

Обрывок линованного листа, заклеенный между страницами. Почерк Александра. Нажим ручки был так силен, что местами она переставала писать, а местами рвала бумагу.

Здравствуй, Свет. Я снова пишу сам себе. Только по утрам, за несколько мгновений до полного пробуждения, я забываю, что ты умерла.

Меня поставили на учёт, пока что временно. Водят к врачу, я не знаю, психолог это или психотерапевт. Говорит, надо жить. Общие фразы. Можно подумать, я планирую самоубийство! Перевели к другому врачу. Мужчина с бородой, наверное, фанат Фрейда. Я подписал договор, согласие, и был первый сеанс. Я плохо запомнил, как и что было, это в первый раз я испытываю на себе гипноз. Он сказал, я очень податлив и открыт для воздействия. Сказал, что это хорошо. И знаешь, мне как будто бы стало легче. Но. Светлячок, я твоё лицо не могу вспомнить. Не помню, как выглядел твой рот и подбородок без марлевой повязки. Смотрю на фотографии и вспоминаю. Отворачиваюсь от них – и забываю снова. Он сказал, я должен забыть тебя. Но как я могу? Если только он сделает это со мною... Мне страшно. Он словно убивает тебя во второй раз. Я больше не могу.

Я тут подумал: когда я умру, я встречу тебя и всё вспомню. Ты сказала: забудь. Я исполню твою волю. Этот местный Фрейд сказал взять твои письма и фотографии, всё самое дорогое, и уничтожить. Мама и папа рыщут в поисках твоих подарков, писем, фоток... Они написали админам соцсетей, и твои аккаунты стёрли. Они даже ко мне Вконтакте в альбомы залезли и удалили фотографии, на которых есть ты.

На работе дали отпуск. Врач говорит, после окончания курса гипноза надо будет съездить в санаторий. Я бы лучше поехал в Китай... С тех пор, как окончил вуз, я туда не ездил.

Они захотели стереть тебя. Но я не так прост. Я решил вести дневник, Свет. Я спрячу тебя в нём. Никто не узнает, я буду писать поверх склеенных страниц, чтобы было не заметно, что ты – там. Когда-нибудь я буду перечитывать написанное и случайно вскрою тайники. И ты снова будешь со мной.

Повелитель видений

1

Причиной ночного шума оказался неожиданный приезд Вана Юпина. Никто не спрашивал его, как он добрался до нас глухой ночью и зачем он прибыл к нам. Может быть, потому что он был хозяином, а начальство расспрашивать не принято. Но, вероятнее всего, никому, включая меня, просто и в голову не приходили тогда эти вопросы.

Он был в шерстяной кофте, расшитой под канадский флаг, и длиннополом сером пальто, на носу у него сидели круглые корейские очки с желтоватыми стёклами, и весь его образ оставлял впечатление довольства и достатка. Это был тот самый Ван Юпин, которого я видел в своём видении, – то же лицо, тот же голос, манера говорить... те же нотки сычуаньского диалекта в его речи и вкрапления английских слов. Несмотря на заверения моих друзей, несколько дней назад убеждавших меня в обратном, этот человек всё-таки был именно тем, чей портрет я нарисовал на первой картине, самой иррациональной и странной.

Как отреагировал я на этот визит? Что чувствовал я, когда реальность совпала с галлюцинацией, сном наяву? Что происходило в моей голове, когда за завтраком он сел на то же самое место во главе стола? Не знаю, не помню...

При виде Юпина мне захотелось спрятаться, скрыться, убежать прочь. Но я не убежал, я продолжал шагать вперёд – к столу, на котором дымился завтрак, к моим друзьям,

приветливо глядевшим на меня, и к этому ужасу, воплощённому в человеческом теле. Ужасу, который называл себя Ван Юпин.

Манфу оживлённо рассказывал, как повстречал меня, а китайцы наперебой расхваливали мой *путунхуа*... Юпин с улыбкой слушал их и, когда я приблизился к столу, он встал и протянул мне руку, как принято на Западе.

Я замер, но под взглядом приветливых глаз из-под жёлтых очков я протянул руку и пожал пухлую, холодную и очень сухую ладонь Вана Юпина, смуглую и идеально гладкую, лишённую волос и линий.

Это было незабываемое ощущение. Тёплая истома разлилась по телу, и мне уже не хотелось разжимать пальцы, прерывать это сладостное прикосновение. Ван Юпин, улыбаясь, глядел на меня, и я бессильно улыбнулся ему в ответ, так широко, как только мог. Китаец не обладал приятной внешностью, но та энергия, которую он излучал, была настолько прекрасна, что все мои сомнения и страхи сделались несущественными и далёкими. Нет, они не исчезли, но я сам добровольно отодвинул их в дальний угол моего сознания. Что это было? Невероятной силы харизма? Какая-то смесь феромонов, которую источало его тело? Я пожал его руку – и вот уже чувствовал себя влюблённым в этого человека, добровольно отдаваясь его восхитительной власти. Мне хотелось нравиться ему, угождать ему, лишь бы не выходить из поля его обаяния.

Когда, наконец, рукопожатие распалось, меня переполнила благодарность: мой заветный друг, мой брат и мой господин облагодетельствовал меня сегодня, обратил на меня взгляд, полный любви и заботы! Это было великолепно. Я едва сдерживал себя от желания прямо спросить: «Как угодить Вам, чтобы Вы всегда смотрели на меня?»

Син Чен тихо кашлянула, привлекая внимание, и, когда я посмотрел на неё, то увидел огонёк зависти в её глазах.

– Это я научила иностранца рисовать, – глядя на Юпина, высоким дрожащим голосом заявила она и замерла, ожидая одобрения.

– Молодец, Син Чен, – улыбнулся ей Юпин, и в этот момент я почувствовал, что от меня вдруг отняли ощущение полного счастья: хозяин обратил внимание на другого! Пока я лихорадочно думал, как бы вернуть его интерес, Хуршид громко произнёс:

– Но я открыл ему тайны творчества, благодаря мне он взялся за кисть!

Юпин благосклонно поглядел на него, от чего на обычно серьёзном лице Хуршида выступили пятна довольного румянца.

– Однако не следует забывать, что оказался он здесь благодаря мне, – поднял указательный палец Манфу, и я, одержимый ревностью, решил, что даже в шутку больше не буду называть его папой.

Я понимал уязвимость моего положения. Белолицый иностранец в Китае всегда привлекает внимание, и я неоднократно попадал в ситуацию, когда китайцы приглашали меня на вечеринки только чтобы показать своим друзьям и похвастаться дружбой со светловолосым «инопланетянином»... И вот мои друзья – я уже не хотел их больше так называть, этих двуличных предателей, – воспользовались мною, чтобы привлечь к себе расположение Юпина! Это было нечестно!

Я решил во что бы то ни стало вернуть его внимание и сказал:

– Я сам изъявил желание приехать сюда, потому что надеялся обрести тут новых друзей. Как же я рад, что повстречал Вас, мой самый любимый друг!

Ван Юпин посмотрел на меня с такой теплотой, таким одобрением, что мои глаза зажгло от выступивших слёз. Я торжествующим взглядом обвёл лица моих бывших друзей и с удовольствием увидел, как зависть искажает их черты. Я оказался в фаворитах, но должен быть начеку, ведь в любой момент кто-то может украсть у меня доброе расположение моего господина! Я должен заранее придумать, как заслужить его вечную любовь...

Тем временем Ван Юпин поставил на стол бутылку рисовой водки и предложил, несмотря на ранний час, выпить за его здоровье. Син Чен и Чуань Дзон стремглав кинулись

на кухню за рюмками, пытаюсь обогнать друг друга. Манфу завладел бутылью, откупорил её и приготовился выполнять обязанности Ганимеда. Я был зол на себя. Ну почему я не побежал за рюмками первый? Теперь Юпин может подумать, что я ленив... Но тут я заметил, что на лице Хуршида застыло нерешительное выражение. Ага, теперь он не знает, как вежливо отказаться от вина, которое ему не позволяет пить его глупая религия! Это был мой шанс вновь показать себя. Ведь если Хуршид откажется от вина, он сразу же попадёт в немилость... Приятно иметь под рукой козла отпущения.

Я, затаив дыхание, ждал подходящего момента. Когда стаканы были наполнены и один из них поставлен перед иранцем, я, задыхаясь от волнения, произнёс:

– Хуршид, а разве тебе можно пить?

Иранец обжёг меня взглядом, полным ненависти. Он потянулся к стакану, отдернул руку, закусил верхнюю губу, но смолчал. Ван Юпин подмигнул мне, от чего тёплый мёд разлился по моему сердцу, и уставился на Хуршида немигающим взглядом, медленно покачивая головой из стороны в сторону, будто кобра. На его губах играла улыбка – а может быть, это готовились появиться наружу ядовитые клыки?

– Разве ты не хочешь выпить со мной, Хуршид? – прошипел он, и черты его лица на какой-то момент стали блёклыми и неясными.

– Я... – иранец в растерянности посмотрел на него, но тут же отвёл взгляд. – Я не знаю... да, я хочу, хочу, но...

– Так пей же, – сахарным голосом пропел Юпин и ударил дном своей рюмки о поверхность стола, что в Китае приравнивается к чоканью, если собеседники не могут дотянуться друг до друга.

Глаза Хуршида в панике расширились. Все за столом с ехидными улыбками подняли рюмки, и тогда иранец резким движением сорвал свою рюмку с места, ударил её доньшком о стол и выпил одним махом. Довольство сошло с наших лиц, когда Юпин, сияя золотыми зубами, заплодировал ему. Я почти увидел пучок благословенной энергии, который пролетел от него к Хуршиду, минуя нас. Как, должно быть, сладко в этот миг было иранцу! И мы все ненавидели его за это.

– Хуршид молодец, он доказал, что готов ради меня на всё, – проворковал Юпин. – А вы? На что вы готовы ради меня?

– Что бы Вы хотели от нас, хозяин? – опережая других, спросил Чуань Дзон.

– А что бы *вы* могли мне предложить?

Мы все наперебой стали предлагать свои услуги – всё что угодно, всё что угодно...

Юпин некоторое время слушал эту разноголосицу, потом небрежно, но властно поднял руку, и мы умолкли.

– Very well. Есть у меня к вам одна небольшая просьба, – начал он, и мы наклонились вперёд, не желая упустить ни слова. Паника копошилась в моём затылке: из-за густого сычуаньского акцента я не всегда отчётливо понимал, *что* говорит Юпин, и как же я боялся в тот момент не расслышать важной информации! Ведь никому из сидящих за столом нельзя доверять; они если и согласятся пересказать мне потом, о чём шла речь, то наверняка солгут... А переспрашивать Юпина я страшился ещё больше: что будет, если он решит, что я слушал его невнимательно?!

Юпин, между тем, продолжил:

– Как видите, я старею, годы берут своё...

Мы хором начали уверять его, что это не так, что он молод и прекрасен. Он отмахнулся от наших комплиментов.

– Так вот, нет у меня ни сына, ни дочери. Nobody. Кто вспомнит о бедном Юпине после его смерти?

Холод ужаса сковал нас. Господин может умереть? Это невысказано, мы не можем позволить этому случиться!

– Да, да, я не вечен, – продолжал Юпин грустным голосом, и его грусть заставляла нас страдать. – Но я знаю, что есть способ, дарующий бессмертие. Вы готовы исполнить

для меня мою просьбу, чтобы имя вашего доброго друга осталось в веках?

Конечно же, мы были готовы. И Чуань Дзон, опережая нас всех, с чувством выдохнул:

– Я готов отдать за Вас жизнь!

– В этом нет необходимости, – милостиво сказал Юпин. – Я говорю про своё бессмертие в вашем творчестве.

Мы онемели.

– Да, я знаю, вы все талантливые люди, даже этот *лаовай*, – Юпин покосился на меня.

– Вы пишете, рисуете, сочиняете музыку... Вот я и хочу попросить вас об одолжении. Нарисуйте меня, распишите в каллиграфии моё имя, посвятите мне песню... Меня не станет, но ваши творения переживут меня и вас. Так имя Вана Юпина дойдёт до иных эпох.

– Но господин мой, – слабым голосом промолвила Син Чен. – Наши работы очень слабы. Боюсь, мы бездарны...

– Говори за себя, – яростно выпалил Чуань Дзон. – Я лично верю в то, что моя музыка переживёт меня. Есть люди, которые уже оценили её! Я буду записывать диск, и я нижайше прошу позволения посвятить его Вам!

– Ну вот, – Юпин торжественно указал на Чуань Дзона. – Хотя бы один из вас не боится ничего. Да, маэстро Чуань, я с радостью принимаю твой подарок.

Поток незримой энергии пролетел мимо меня к Чуаню. Это было невыносимо, и я громко сказал:

– Хоть я и не профессиональный художник, но я смиренно надеюсь, что моя любовь и верность моему лучшему другу вдохновят меня. Я клянусь написать Ваш портрет!

Юпин с нежностью заглянул мне в глаза, и долгожданный поток счастья обрушился на меня.

– Посмотрите, *лаовай* тоже верит в свои силы! Это юное дарование прославит меня в веках. По всему миру люди будут восхвалять его картину, указывать на неё и говорить: вот каким был Ван Юпин, великий меценат и благодетель.

С прерывистым дыханием, как после долгой и изнурительной пробежки, Син Чен, Манфу и Хуршид наперебой предложили услуги по приобщению Юпина к вечной жизни в искусстве. И каждый из них получил по своему пучку благодатной энергии.

– В искусстве главное – дух соперничества, – обратился к нам Юпин. – Если все будут равны, не будет повода для совершенствования. Поэтому я, хотя и приму все ваши дары, но в конце назову лишь одного из вас, кто по-настоящему станет моим другом и пребудет в лучах моей любви навечно. Так что не забывайте об этом, и пусть старание станет вашим учителем, а любовь ко мне – вашей музыкой!

Я был так воодушевлён этими словами, так верил в то, что именно мне будет дарована эта высшая благодать, что в очередной раз за утро ощутил комок в горле и слёзы радости на глазах. Лица остальных светились тем же предвкушением нескончаемого удовольствия, и это меня испугало: я не хотел ни с кем делиться обещанным мне счастьем! Я должен был превзойти остальных.

– С этого дня я повелеваю вам приступить к работе, – сказал Юпин. – Вы будете работать пять дней, я поочерёдно буду заходить к каждому из вас и следить за тем, как вы справляетесь. Поскольку вы выполняете важную и нужную мне работу, все дела по дому, включая приготовление пищи, буду выполнять я сам – не спорьте, так приказываю вам я, – он повелительно вскинул руку. – Син Чен, заботы о Тянь Ся я также беру на себя. Не расстраивай меня своим недоверием, не поднимайся к ней в течение этих дней. Я не хочу, чтобы что-то отвлекало тебя от твоей основной обязанности, – китаянка молча кивнула, замороженно глядя на Юпина. – Рисовальщики, большую часть времени вы будете писать по памяти. Я буду уделять вам время, но не ждите, что я буду сидеть с вами, как модель. Рисуйте меня так, как видит ваше сердце. Хуршид, я не заставлю тебя писать стихи по-китайски. Пиши на своём языке. Если твой стих будет звучен и горделив, я сочту, что произведение достойно моего одобрения. Манфу, выбрось из головы новомодную писанину. Пиши так, как писали наши деды! Я хочу, чтобы ты расписал моё имя в старинной манере,

и чтобы Вселенная играла в каждом иероглифе, отражая устройство Поднебесной. Доедайте свой завтрак и приступайте к работе. Мне нужен результат.

Мы наспех проглотили остывшие пельмени и разбежались по комнатам. Только Хуршид, в замешательстве постояв возле стола, всё-таки, не изменив своей привычке, вышел наружу. Внизу остался один Ван Юпин, и я, бросив на него прощальный взгляд, увидел, как вспыхнули белыми линиями черты его лица. Словно солнечный след на сетчатке, образ Вана Юпина застыл в моих глазах.

2

Всё стало смутно и зыбко, и удивляться чему-то не было ни времени, ни сил. Мы были захвачены работой, мы все стали одержимы Ваном Юпином и его сияющим образом. За окнами то лил дождь, то сквозь толщу облаков проглядывало солнце, и золотая корона лучей пылала над гребнями гор. Вновь похолодало, и по ночам вместо дождя шёл снег, который таял днём. Дом был наполнен холодной сыростью и пустотой, несмотря на то что в нём жили люди. Он был слишком велик, чтобы прогреться нашим теплом.

И в этой холодной полусонной медлительности тянулись дни. Ёжась от холода, мы спускались вниз, чтобы утолить голод, и ели пищу, которую давал нам Ван Юпин. У нас не возникало вопросов, откуда он берёт все эти продукты, которых никогда не было на кухне, но еда была восхитительна. Стол ломился от яств, и можно было выбирать самые лакомые кусочки. Мы пили рисовую водку и красные вина из Европы, но опьянение слетало, стоило нам встать из-за стола, а набитый живот был не сыт и не голоден.

По дому блуждали видения и призраки, будто открылась дверь в потусторонний мир фантазий и кошмаров, но мы не обращали на них внимания. Невиданные люди, звери, птицы проходили сквозь стены, пролетали сквозь потолки. Они не тревожили нас, а мы будто не замечали их. Двери в доме постоянно меняли места, и порою из моей комнаты в коридор вело разом несколько дверей, а иногда всего лишь одна – сразу на первый этаж, где ждал Юпин. Стены то зарастали цветами, их гибкие стебли переплетались, как на керамической мозаике в восточных мечетях, то вдруг исчезали совсем, открывая вид на океаны и пустыни, горы и города, поражающие своим величием. По ночам потолок мог внезапно раздвинуться, и моим полусомкнутым глазам представляли планеты и звёзды, удивительно близкие. Я видел созвездья, которые невозможно увидеть с Земли, видел планеты, чья поверхность была затянута сетью городов и дорог, видел странных существ, склонявшихся надо мной, глядевших на меня в упор или сквозь меня. По дому плавал сиреневый туман, и его сгущения двигались и пульсировали, выдавая скрытую в нём жизнь. Голоса и звуки плавали по коридорам вместе с туманом, и можно было услышать то колокольчики детского смеха, то старческий плач, то переливы музыкальных инструментов – ничего конкретного, лишь зыбкие звуки и видения, видения и звуки...

Иногда ко мне в комнату, в мой холодный одинокий полумрак, заглядывал Ван Юпин – и эти минуты, проведённые вместе с ним, были подлинным счастьем. Как влюблённый, я измерял время от одной встречи до другой. Его присутствие было так же необходимо мне, как вода и воздух. Он был моим другом, солнечным светом, смыслом жизни. Я детски радовался его шуткам и его чудесам: ради моей забавы он мог вызвать из небытия новый образ или мановением руки развеять старый. Сиреневый туман и вереницы видений были послушны ему и следовали за ним по пятам. Он полностью владел мною, моей душой и чувствами. Он владел всем домом, и сам силовой поток, свободный и непознаваемый, казалось, был послушен ему. В моих глазах он сам был воплощением силового поля, чистой поэзией и магией.

Я рисовал беспрестанно, смешивал краски и менял кисти. Я рисовал медленно, боясь допустить оплошность. Я рисовал страстно, вдохновляемый очами моего повелителя. Я не помню, что именно я рисовал...

С другими обитателями дома мы встречались лишь за столом. Мы практически не говорили, если только этого не требовал Юпин. И те взгляды, которыми мы обменивались...

в них не осталось ни намёка на прежнюю дружбу. Мы были полны зависти, ненависти и презрения друг к другу. О, как грязно они ели, как громко сопели, как отвратительно урчали их животы! Син Чен, казавшаяся мне когда-то утончённой и деликатной, ковырялась в рыбьей голове, со свистом высасывая мозг; Манфу чавкал, как паршивый пёс; Хуршид хрустел овощами, и его блестящий кадык, казалось, вот-вот разорвёт кожу; Чуань Дзон слизывал с палочек соус рыхлым, обожжённым налётом языком... Я чувствовал запахи их тел, застрявшие в волокнах одежды пот и газы, зубную вонь из их ртов, и тошнота подкатывала к горлу всякий раз, когда мне случалось видеть, как едят эти полулюди.

А Ван Юпин спокойно возвышался на своём месте за столом и с доброй улыбкой наблюдал за нами, как за своими детьми, его собственными творениями... Я не видел, чтобы он когда-то что-либо ел, он лишь пил вместе с нами, но следов опьянения не было на его румяном, щекастом лице. И когда он снимал очки с жёлтыми стёклами, от сияния его черных очей, в которых, как это часто бывает у китайцев, зрачок по цвету сливался с радужкой, мне хотелось петь и бросаться ему в ноги.

Я прекрасно осознавал странность своего положения, осознавал неестественность нашей жизни и большую уродливость видений и грёз наяву. Я знал, что Ван Юпин – не человек, и что все мы находимся во власти какого-то дьявольского дурмана. Но что я мог поделать? В один миг я пытался вернуть себе ощущение реальности, в другой миг появлялся Юпин и погружал меня в сладостный ад своих чар. И все сомнения отступали, прятались в глубине сознания, оставался лишь я и он, мой друг, мой властелин...

3

– Сегодня четвёртый день вашей работы, – сказал мне Юпин. На этот раз он спустился в мою комнату прямо с потолка, в окружении диковинных птиц, в ореоле сиреневого тумана, как божество из древних мифов. Я не сдержался и упал перед ним на колени. – Встань, сын мой! – громко расхохотался он. – Сейчас ты будешь слушать, что я скажу, и будешь слушать очень внимательно, – я закивал ему так, что услышал хруст собственных шейных позвонков. – Сегодня вечером будет предварительный смотр ваших работ. Я хочу, чтобы вы все принесли то, что приготовили, и показали мне и друг другу. Я хочу сравнить. Потом я выскажу мои личные пожелания – и у вас будет ещё один день, чтобы внести коррективы.

Я страшно заволновался. Как, прошло уже целых четыре дня? Я должен показать свою картину, выставив её перед всеми этими подлыми и никчёмными дилетантами? Но Юпин положил мне руку на плечо и наполнил меня спокойствием и радостью.

– Не волнуйся, талантливый *лаовай*. Скажу тебе по секрету, твоя картина мне очень нравится. Очень. Возможно, завтра я назову лучшим творцом именно тебя! Но не торопись радоваться, ведь Хуршид сочинил стихотворение, равное твоей картине по силе и таланту. Возможно, оно всё же окажется лучше, – меня окатило волной ужаса, а сердце сжала жгучая ненависть к иранцу. – Приноси вечером своё творение, я подумаю и дам тебе пару рекомендаций.

Я был обрадован и угнетён одновременно. Но я подчинился – а что ещё я мог сделать, если мой великолепный друг приказывал мне? Я пообещал прийти. Юпин потрепал меня по голове, подмигнул и растворился в воздухе. Ему уже не за чем было притворяться человеком – ведь я догадался, что он – бог.

4

Тем вечером не было ни спокойствия, ни дружелюбия. Я был взвинчен до предела, и такое же дикое возбуждение читалось на лицах остальных участников «конкурса». Ван Юпин на этот раз сидел не за столом на обычном стуле, а на троне из чёрного мрамора, подчёркивающим его грозное величие. С его плеч струилась мантия сиреневого тумана, расшитая звёздами, галактиками и планетами из чужих миров. Возле его ног лежали призрачные пантеры, тигры и крошечные создания, пришедшие из морей и рек – крабы и

змеи, жабы и тритоны. Они окружали трон и с почтением глядели на этого господина видений, отца радости, подобно зверям у ног Будды на картинах в восточных храмах. Он был величественен и великодушен, и тень улыбки не сходила с его пухлых губ.

Ван Юпин распорядился, чтобы мы представили наши произведения в следующем порядке: сначала Манфу, потом Син Чен, затем Хуршид, я и Чуань Дзон. Он не объяснил причин такой последовательности, и разве посмели бы мы вопрошать его?

Каллиграфия Манфу была похожа на чёрно-белый узор – так искусно в ней переплетались линии, струясь и перетекая одна в другую, то обрываясь, то появляясь вновь. Манфу объяснил, что каждому иероглифу здесь присуще символическое значение, раскрывающее устройство мироздания, центром которого был Ван Юпин, чьё имя и было написано на листе. Я не мог разобрать ни одного иероглифа – наверное, в силу того, что искусная каллиграфия искажила их привычный вид. Каждый раз, когда я пытался ухватить форму того или иного символа, черты расплывались перед моими глазами, и я должен был моргнуть и приступить к попытке заново...

Юпин захлопал в ладоши, и звери у его ног довольно зарычали, зашипели, заквакали, замахали клешнями, хвостами и щупальцами.

– Твоя каллиграфия хороша, – сказал он, и Манфу смиренно опустил голову, пряча довольную улыбку. – Однако в ней есть один неразрешённый вопрос: если я – это центр мироздания, то где та сила, с помощью которой я заставляю планеты вертеться, приказываю жизни – жить? Подумай над этим. Нужен лишь один иероглиф, который всё объяснит и свяжет воедино. Ты должен его найти.

Манфу растерянно уставился на каллиграфию и, поклонившись, отступил назад.

Когда Син Чен развернула своё полотно, я понял, что уже видел эту картину прежде. Тогда, в её комнате, мой взгляд упал на холст, на котором был изображён сидящий в беседке над водопадом человек с маской на коленях. Тогда, помнится, я поразился реалистичности его лица, но никак не мог запомнить его черты. Син Чен перерисовала картину заново, и на этот раз в человеке на ней без труда можно было узнать Вана Юпина.

– Мне кажется, я лучше, чем Манфу, передала цепь взаимозависимостей, которые формирует вокруг себя мой господин и друг, – заикаясь от волнения, пролепетала Син Чен. – Окружающий мир соответствует здесь качествам героя. Горы – это его сила, небеса – мудрость, их алый цвет символизирует мощную ауру человека. Беседка, в которой он сидит, – это дом его духа, и воздушность беседки, отсутствие стен, указывает на то, что великий дух не знает преград. Водопад – это поток неиссякаемой благодати, истекающей из его милосердного сердца...

– А маска на коленях? – прервал её Юпин.

– Маска... – замялась Син Чен. – Маска – это Ваша связь с миром высокого искусства и заветами нашей великой культуры, самой древней на земле.

– Всё это прекрасно, – медным бубном прогудел Ван Юпин, и звери заурчали у его ног. – Но разве ты не знаешь, Син Чен, что ваш покорный слуга родом из провинции Сычуань? В нашей опере главное – смена масок, мгновенная перемена ролей. Что проку в стабильности, что проку в силе, которая застыла навсегда? Я – вечный поток, я – волна, и я никогда не остаюсь на месте, не желаю быть прежним. Мне нужна маска сычуаньской оперы. И знаешь что? Пусть масок будет как минимум четыре! Один и три – мои нелюбимые числа.

Син Чен расплакалась и стала просить прощения за оплошность, но Ван Юпин властно махнул ей – удались! – и она с почтением отступила назад. Никто из нас не посмел спросить, почему именно «четвёрка», число смерти, была выбрана Ваном Юпином.

Хуршид торжественно сделал шаг в сторону трона, отвесил полупоклон нам, глубокий поклон господину, и начал декламировать стихотворение. Он не столько читал, сколько пел – и переливы его красивого голоса, звуки чужого языка, движения его рук – всё это на какой-то момент стало более значимым, чем окружающие нас туманные видения, этот трон и даже величественный господин на нём. Я замер в ужасе, потому что персидская

красота поэзии Хуршида была очевидным вызовом власти Вана Юпина.

Повелитель на троне гневно оскалил золото зубов. Звери рванулись к Хуршиду и, окружив его, угрожающе зарычали.

– Shut your trap! – проревел Юпин, и все мы съёжились в страхе.

Хуршид так и замер с открытым ртом, будто разряд тока прошёл через его темя.

– Твоё стихотворение было лучше, когда ты читал мне его прошлым вечером, – грозно сказал Юпин. – Я не люблю таких высокопарных стихов, и они вовсе *не обо мне!* О ком ты написал стихотворение, Хуршид? Чьё имя звучало сейчас здесь, в этом благословенном доме?

– Я писал о Вас, – прошептал иранец. Его губы были белее мела, длинные ресницы дрожали.

– Врёшь, – рявкнул Юпин, – Ты писал не обо мне! Ты хотел обмануть меня, наивно полагая, что я не пойму слов твоего языка.

Хуршид в панике глянул на меня – почему на меня? – и залепетал:

– Я создал стихотворение в традициях моей культуры. Я описал великолепие души моего господина и друга; я написал о том, что весь мир – не более чем тень луча от его лика; я перечислил его деяния и чудеса, которые он может творить волею Аллаха...

– Что ты несёшь? – с головы Юпина стекли человеческие черты. Подобно белёсому шару с пунцовыми венами, она раздувалась и пульсировала, словно хотела, как перезревший гигантский томат, взорваться в лицо Хуршида. Голос китайца напоминал утробное рычание, и он доносился будто бы разом со всех сторон. – Ты должен был написать, что я – владыка Вселенной и источник силы, вращающей планеты! Какой смысл восхвалять меня, если ты приплёл сюда своего выдуманного бога? Моя сила и могущество теряют всякий смысл, если какой-то высший разум, сверхинтеллект – что угодно – лишь позволяет мне всем этим пользоваться. Мы живём в современном мире, и в прогрессивном Китае мы не терпим террористических суеверий! Исправляй свой текст, убирай всё лишнее, или я вообще прогоню тебя с моих глаз!

Иранец трясся всем телом. Мне было радостно оттого, что мой конкурент был повержен, но в то же время страшно: а что если теперь господин, разозлившись, станет немилостив и ко мне?

Хуршид стремглав бросился из дома, в темноту промозглой ночи, в холод простуженных гор, – а я всё не решался предстать перед моим господином.

– Ну что же ты, Аньпин? – пунцовый шар повернулся ко мне. На нём вновь начали проступать человеческие черты, но выпученные и косые, как у хамелеона, глаза вызывали оторопь. – Не бойся, уж кому-кому, а тебе я всегда рад.

Тёплые слова воодушевили меня. Я выступил вперёд и развернул перед Юпином свой рисунок. Сейчас я бы многое отдал за то, чтобы узнать наверняка: что же я там такого нарисовал? Кажется, я что-то говорил, комментируя картину. Голова кружилась, в глазах темнело – мне казалось, что я в любой момент могу упасть в обморок.

– Этот портрет превосходен, – изрёк Ван Юпин, наклонившись ко мне с престола. – Кажется, ты сумел передать всё что нужно. Добавь немного сиреневого цвета, чтобы закончить фон – и я, быть может, назову тебя лучшим.

Какое облегчение я испытал в тот момент! Я был готов взлететь от восторга. Господину понравилась моя картина! Я не уставал благодарить его, и только когда властительный взмах руки указал мне, что я должен вернуться на своё место, – только тогда я смог отступить назад.

Последним вышел Чуань Дзон. Он был бледен, как белый опал, но старался держаться уверенно. В светло-сером традиционном костюме, сосредоточенный и подтянутый, он внушал уважение и трепет. Пододвинув к себе невысокий столик, до этого стоявший возле лестницы, он расположил на нём *гуцин*, а сам сел на один из колодообразных стульев. Дождавшись кивка Юпина, он положил обе руки на инструмент и приступил к игре.

Чуань Дзон никогда не устраивал для нас концертов, но в коридоре часто можно было слышать его музыку. Он играл виртуозно, но никогда его искусство не задевало меня, что называется, за живое. Может быть, дело в том, что его партии были слишком сложны для восприятия, или же мой слух не был приучен к звучанию *гуциня*, которое устойчиво ассоциировался у меня с приглушённым тембром блюзовой бас-гитары. Но на этот раз видно было, что китаец вкладывает в игру всю душу, и, хотя музыка сама по себе не трогала меня, невозможно было оставаться равнодушным к самому процессу игры. Длинные белые пальцы Чуань Дзона быстро летали по толстым струнам, его глаза были полузакрыты, плечи расслаблены, так что казалось, что он не то засыпает, не то впадает в транс. Звуки дрожали и переливались, налетали друг на друга, дробились, прерывались, затихали и усиливались вновь. И тогда, вторя нисходящему глоссандо, пошёл дождь, и его монотонное сырое постукивание добавило игре особый колорит и очарование. *Гуцинь* – инструмент дождя, ему необходим этот шелестящий фон, влажный белый шум природы...

Ван Юпин сделал какой-то знак, и Син Чен поднялась с места, чтобы заварить чай. Через некоторое время она вернулась, чтобы раздать нам всем по чашечке, наполненной неизменным чёрным юньнаньским *дьеном*, но во рту чай изменял вкус, наполняясь то женьшеневым ароматом, то нотками улуна... Син Чен подливала нам чай, и, попав в чашечку, он менял цвет, поочерёдно становясь то фиолетово-чёрным, то бледно-сиреневым, то пастельно-красным. Мы давно привыкли к чудесам, и эти трансформации цвета и вкуса были лишь частью парада видений и миражей, в котором мы жили изо дня в день.

Когда Чуань Дзон закончил игру и последний упругий звук, похожий на стук стрелы, поразившей цель, растаял в воздухе, я вскинул руки для аплодисментов. Но потом я вспомнил, что китаец – мой конкурент; кисти рук скрутила конвульсия, и ладони замерли, не коснувшись друг друга. Он играл слишком хорошо, и Ван Юпин был явно доволен.

– Дорогой Чуань, – промолвил Юпин. Он разжал пальцы, и пустая фарфоровая чашечка, покачиваясь, зависла в воздухе. Алая рыбка с отколотым хвостом мелькнула внутри. – Твоя музыка гармонична и легка, и даже мне, за мою долгую жизнь повидавшему многое, редко приходилось наблюдать столь полное растворение личности музыканта в игре.

– Благодарю Вас, господин Ван, – склонил голову Чуань Дзон. Его лицо светилось тёмным жаром. – Вы необычайно добры ко мне.

– Да, я добр, я же из Сычуани! – оскалился Юпин. Тусклый свет потолочной лампы блистал на его золотых клыках. – И если бы подведение окончательных итогов было приурочено к сегодняшнему дню, я бы, без сомнения, назвал тебя победителем. Ты истинный мастер, ты умеешь гордиться своей музыкой и собой, но больше всего в тебе я люблю твою преданность. Мне нечего изменить в твоей музыке, нечего добавить. Это музыка звёзд и теней, океанов и гроз, в которых теряется человеческая душа.

Чуань Дзон склонил голову так низко, что его лоб лёг на струны *гуциня*. Его плечи подёргивались то ли от плача, то ли от смеха. Это было так ужасно – лицезреть чужую радость! На душе было скверно, в мыслях царил бардак, и жгучая ненависть к виртуозному музыканту переполнила меня. Я знал, что те же чувства испытывают и Син Чен с Манфу, но только у меня было чем испортить триумф Чуань Дзона.

– Господин Ван, – проговорил я, глотая спазмы зависти и гнева. – Игра Чуань Дзона хороша, да и все остальные произведения, которые мы сегодня видели, за исключением, разве что, подделки предателя Хуршида, достойны Вашей похвалы. Но у меня есть доказательство того, что я полюбил Вас ещё до момента нашей встречи, до того, как увидел Ваше лицо. Моя душа уже тогда была предана Вам. Много дней назад я нарисовал картину, в которой запечатлён Ваш образ. Ждите меня здесь, сейчас я докажу всем, что лучший друг Вана Юпина – это я!

И я стремглав побежал наверх, в свою комнату, по лестнице, мягкой от тумана, по коридору, полному призрачных образов, чьи размытые глаза разной формы и цвета следили за моими перемещениями. Не знаю, что надоумило меня вспомнить про мой старый набросок, но я сразу нашёл его под столом, достал и расправил, насколько это было

возможно.

Когда я вернулся, все взгляды, заинтересованные и настороженные, были прикованы ко мне. Мои бывшие друзья, включая так называемого «папу», мысленно желали мне потерпеть фиаско – в этом я не сомневался. Но мне было всё равно, я хотел угодить моему господину и доказать, что я – его лучший и самый преданный друг и поклонник...

Я опустил на колени перед тронем, так что моя голова оказалась вровень с головой тигра, испытующе глядевшего на меня. Он был так велик, что мог бы, наверное, без труда раскусить мой череп. Развернув набросок, я протянул его Вану Юпину. Молчание зависло в комнате и, когда я осмелился поднять глаза и заглянуть в лицо того, кто сидел на троне, то, кажется, увидел тень недоумения, скользнувшую по нему.

– Откуда ты это взял? – голос Юпина звенел холодом.

– Я нарисовал это сам, несколько недель назад, – гордо ответил я, уже начиная чувствовать, что, кажется, допустил оплошность, показав Юпину этот незавершённый и измятый портрет... Мурашки поползли у меня по спине и затылку, струйки пота скользнули по пояснице, щекоча кожу.

– Очень... хорошо, – медленно проговорил Ван Юпин. В этот момент его лицо словно окаменело. – Очевидно, ты сам не догадываешься, *что* ты нарисовал... Да, это *моё* лицо. Ты действительно знаешь меня лучше всех остальных, это достойно похвалы. Быть посему. Исправляй в портрете, который ты показывал сегодня, то, на что я указал, и, если сделаешь всё правильно, можешь быть уверен, завтра я назову тебя лучшим. Доволен?

Я энергично закивал головой.

– Вот и славно, – казалось, ещё секунда – и он вырвет мне глаза. – Только пообещай мне, что спрячешь этот набросок подальше и никогда не достанешь его снова. Убери его, забудь о его существовании, уничтожь, если сможешь. Я приказываю тебе забыть о нём. *Ты меня понял?*

Слова застряли в горле, я судорожно кивнул. Мне следовало бы радоваться, ведь господин при всех пообещал возвысить меня на завтрашнем собрании, но ощущал лишь страх.

– На сегодня концерт окончен, – сказал Юпин, и по взмаху его руки трон и звери исчезли, а комнату стал заполнять сиреневый дым. – Дама и господа, благодарю всех за внимание. Завтра вечером мы подведём окончательные итоги. Сейчас Аньпин – мой фаворит, но у вас ещё есть шансы. Трудитесь усердно.

Я, Син Чен и Манфу поклонились и направились к лестнице. Но Чуань Дзон, растерянно вращавший глазами, не хотел уходить.

– Как же так, господин мой, – истерично сказал он. – Только что я был лучшим, и после какой-то невнятной мазни, показанной мальчишкой, он сразу стал фаворитом?

– Аньпин полюбил меня ещё до того, как увидел, – объяснил Ван Юпин. – Значит, он имеет больше прав на обладание моим расположением. Прошу тебя, господин Чуань, *не надо* спорить со мной.

Но Дзона было уже не остановить:

– Я докажу Вам, господин, что я способен ради Вас на большее! – закричал он. – Я буду играть так, как никогда не играл, как никто не играл раньше! Слушайте меня, господин, слушайте! Дайте мне шанс!

Холодное презрение выступило на лице Юпина. Его глаза поплыли и слились в один длинный глаз с двумя зрачками.

– Ну что ж... *Играй*, – в голосе Юпина заиграли садистские нотки. – Играй, и пусть это выжжет тебя дотла.

Волны сиреневого тумана всколыхнулись вокруг Чуань Дзона, и призрачные лица с растянутыми в беззвучном вопле ртами проявились в шевелящейся мгле. Син Чен беззвучно заплакала, а Манфу взял нас обоих за руки и потянул вверх по лестнице, прочь. Мы были соперниками, но в тот момент страх на какое-то время вновь сделал нас друзьями. Не говоря ни слова, мы поднялись на второй этаж и разошлись по комнатам. Коридор и моя спальня

были пусты, ни одного видения не поджидало меня в темноте. Закрывая дверь, я услышал первые звуки *гуциня*, донёсшиеся снизу: Чуань Дзон в последний раз в жизни начал играть.

5

«Что если Чуань Дзон вернёт себе любовь моего господина?» Так думал я, наматывая круги по комнате, слишком взвинченный, чтобы спать или рисовать. В животе ворочался тяжёлый игольчатый ком. Быть фаворитом нелегко... Несколько раз я ударил кулаком в стену и зарычал от боли. Я должен был придумать средство, как заставить всех принять раз и навсегда мою избранность, мою уникальность.

В отчаянном порыве я, разложив на полу все свои картины, начал чёрной краской рисовать куда ни попадя лицо Вана Юпина. Когда я показал ему портрет – тот набросок, который я считал неудачным, – он не потребовал доказательств, просто поверил тому, что я действительно нарисовал его лицо ещё до нашего знакомства... Значит, есть надежда, что и остальные картины можно будет представить в этом же свете. Это было опасно – обманывать моего господина, – но что ещё я мог сделать ради его вечной благосклонности?

И я рисовал: вот чёрный контур лица Вана Юпина на солнце – он парит в облаках и дарит миру свет... вот его лицо на горе – как образ божества, который высекли идолопоклонники... вот его черты отражаются в воде озера – божественный лик отразила вода, признавая его владычество...

Когда не осталось ни одной картины, на которой бы не был запечатлён образ Вана Юпина, я отстранённо посмотрел на работу своих рук – и внезапно понял бессмысленность моей затеи. Все картины – всё, что я рисовал в этом доме, – были испорчены. Я как будто нарочно вымазал их чёрной краской, в безумии святотатца разрушая собственные творения. Ван Юпин, конечно, не поверит мне, но – самое ужасное, – мои картины, которые прежде радовали меня, стали казаться искалеченными, потерявшими всякий смысл, чужими...

В бессилии я сел на пол. Что я натворил? Что натворили мы все? Как могло случиться, что мы стали куклами в игре страшной силы, которая назвала себя Ваном Юпином и даже не потрудилась принять облик настоящего господина Вана?

Минута прозрения была подобна вспышке. Невидимые пути, которыми сковал меня воцарившийся в нашем доме демон, ослабли, но я уже чувствовал, как вновь затуманивается мой разум, как всё, о чём я только что думал, становится несущественным и отодвигается на задворки сознания.

Тогда-то я и услышал стук в моё зашторенное окно.

С того дня, как я увидел в окне рыбью голову с человеческими глазами, я взял за привычку зашторивать окна: это казалось разумным средством предосторожности против незваных гостей, но не имело смысла в сложившихся обстоятельствах, когда весь дом наполнился призраками... Тем не менее, каждый вечер я зашторивал окно.

Осторожно отодвинув край занавески, я увидел едва различимое в темноте бледное лицо Хуршида, прижатое к стеклу. На улице шёл дождь, с его растрёпанных волос и бороды стекала вода. Знаками он попросил меня не шуметь и открыть ему окно.

Мой разум ещё не окончательно затуманился, я уцепился за слабое воспоминание о том, что Хуршид – мой добрый друг, а не соперник. Я аккуратно отворил створку, и она предательски заскрипела на ржавых шарнирах. Когда обе створки были распахнуты, я помог иранцу взобраться на подоконник, с которого он скорее ввалился, чем влез в мою комнату. Затаив дыхание, мы прислушивались, не раздадутся ли шаги за дверью – впрочем, прятаться было бесполезно: Юпин мог в любой момент явиться сюда, для него не существовало препятствий и стен. Я даже не был уверен, не смотрит ли он на нас в этот момент незримым вездесущим взором.

Но ничего не произошло, никто не явился, лишь с первого этажа доносились звуки *гуциня*: Чуань Дзон продолжал играть, и можно было лелеять надежду, что внимание Юпина сосредоточено сейчас на нём.

Хуршида била мелкая дрожь – то ли от холода, то ли от страха, то ли от того и другого

сразу. Я протянул ему одеяло, и он, закутавшись в него, прошептал:

– Могу ли я доверять тебе, мой добрый друг? – его красивые глаза глядели на меня с такой искренностью, такой надеждой, что я не нашёл слов, лишь растерянно кивнул. Взгляд иранца упал на разбросанные по полу рисунки, и он настороженно спросил меня:

– Нравятся ли тебе теперь твои работы, юный мастер? Теперь, когда это лицо, как штамп или клеймо, запечатлено на каждой из них?

Жар прилил к ушам, я отрицательно покачал головой.

– Это хорошо. Потому что теперь они ужасны... Ты должен выслушать меня и найти в себе силы поверить мне. Пусть Аллах даст тебе мудрости и стойкости. Хотя в сложившейся ситуации я не против, если ты помолишься даже Исе...

Моя голова раскалывалась от противоборства мыслей и чувств, но я постарался рассуждать отстранённо, как если бы моя жизнь была фильмом или сюжетом в книге. Или уравнением, которое надо было решить, приняв за основание все имеющиеся данные и производные. Да, я был готов слушать Хуршида, но слова застревали в горле, я не в силах был сказать ему что-то конкретное. Дождавшись моего очередного кивка, иранец продолжил:

– Как ты, надеюсь, догадываешься, существо, назвавшее себя Ваном Юпином, таковым ни в коей мере не является.

Незримый стержень пронзил мою грудную клетку. Как смеет он так говорить о моем господине? Обвинять его во лжи? Но я подавил эту мысль и стал слушать дальше.

– Я не знаю, что за *ибليس* воцарился здесь, – продолжил Хуршид сдавленным шёпотом, как будто говорить ему мешала опухоль в гортани, – но эта тварь не является человеком. И все видения, которые он показывает нам, – это всё иллюзия, Аньпин, это всё игра – только для того, чтобы сбить нас с толку. Я не знаю, чего он... *оно*, – Хуршид пальцем начертил в воздухе иероглиф, обозначающий местоимение среднего рода, – хочет... Скорее всего, стравить нас, поссорить, чтобы мы сами передушили друг друга... Но мы не позволим ему это сделать, мы должны бороться, понимаешь, Аньпин?

– *Саша*, – прохрипел я. – Это моё русское имя. Александр, Саша. Мне будет проще, если ты сейчас будешь звать меня моим настоящим именем, а не китайским псевдонимом.

Хуршид повторил моё имя, словно пробуя его на вкус, и, глядя мне в глаза, сказал:

– Хорошо, *Са-ша*. Ты, прав, у нас тут и так слишком много поддельного, пусть хотя бы имена будут настоящими. Я сам не выбирал китайского псевдонима, хотя знакомым китайцам и трудно выговаривать моё родное имя. Зато так честнее... А теперь скажи мне, просто да или нет, ты хочешь избавиться от Вана Юпина?

Я слотнул воздух. Сквозь множество противоречащих друг другу мыслей так непросто было проторить дорогу к истине... Я чувствовал зуд и раздражение, словно комариная туча жалила мой мозг, но я должен был заставить себя сосредоточиться. Итак, что мы имеем? Я живу в этом доме. Со мною живут мои друзья. Сейчас здесь появился странный сожитель, противоречащий законам физики. И главное, своим безумным соревнованием он делает нас всех врагами, лишает нас разума и воли, разрушает нашу дружбу. Плохо ли это? Да, плохо. Нужно запомнить эту мысль и твердить её про себя, какие бы противоречащие ей идеи ни подкидывал мой разум. *Ван Юпин – это зло*.

– Да, – твёрдо сказал я. Мой голос казался чужим.

Хуршид медленно выдохнул.

– Я знал, что ты хороший человек, – с чувством сказал он. – Я говорил, в тебе нет никакой тьмы!

– Что же нам делать? – спросил я. – Надо немедленно рассказать обо всём Манфу и Син Чен. Они тоже хорошие, мы сможем их убедить.

– Твоя вера в людей велика, – произнёс Хуршид. – Но не всегда доброта души означает наличие способности противиться злу. Если мы просто пойдём к ним, они поднимут тревогу. И вообще... Сегодня я был изгнан с нашего собрания, и у них будет весомый повод внушить самим себе, что всё это я делаю из желания отомстить. Отомстить

за то, что Вану Юпину не понравилось моё стихотворение, где я упомянул Аллаха – не знаю, что за добрый *фаршита* надоумил меня это сделать, но Его святое Имя пробудило меня от кошмара. Одним словом, логика наших добрых друзей не даст нам достучаться до их сердец. Кроме того... – Хуршид на секунду замолчал. – Я вспомнил твоё видение – то, где ты видел, как Юпин поит нас рисовым вином. Похоже, что оно несёт в себе какое-то послание. Ты видел будущее, ты видел то, что с нами происходит теперь, наяву. И в твоём видении против Юпина были только ты и я. Думаю, нам следует принять игру со всеми её правилами. Твоё видение – дар Аллаха, и мы должны ему верить.

– Но как противостоять ЕМУ? – воскликнул я и осёкся. То, что нас ещё не потревожили, не означало, что нас никто не слышит... – В моём видении тебя схватили, а я не сумел с ним справиться...

– Тем не менее, когда его сущность была раскрыта, он превратился в дым, – сказал Хуршид.

– Но как мы докажем остальным, что *оно* – подделка?

– Я не вижу другого способа, кроме как связаться с настоящим Ваном Юпином, – ответил Хуршид. – Завтра мы должны убедить всех выйти из дома, пойти туда, где есть связь и можно сделать звонок. Я скажу, что исправил стихотворение, но для лучшего эффекта мне нужен простор окружающего мира. Площадка над водопадом. Горы создают прекрасную акустику, будет слышно не только моё чтение, но и голос в телефоне, если включить громкую связь. Да поможет нам Аллах, чтобы план удался и настоящий Ван Юпин ответил на звонок!

– А дадут ли тебе сделать этот звонок? – усомнился я. – Даже если тебе удастся убедить их последовать за тобой, это будет в высшей степени странно – звонить кому-то во время декламации.

– Для этого мне и нужна твоя помощь, – ответил Хуршид. – В то время как взгляды будут сосредоточены на мне, ты встанешь поближе, телефон будет в твоём кармане, и ты незаметно сделаешь вызов, включишь громкоговоритель и достанешь телефон. И одному Аллаху ведомо, что будет дальше, но мы должны быть заодно. Только в этот момент мы сможем убедить наших друзей – когда у нас будут доказательства.

– Хуршид, – проговорил я, принимая телефон из его рук. На экране была открыта страничка с контактом Вана Юпина – настоящего человека, чьим именем завладело поселившееся среди нас чудовище. – Но вдруг они не согласятся выходить из дома? Ван Юпин непредсказуем, и пытаться его обхитрить опасно.

– Тогда мы сделаем то, что всегда делают верные в борьбе с дьяволом.

– Что же?

– Мы призовём помощь Аллаха и громко отречёмся от иблиса. Этим мы никого ни в чём не убедим, но сами обретём свободу и лишим его хотя бы части могущества. Мы не сдадимся, мы будем действовать прямо, будем убеждать наших друзей, будем плевать на Юпина. Что нам ещё остаётся?

– Я поддерживаю тебя, Хуршид, – выдохнул я. – Уж не знаю, чем таким вы занимались в этом доме, что накликали эту беду, но теперь я увяз здесь вместе с вами и вместе с вами буду выкарабкиваться. Что ты собираешься делать сейчас? Возвращайся в свою комнату, я проверю, нет ли в коридоре посторонних...

– Нет, – отрезал Хуршид. – Это будет небезопасно. Я вернусь завтра и пройду через дверь – так *он* и все остальные увидят моё возвращение. Нельзя допустить, чтобы у них возникло подозрение о нашей с тобой беседе... Если, конечно, *он* сейчас не подслушивает нас – тогда весь план не имеет смысла... И, главное, я не хочу провести ночь под одной крышей с этой тварью. Я вернусь на улицу, найду укрытие. В горах много домиков с языческими божествами. Мне не нравится эта идея, но уж лучше я переночую с одним из бетонных идолов, чем с живым иблисом. Прощай, Са-ша, береги себя и тверди как молитву то, о чём мы беседовали. Не проговоришь Вану Юпину.

В тот же миг он, не слушая моих увещаний и отказавшись от одеяла, вновь полез

в окно. Я проследил, как он, осторожно ступая по покато́й крыше, добрался до угла, рядом с которым росло дерево, и по его ветвям неуклюже спустился вниз. Когда его силуэт растворился в мокрой черноте, я постоял ещё немного у раскрытого окна, подставив лицо дождю и влажному ветру, потом, насколько мог тихо, закрыл ставни.

Хотелось улечься в кровать, спрятаться под одеяло и постараться забыть обо всём, но я не мог себе этого позволить. Я волновался за Хуршида, переживал за Чуань Дзона, за нас всех... и я боялся, боялся Вана Юпина и того, *что* он мог с нами сделать. Мы не знали пределов его силы, не знали, чего он хочет. Но всё же я верил, что мы сможем противостоять ему.

6

Наплевав на предосторожности, я вышел из комнаты. Если в эту ночь что-то случится с Чуань Дзоном, я, вероятно, не смогу себе этого простить, ведь его припадок был обусловлен моим поступком, моим желанием стать фаворитом Юпина...

В коридоре не было ни души – ни людей, ни видений. Сиреневый туман стелился по полу, его щупальца тянулись вдоль стен, извивались и пульсировали. Тонко звенела тишина: Чуань Дзон закончил играть, и даже дождь, похоже, прекратился.

Я просеменил к лестнице и спустился на один пролёт, так что стала видна гостиная внизу. Ван Юпин сидел на стуле-пеньке. В его ногах лежал Чуань Дзон, голова музыканта покоилась на коленях Юпина. Беззвучные рыдания сотрясали его тело, и я, кажется, видел, как поток энергии струится к его вискам из глаз господина Вана. На полу лежал расколотый *гуцинь*, семь его струн были разорваны.

Внезапно Ван Юпин поднял голову и посмотрел на меня в упор. Мои колени стали ватными. Что если он всё знает? Знает о нашем с Хуршидом разговоре, знает, что я больше не хочу считать его своим господином?

Но Юпин не проронил ни слова. Он жестом велел мне удалиться и послал мне вдогонку небольшой пучок той таинственной энергии, которая дарила нам мгновенные ощущения счастья.

Наполненный искусственной эйфорией, но ощущая смятение в душе, я поспешил уйти. Что ж, по крайней мере, Чуань Дзон был жив. Энергия, посланная Юпином, пускала во мне корни, и было невозможно противиться этой сладостной истоме. Я позволил ей завладеть моими чувствами, но не моим разумом. Мысленно я продолжал твердить: «Ван Юпин – наш враг, я ненавижу его». Я постарался принять моё положение как есть, смириться с сумятицей чувств, чтобы сохранить рассудок. Я позволил двум реальностям сосуществовать во мне: в одной из них я по-прежнему был рабом Юпина, в другой – мятежником; между этими реальностями стояла незримая стена, и моей задачей было не допустить их столкновения.

Вернувшись в комнату, я лёг на кровать, закутался в одеяло, мокрое после прикосновения к одежде Хуршида. Сон, скользкий как ил, долго не шёл ко мне, но утомление взяло своё, и я погрузился в мучительную дремоту. В воздухе медленно таял сандаловый аромат иранских духов, и в моих снах я ощущал его как путеводную нить. Следуя за ней, я пробирался по лабиринту больничных коридоров, через дебри капельниц, скользя в лужах кровавой рвоты и нечистот. Лабиринт был чертами огромного иероглифа, который я не мог прочесть. В недрах онкологического отделения ждал белый Минотавр, и по всем зеркалам, по кафелю грязных уборных, по ампулам с мутной водой трещинами разбежался плач невидимой Ариадны.

Солнце ночи

Утром, весь разбитый и заспанный, с чётким желанием при первой возможности снова вернуться в кровать, я встал и подошёл к окну. За плотными занавесками прорисовывались контуры туманных гор. Дождь прекратился, но с деревьев капала вода, сами окна основательно запотели и мироточили жемчужными струйками.

– Аньпин, здесь ли ты? – послышался за дверью вкрадчивый голос Юпина, и я тихо застонал.

На этот раз Юпин пренебрёг эффектным появлением из ниоткуда и не спешил входить, но ручка двери задрожала и поползла вниз. Он что, захотел меня напугать, как в дешёвом ужастике? Инстинктивно я сделал движение в сторону занавесок – скрыться за ними, чтобы не видеть того, кто войдёт сюда в любую секунду... Да, если он вздумал пугать меня, ему это удалось.

– Что там делает мой фаворит? Разве он не рад мне?

Мои колени стали ватными, когда я понял, что Юпин всё знает о моём вчерашнем разговоре с Хуршидом... Может ли он собственноручно причинить мне вред или будет пытаться свести меня с ума и заставить покончить с собой? Как он *накажет* меня?..

Я проглотил панику. Юпин явно что-то заподозрил, но совсем не обязательно знал наверняка... То, что происходило сейчас – проверка, проверка меня. Как мне отреагировать? Что говорить? Ноги не слушались, рубашка прилипла к ледяному поту на моей коже, а куртка стала давить на плечи, как будто её наполнили железом. В три шага я приблизился к двери и открыл её первым.

Оказавшись вплотную перед Ваном Юпином, я едва не закричал и, избегая контакта глазами, склонился в раболепном поклоне.

– Прошу меня простить, мой господин и друг, – хрипло выдавил я. – Всё утро я размышлял, чем бы порадовать Вас...

Это звучало фальшиво.

– Мне страшно, господин мой! – неожиданно для самого себя выпалил я. Фраза прозвучала убедительно, потому что отражала мои истинные чувства. Я мог сыграть на этом... – Мне очень страшно, потому что я боюсь утратить Ваше расположение, мне страшно, что теперь Вы любите Чуань Дзона больше, чем меня.

– Чуань Дзон сделал удивительную вещь, – ответил Юпин. Я замер. Верил он моим словам или нет? Как узнать наверняка?... – Однако ты по-прежнему мой фаворит. Делай всё так, как я говорю тебе – и обретёшь счастье в сиянии моей любви.

– Да, господин мой, благодарю Вас, – я согнулся в поклоне так низко, как только позволяли мне мышцы спины.

– Сейчас время завтрака, тебе пора вниз, – заботливо промолвил Ван Юпин. – Но для начала ответь мне на один вопрос.

Сердце пронзила боль, я подумал, что умираю. Мне хотелось сорваться с места, убежать – Бог знает куда... Но я смиренно стоял и ждал вопроса, как обвиняемый перед лицом судьи.

– У меня есть подозрение, что Хуршид замыслил недоброе против нас, – проговорил Юпин. Моё сердце билось в затылке. – Скажи мне, что ты думаешь о нём?

У меня перехватило горло, и лишь сдавленный писк вырвался из голосовых связок. Наконец я просипел:

– Будьте уверены, он – настоящий предатель, ему нельзя доверять! Но что он может противопоставить Вам? Пусть несёт любую чушь, я хочу посмотреть, как он будет посрамлён – так случилось вчера, так будет и впредь!

Юпин недовольно сжал губы, но всё же кивнул головой, принимая мой ответ.

– Умой лицо и спускайся на завтрак, – сказал он мне и положил руку на мою голову, впуская в меня поток счастья, в котором я угадал теперь отчётливый привкус гнили. Я позволил блаженству отразиться в моих глазах.

Юпин отнял руку и отступил, прикрыв дверь прямо перед моим лбом.

Оставшись один, ринулся в ванную комнату, шумно выдохнул, включил воду, подставил лицо под ледяной поток – и держал его так до ломоты в скулах, стараясь избавиться от сгустка расслабляющей волю радости, змеей ворочающейся в душе. Мне жаль было расставаться с ней, но я твёрдо решил сопротивляться...

Я вытер лицо, накинул на плечи куртку и, ёжась от холода и тревоги, направился на первый этаж.

За столом сидели Манфу и Син Чен. Опустив голову и украдкой поглядывая на них, я подсел рядом. Манфу что-то задумчиво помешивал в своей миске, Син Чен устала в пространство перед собой. Ни Хуршида, ни Чуань Дзона не было. Не было и Вана Юпина. Мы сидели и ждали, не решаясь в отсутствие господина приступить к еде.

Тут через полуоткрытую дверь вошёл Хуршид, весь мокрый, замёрзший и бледный. Ни слова не говоря и не глядя на нас, он напрямик поднялся наверх. Манфу и Син Чен проводили его таким взглядом, какими снобы смотрят на опустившегося человека. На завтрак он так и не явился.

Наконец появились Чуань Дзон и Ван Юпин. Дзон ступал неуверенно, и Юпин поддерживал его под локоть. В глазах музыканта поочередно менялись отчаяние и восторг. Юпин усадил его за стол, и Дзон, неловко управляясь ложечкой, приступил к еде. Мне бросились в глаза пальцы вчерашнего музыканта: подушечки были стёрты в кровь, ногти поломаны, по ладоням расплзались синяки, словно он всю ночь не играл на *гуцине*, а бился о стены. Но в комнате не осталось ни намёка на вчерашний концерт: столик, на котором лежал *гуцинь*, снова стоял возле лестницы, а сам разбитый музыкальный инструмент исчез.

Юпин небрежно махнул рукой, и мы приступили к еде.

– Прошлой ночью, – сказал он, приятельски положив руку на плечо Чуань Дзона, – этот одухотворённый музыкант играл для меня так, как не смог бы сыграть ни один из ныне живущих мировых талантов. Уж поверьте мне на слово! Он превзошёл самого себя и всех, кто за последние сто лет брал в руки музыкальные инструменты. *Incomparable!*

Как скомканный лист, Чуань Дзон сжался под пухлой рукой Юпина, из которой в его тело вливался непрерывный поток энергии – кажется, сам воздух потрескивал вокруг этих двоих... Такой смеси ужаса и наслаждения, какую изображало лицо Дзона, я в жизни не видел.

– К несчастью, – продолжил Ван Юпин, – он не внял предостережениям и выжег свой талант. Всем смертным отмерена своя мера – потолок, выше которого не прыгнешь. Этой ночью господин Чуань доказал, что ему этот потолок нипочём. Он разом стал таким, каким в обычных обстоятельствах смог бы стать, быть может, только через десятилетия напряжённой работы. Он взлетел до этой высоты – и я рад, что сделал он это во имя *меня!* Такому послушанию, такой преданности вам всем неплохо бы поучиться. Больше Чуань не сможет ни играть, ни писать музыку. Ему это не нужно. Он вечно будет пребывать в блаженстве моей любви.

Не только я – все мы уставились на Чуань Дзона. Я чувствовал зависть и недоумение, исходившие от Син Чен и Манфу, как чувствовал эти же самые эмоции внутри себя – достаточно глубоко, слава Богу, чтобы они не захлестнули меня целиком.

– Поэтому я объявляю господина Дзона вне конкурса, – Юпин хлопнул в ладоши так резко и звонко, что мы подскочили. – Сегодня после обеда он вместе со мной будет оценивать вас. Не будем тянуть до вечера, готовьтесь предстать перед моим справедливым судом через час после полуденного приёма пищи. Син Чен, потрудись передать эту новость Хуршиду. Вчера он подвёл меня, но в безграничности моей любви я готов дать ему второй шанс.

Син Чен кивнула, хотя губы её сжались – так отвратителен ей был иранец. Интересно, Юпин специально поручил поговорить с Хуршидом именно ей, а не мне? Он всё-таки что-то заподозрил... или знает наверняка, просто играет с нами и ждёт подходящего момента, чтобы раздавить?

После завтрака, получив, как и Син Чен с Манфу, небольшую порцию энергии от Вана Юпина, я вернулся в комнату. Сидеть без дела было хуже всего, а выйти на улицу я не решался, опасаясь лишний раз пересечься с Юпином и услышать новые вопросы. Мой рисунок, который я готовил для «хозяина», лежал свёрнутым на столе, но я не хотел прикасаться к нему.

Мне *хотелось* рисовать. Сказывалось ли нервное напряжение или влияние силового поля было так сильно, но я ощущал нестерпимую тягу к творчеству. Я достал новый лист ватмана, разложил краски и принялся рисовать первое что пришло в голову – цветок.

Это был красный мак на тёмно-зелёном стебле. Цвета были насыщены и яркие, и мне нравилось это. Рисунок с его чёткими линиями, его простотой и красочностью стал для меня залогом чего-то надёжного. Цветок дарил мне ощущение покоя и полноты сил, он упорядочивал мысли в голове, замедлял пульс, помогал отрешиться от тех противоречивых чувств, что роились в воспалённом разуме. Призрачные тени небывалых животных и птиц, похожие на чудищ Босха, проплывали сквозь стены; ворохи сиреневого тумана клубились по углам. Это Ван Юпин напоминал о своей силе. Но мне было уже всё равно, я рисовал цветок – что могло быть естественнее?

И когда настало время обеда, я встал из-за стола, ощущая твёрдость и невозмутимость. Это было так неожиданно – стоять в водовороте видений, с ногами, опутанными колдовским туманом, зная, что внизу, в гостиной, меня ждёт китайский иблис, – и быть таким спокойным. Мне нравилось это новое и добротное, бесценное чувство.

За обедом воздух искрился от напряжения. Люди за столом, нервно подхватывая кусочки пищи с блюд, поочередно роняли палочки и бежали на кухню за чистыми... Хуршид ел медленно и аккуратно, стараясь сохранить бесстрастное лицо, но и его руки подрагивали. Лицо Вана Юпина было спокойно, но контуры постоянно меняли очертания. Вереница блёклых теней, похожих то на зверей, то на рыб, кружила вокруг стола, и сиреневая дымка струилась по полу, протягивая нитеобразные щупальца к нашим ногам.

После обеда по указанию Юпина все, за исключением Чуань Дзона, который сел на пол у ног господина, вернулись в комнаты за произведениями наших рук. Я бросил взгляд на рисунок красного мака, оставленный на столе, и решил, что картина ещё не закончена. Одевшись потеплее, я взял с кровати портрет Юпина – ватман по-прежнему был свёрнут трубкой – и поспешил вернуться вниз, на ходу укоряя себя за то, что не внёс в картину тех поправок, о которых мне вчера говорил демонический самозванец. Впрочем, мне уже было всё равно. Главное – это телефон Хуршида в моем кармане. Я заранее открыл список вызовов и выбрал телефон *настоящего* Вана Юпина, чтобы при появлении связи быстро сделать звонок.

На первом этаже мы встали в шеренгу перед «хозяином» и Чуань Дзоном, по-прежнему сидевшим у его ног. На лице несчастного музыканта читалась всё та же смена восторга и ужаса, и я подумал, не сошёл ли он с ума. Прежде чем Юпин успел что-то сказать, Хуршид выступил вперёд и попросил права голоса. Юпин вкрадчиво проговорил:

– После вчерашнего происшествия ты всё ещё пребываешь в немилости, Хуршид. Я удивлён, что тебе хватает смелости даже поднять на меня глаза, не то что заговорить. Но вы все – мои возлюбленные чада, и я готов предоставить тебе шанс исправиться. Но не вздумай лгать мне. Говори прямо, что ты там задумал.

– Мой добрый повелитель, – начал Хуршид, склонив голову. Следует отдать ему должное, он говорил спокойно и уверенно, хотя и видно было, что ему не по себе. – Я признаю свою вину и раскаиваюсь в том, что натворил. Я исправил стихотворение и смиренно уповаю на то, что на этот раз оно не оскорбит чувств моего господина.

– Это хорошо, милейший Хуршид. Но я знаю, что ты хочешь сказать и нечто *большее*. Продолжай!

– Моё стихотворение... – крупный кадык Хуршида подпрыгнул. – Я не смею и надеяться на согласие моего господина, но... Речь в нём идёт о красоте мира и о том, как

может Ваша светлость повелевать стихиям и подчинять себе силы природы. И я подумал... Мой язык не знаком ни для кого из окружающих. Но если бы я мог прочитать стихотворение снаружи, в окружении здешних красот, мой текст бы ожил и стал более понятен для остальных. Поэтому я смиренно прошу разрешения прочитать стихотворение на том месте, где оно было создано.

Гул негодования наполнил гостиную. Манфу и Син Чен что-то ворчали себе под нос, и даже Чуань Дзон впервые за этот день открыл рот, из которого донеслись агрессивные гортанные звуки.

– Мой господин, этот человек что-то против Вас замышляет, – громко сказала Син Чен. – Не верьте ему, прошу Вас!

– Никогда не следует доверять мусульманину, да и любому верующему вообще, – с раздражением проговорил Манфу. – Только человек с рациональным атеистическим сознанием способен отличать правду от лжи! А этот... гад запутался в старых сказках. Не слушайте его, он опасен, он желает господину зла!

Ван Юпин смотрел на нас и молчал. Когда его блуждающий взгляд остановился на мне, я понял, что настала моя очередь высказать своё мнение.

– Хуршид лжёт, – твёрдо сказал я и с болью в сердце увидел, как вздрогнули плечи иранца. – Я уверен, он хочет нас всех использовать, хочет снова сделать какую-нибудь гадость... – дыхание перехватило от вновь нахлынувших каскадов волнения и страха, я судорожно втянул в себя воздух. – Но разве моему господину есть дело до его мелких мыслишек? Разве хоть кто-то из живущих способен бросить вызов *Вам*, мой повелитель и друг? Нет! Поэтому я не боюсь Хуршида и его тёмных дел. Напротив, я жажду его окончательного поражения, и если он задумал недоброе, я хочу видеть, как он будет посрамлён!

– Следует ли понимать тебя так, что мне следует удовлетворить просьбу Хуршида и дать ему возможность прочитать стихотворение там, где он хочет?

Я почувствовал себя измазанным, обмотанным крокодильим взглядом Вана Юпина. Паучьи лапы страха перехватили горло, и я, не в силах выдавить из себя ни слова, судорожно кивнул.

Манфу и Син Чен обернулись ко мне. Они испепеляли меня яростными взглядами, и я уже готов был услышать их обвинения в пособничестве Хуршиду, но... логика моих слов постепенно доходила до них. Если они возразят, то подвергнут сомнению могущество «господина», а это чревато тем, что Ван Юпин разгневется на них за маловерие. Они смолчали, ожидая окончательного вердикта.

Контур лица Юпина стали настолько отчётливы и ясны, словно бы оно было высечено из камня – как если бы перед нами была фотография на мониторе компьютера, и кто-то выкрутил резкость на максимум. Демон запрокинул голову и рассмеялся – громким, пронзительным смехом завязатого добряка.

– Мне весело с вами, – сказал он, брызжа слюной. – Вы так старательно убеждаете меня в зловерных замыслах Хуршида, что я на секунду поверил в обратное... Конечно же его ухищрения неспроста. Но это весело, поймите, весело! Я удовлетворяю твою просьбу, Хуршид; веди нас куда пожелаешь, главное – не слишком далеко. И я надеюсь на то, что ты устроишь неплохое представление. Клянусь той бездной, в которую этой ночью заглянул Чуань Дзон, на моей памяти ты первый перс, который так искренне и неумело врёт. Я не могу отказать себе в удовольствии посмотреть на твои старания обхитрить меня.

Меня обдало холодом. Выходит, Ван Юпин *действительно* всё знает и лишь хочет с нами поиграть? Как можно пытаться обмануть того, кто заранее знает о твоём обмане и прямо говорит тебе о том, что позволяет себя обманывать лишь до поры до времени? Впрочем, Юпин не сказал ничего конкретного в отношении меня. Он не верит Хуршиду, но, возможно, всё-таки верит мне?.. В любом случае, это был единственный шанс открыть глаза остальным. В их сознании бродят те же мысли, те же сомнения... нужен один резкий поворот, одно весомое доказательство, которое заставит их пересмотреть то, в чём они сами

себя убедили, когда их воля стала игрушкой в руках чудовища.

– Выступление на природе – что может быть лучше? – с наигранным энтузиазмом продолжал Юпин. – Хуршид готовит нам *surprise*. Так я тоже приготовил вам *сюрприз*, друзья мои! Не спрашивайте, что это, вы же не хотите услышать *spoiler*.

Манфу и Син Чен стояли с заинтересованными улыбками и широко раскрытыми глазами, как первоклассники на линейке. Хуршид смотрел в пол. Он так и не сделал шаг назад, чтобы вернуться в нашу общую шеренгу. Чуань Дзон не изменился в лице – возможно, он ничего не понял. Я последовал примеру Син Чен и Манфу – растянул рот в идиотской улыбке, скрывавшей панику. *Ничего не бояться. Просто делать всё согласно изначальному плану*, – твердил я в уме, стараясь дышать ровно и глубоко.

Но вот прозрачный туман, струившийся над полом, потянул щупальца вверх, а воздух наполнился искрящимися бликами. Это Ван Юпин сделал шаг к нам.

– Веди нас, наш добрый товарищ, – подмигнул он Хуршиду и хихикнул в пухлый кулачок. Его лицо снова поплыло, и когда я в следующий раз осмелился бросить на него быстрый взгляд, то увидел грязно-белое пятно, в котором с трудом угадывались прежние человеческие черты. Я уже видел это в своём сне наяву, и очередное совпадение реальности и видения сводило с ума.

Наша маленькая процессия покинула дом и устремилась вперёд по горной тропе через заросли мокрого тростника. Моросил дождь, небо затянули облака, но ветер утих, и потому было не так холодно. Первым шёл Хуршид, за ним Манфу, следом вклинился я. Син Чен семенила за мной на расстоянии вытянутой руки, я слышал её взволнованное дыхание. Чуань Дзон с отсутствующим видом следовал за ней по пятам, а замыкал это странное шествие Ван Юпин – наверное, в глазах Син Чен, Чуань Дзона и Манфу он казался пастырем, сопровождающим своё маленькое стадо. Но я чувствовал затылком взгляд его расплывшихся глаз, которые растекались по лишённому контуров лицу, и я знал, что все мы – лишь пленники его воли.

С тростника и ветвей сосен падали тяжёлые капли, и одежда быстро намокала. Намокал и рисунок в моих руках, так что я, стараясь во всём копировать действия Манфу и Син Чен, спрятал своё творение под верхней одеждой. На самом деле я не чувствовал никакой ценности рисунка, да и спроси меня, *что* там изображено, не смог бы вразумительно ответить...

3

К тому времени, когда мы достигли площадки над водопадом, дождь прекратился, и в затянутых серой дымкой небесах начал просматриваться тусклый кружок солнца, маленький и холодный. Ван Юпин вышел вперёд и торжественно взмахнул руками. Он снова стал походить на человека, но лицо его было искажено: левая часть располагалась чуть выше правой, нос слегка был скошен вбок, глаза были разной величины.

– Как я понимаю, это и есть та «сцена», о которой говорил Хуршид, – раскатисто произнёс он. – С него бы я и начал сегодняшний концерт, если бы не небольшое изменение в нашей программе. Как вы помните, я обещал вам *surprise*. Так вот, поскольку Чуань Дзон вышел из нашего конкурса досрочно, у нас появился новый участник. Он не посещал наших чудных вечеров, но внимательно следил за всем происходящим, хотя вы этого могли и не замечать... Я позволил этому человеку соревноваться с вами – ведь вы же *не против*, мои дорогие творцы? Итак, встречайте! Многоуважаемая и горячо любимая – госпожа Фэн!

Вслед за остальными, повинувшись направлению руки Вана Юпина, я увидел её, идущую следом за нами по горной тропе.

Тянь Ся ступала медленно и неуклюже, и две гориллы, сотканые из лилового мрака, поддерживали её под руки. Несколько безголовых обезьян впились лапами в негнущиеся ноги, помогая ей делать шаги. Её голова моталась из стороны в сторону, трясая мокрыми копнами седых косм, облепивших спину и лицо, и большая летучая мышь с розоватым лицом младенца парила над макушкой Тянь Ся, сжимая в когтях несколько прядей, и

каждый раз, когда голова старухи заваливалась на грудь, тварь делала резкий рывок и возвращала её в прямое положение. Глаза старухи были полузакрыты, с отвисшей губы стекала густая слюна, и горловой стон то и дело вылетал из её рта, в котором – я теперь видел это отчётливо – торчали жёлтые и кривые, но для её возраста прекрасно сохранившиеся зубы. Вместо выцветшего тряпья, в котором я видел её прежде, на ней был просторный белый халат, расшитый серебряными и золотыми звёздами, лунами и планетами; от ветра по тяжёлой ткани шли волны, и созвездия меняли места, а планеты передвигались по жемчужным орбитам. С неторопливостью бреда, завораживающего болезненной, тошнотворной красотой, древняя Тянь Ся в сопровождении призрачных провожатых приближалась к нам.

– Бедняжке по-прежнему трудно передвигаться самой, – сказал Ван Юпин, – но мои помощники хорошо присматривали за ней всё это время, и чувствительность частично вернулась к нашей общей любимице. Она, как и вы все, – поклонница моей персоны – и соизволила обессмертить мой светлый образ в песне.

Старуха остановилась на горной площадке в паре шагов от нас.

– Тянь Ся, – безжизненным голосом проговорила белая, как хлопчатник, Син Чен, – разве ты тоже занимаешься творчеством?

Голова старухи в очередной раз завалилась набок, но летучая мышь, взмахнув крыльями, тут же рванула седые космы вверх, и Тянь Ся уставилась на нас бесцветными глазами из-под восковых век. Она ничего не ответила Син Чен, но её взгляд был полон боли и тоски. Почему-то мне сразу стало очевидно, что она свободна от власти Вана Юпина, но её вид, её внезапное появление, её призрачные провожатые – всё это наводило на меня ещё большую жуть, чем сам Юпин с его демоническими фокусами. И в то же время, ни на секунду не сомневался я в том, что Тянь Ся реальна и не является очередным видением, посланным «господином» со стёртым лицом.

– Она не хочет с вами говорить, – небрежно сказал Ван Юпин. – Она не для этого проделала столь мучительный для неё путь. Здесь действительно хорошее место и хорошее эхо, подходящая акустика, так сказать... Идеально для пения.

Пара белых попугаев появилась в воздухе. В мощных клювах они несли морские раковины – причудливо перевитые, с розоватым отливом. Они опустились перед Тянь Ся и уронили раковины в сиреневые лапы горилл. Что-то тягостно-знакомое было в этих предметах, словно воспоминание из прошлой жизни... как будто когда-то давно эти раковины были последним, что я видел перед собственной смертью. Мохнатые чудовища приложили их к бескровным губам и подули.

Это были долгие и пронзительно-диссонансные звуки, но не такие, которые вызывают неприязнь. Звуки словно парализовали нас. Они плыли в воздухе, и, сам не знаю отчего, я ощутил, как слезы начали струиться по моим щекам. Будто мне вдруг сообщили о смерти любимого человека, будто я сам внезапно узнал о том, что неизлечимо болен, и в этот короткий душераздирающий миг ощутил всю ценность земного бытия, всю любовь к жизни, которой я скоро лишусь...

Звуки кружили и вибрировали в воздухе, и когда комок подступил к моему горлу и стало трудно дышать, Тянь Ся открыла искривлённый рот и начала петь. Её голос дрожал и прерывался, срывался то на визг, то на хрип, и всё же это было пение; пение, полное страдания и скорби, полное воспоминаний об иных временах и странах. Я не знаю, на каком языке пела Тянь Ся – я слышал слова всем телом, каждой клеточкой мозга.

Внезапно похолодало, посыпался редкий сырой снег. Солнце укрылось за ширмой рваных облаков, и само, казалось, утратило цвет. Снег падал на землю и таял, падал на наши лица и таял, падал на Вана Юпина – и испарялся, не долетев до него. Но не таял он, опустившись на шерсть призрачных обезьян, и не таял он на волосах Тянь Ся, укрывая её голову белым венцом. Снег кружил над нами в лучах чернеющего в облачной высоте солнца, а Тянь Ся пела, едва шевеля сморщенными губами, и её голос, словно бы доносящийся из старого динамика, завораживал.

Старуха пела:

*На розовеющей заре,
В потоках света
Искатель жемчуга на дне
Нашёл монету.*

*Она осколком янтаря
Горела, тлея
В воде залива, – чешуя
Морского змея.*

Поднялся ветер и взметнул капли влаги с прошлогодней травы и пожухших листьев тростника. Снежные хлопья закружились в ленивом вихре и окутали Тянь Ся. Снег ложился на мои широко открытые глаза, но я не имел сил, чтобы моргнуть, и снег, смешиваясь со слезами, струйками влаги стекал по щекам.

*Быть может, жертвою богам,
В которых верил,
Её здесь бросил капитан,
Спеша на север.*

*И шлифовала её соль,
Смывая знаки,
Глубин таинственных юдоль
Цвела во мраке.*

Я видел Вана Юпина с небрежной ухмылкой на пухлом лице, где черты то расплывались в размытое пятно, то вновь становились резкими; я видел моих друзей: Манфу, стоявшего с открытым ртом; Син Чен, бледную, как обрывки ледяного тумана, пролетавшие мимо нас; Чуань Дзона, с отрешённым отчаянием глядевшего куда-то в пустоту; Хуршида, уставившегося на свои ноги с таким выражением, будто он внезапно обнаружил на них копыта... Я видел, как снизу, от подножий утёсистых гор, поднимается сиреневое марево, и его клубящееся море окутывает окрестные скалы. Колдовская мгла, живая и пульсирующая. Я видел небеса с ключьями облаков и солнце, мёртвое чёрное солнце, льющее холод космических пространств.

*Искатель жемчуга застыл
С тоской во взоре,
А ветер пел и уносил
Всё дальше в море.*

*Какая странная печаль
Его объяла!
Как будто ветхая печать
На сердце пала...*

*Искатель жемчуга один,
Но нет в нём страха,
А зачарованный Пекин
Зовёт на запад.*

*Но нет желания спастись,
Вернуться к дому,
Как будто эта его жизнь
Дана другому.*

*Иные плещутся моря
Перед глазами,
Китая жёлтые поля
Чужими стали.*

Холод заметно усилился, и слёзы начали застывать на моих щеках. Я не владел собой, сдавленные рыдания непроизвольно вырывались из груди.

*Монета светит всё сильнее
Сквозь его пальцы,
И гул далёких кораблей
Влечёт скитальца.*

*А на закате в облаках
Лучей корона,
И отдалённые звучат
Раскаты грома.*

Пение оборвалось. Гулкое завывание раковин ещё тревожило ледяной воздух, но минуло мучительно-долгое мгновение – растаяло и оно. Магия жуткого пения растворилась, я вновь обрёл контроль над телом. Слёзы перестали струиться из глаз, но меня сотрясала крупная дрожь – не то от холода, не то от нервного напряжения.

Тянь Ся обмякла, но призрачная свора горилл и обезьян подхватила её, не дав упасть. Воцарившуюся тишину разорвали громкие хлопки – это Ван Юпин начал бить в ладоши, выражая своё одобрение. Мы повернулись к нему. Безвольная слабость охватила меня, и мне вдруг стало очевидно, насколько ничтожны мы перед этим могущественным существом. Наши с Хуршидом ухищрения показали жалкими и бесполезными, и я сам удивился, как могли мы хоть на миг поверить в то, что сможем обхитрить всезнающего демона. В тот миг мне хотелось сжать плечи, склонить голову и покорно слушать его речь, ловить его приказы и подчиняться.

– Тянь Ся выступила достойно, – с широкой улыбкой сказал Юпин. – Уверен, вы сами готовы признать её превосходство над вами.

Я увидел, как опасные огоньки зажглись в глазах Син Чен и Манфу, как скривились губы Хуршида, и я сам был поражён чувством острой зависти, которое нарастало во мне. Зависти к Тянь Ся.

– Вы все старательны, – продолжал Ван Юпин. – Ваши работы достойны внимания, они все нравятся мне, но... Я скажу вам прямо. Услышав песню Тянь Ся, я понял, что все вы недостаточно хороши. Даже ты, Чуань Дзон, – резко повернулся Ван Юпин к китайцу, который всё это время отрешённо смотрел вдаль, но, услышав звук собственного имени, вздрогнул и с тревогой уставился на своего господина. – Да, даже ты, мой добрый друг, ради меня выжегший свой талант, меркнешь по сравнению с непревзойдённой госпожой Фэн.

Чуань Дзон в замешательстве смотрел то в смеющиеся глаза Юпина, то на заснеженный лоб старухи. Ужас медленно искажал его лицо, он прокусил нижнюю губу, издал какой-то совсем уж звериный хрип, и пузыри кровавой слюны потекли по его подбородку. Ван Юпин покровительственно положил руку на его плечо, как хозяин может осадить разозлившегося пса.

– Син Чен, – лукаво посмотрел на китайку Юпин. – Ты так долго и самоотверженно

ухаживала за старухой, ставила ей капельницы, кормила с ложки, меняла бельё... Ты считала её чуть ли не родным человеком, называла мамой. Предполагала ли ты, что однажды это беспомощное существо, этот «прибор» для ваших «наблюдений» за тем, что вам не дано понять, – думала ли ты, что она сможет превзойти тебя во всём, окажется талантливой и умнее тебя?

Син Чен опустила голову, но её тонкие, как будто детские, пальчики сжались в кулаки. Кроткая художница задрожала от нахлынувшей на неё злобы.

– Мой славный Манфу, – Юпин перевёл взгляд на японца. – Вечно неунывающий и дружелюбный, но в душе такой одинокий и ранимый, иммигрант поневоле, иностранец в родной стране... Судьба дала тебе шанс обрести счастье, познать любовь и дружбу в лучах моей доброты. Ты мог бы навсегда забыть о страхе одинокой смерти, который, я знаю, так тревожит тебя. Тебе никогда не завести детей, и все эти шуточки по поводу того, что Аньпин – твой сын... ты же умный, ты же понимаешь, насколько они жалки? Лаоваю на тебя плевать, он вернётся домой и забудет само твоё имя. А твоего настоящего, японского имени он даже и не помнит. А ведь ты мог бы стать моим избранником, моим вечным спутником... Ты не стал. Та, кого ты никогда не брал в расчёт, та, которой даже стакан воды ты подавал с неохотцей, – дряхлая старуха обыграла тебя. И заметь, уж кому-кому, а ей не приходится жаловаться на недостаток внимания. Все бегают за ней, ухаживают, проявляют почтительность. Да, такое благоговейное отношение тебе никогда не узнать. Теперь я даже не хочу смотреть на твою каллиграфию, потому что нахожусь под глубочайшим впечатлением от песни Тянь Ся.

Манфу был подобен статуе. Ни один мускул не дрогнул на его лице, но он весь побледнел, как-то сразу постарел и осунулся. Мне вдруг стало ясно, что в таком состоянии он, может быть, способен убить...

– Аньпин, – с заботой в голосе обратился Ван Юпин ко мне. – Надеюсь, ты не возражаешь, если я перестану называть тебя фаворитом. Ведь ты не художник. Ты простой работяга, и здесь, в Китае, разве что твоя иностранная внешность может на время создать вокруг тебя ауру исключительности. Наверное, поэтому ты так любишь приезжать сюда? Бегство от обыденности, от скуки... Кому до тебя есть дело на родине? Тебе двадцать пять, пора подумать о создании семьи, но на что ты можешь надеяться с твоей-то зарплатой? Ты, конечно, привлекателен, хотя и не слишком... Ну найдёшь себе какую-нибудь глупую толстуху, которой не улыбнулось в жизни выйти за более обеспеченного кавалера. Проживёте как-нибудь... два неудачника. Будете пить дешёвый чай и жрать соевую колбасу на съёмной квартире. А что ты хотел? Ты ведь только винтик в механизме оружейного производства. И из автомата, который ты соберёшь, даже не ты сам, а кто-то другой, кто-то сильный и статный, любимец женщин, будет палить по врагам. А что можешь ты? Да ничего, инженеришка. Или ты правда возомнил себя художником? Не смехи. Тянь Ся – вот кто истинный творец. Она стоит сотни, тысячи таких как ты.

Это было так неожиданно – услышать эти оскорбления... «Ты лжёшь, – хотелось сказать мне, – Мы все находимся на своих местах и выполняем ту работу, для которой нас создал Бог». Но я не мог произнести ни слова. Слёзы снова покатались по щекам, такие незваные и обидные... Я чувствовал злобу – но злобу не на Тянь Ся или кого-то ещё. Я злился на самого себя, на то, что не находил в себе сил возразить, на то, что не мог придумать доводов, убеждающих в том, что Юпин не прав. И я был зол на эти слёзы, которые сами собой капали с подбородка...

– Хуршид, – обратился Юпин к иранцу, – ты впал в немилость, но я тебя простил. И всё же ты продолжал замышлять недоброе. А знаешь ли ты, что я – лучший друг Тянь Ся, и если бы не она, меня бы здесь сейчас не было? Знаешь ли ты, что мне самому плевать и на твои стихи, и на твою религию? Но ей не плевать. Она знает вес веры. Но только не в твоего бессильного бога. Да и дьявол-*ибليس*, которым ты порою называешь меня, тут ни при чём. Твоё сознание затуманено старинными сказками, но госпожа Фэн видит мир таким какой он есть. Она видела настоящие звезды и настоящие силы, которые управляют судьбами. И

поверь, ни одну из них не зовут «Аллах». И её песня доказала превосходство её звёздной веры над твоим фольклором. Ты проиграл, Хуршид. И ты, и твоя вера, и твоя поэзия, эти жалкие подражания Руми, Гафизу, Рудаки и Хайяму – всё это сметено чудесным пением Тянь Ся.

Отчаяние переполняло меня, но Хуршид оставался моей последней надеждой – в нём я бы мог черпать силы для противостояния. Но иранец, похоже, вновь попал во власть господина Вана: злость и зависть читались на его лице; он больше не смотрел на Юпина, но, кажется, готов был задушить старуху, голыми руками разорвать её на части.

– Не держите на меня зла, – примирительно сказал Юпин. – Я лишь поведал вам о том, что вы и так знали. Это истинная сущность вещей. Вы бездарны, а Тянь Ся гениальна. Признайте это! Думаю, вопрос решён. Теперь вы знаете, *кто* ваш настоящий соперник и, конечно, *ненавидите* её. Может быть, если бы её *не было*, всё оказалось бы не так печально? Она стара, эта зажившаяся Тянь Ся. Хотели бы вы, чтобы *она умерла*? Ну, скажите мне правду? *Вы – желаете – ей – смерти?*

Последняя фраза резанула воздух как нож. И что-то надорвалось в моей груди, когда я услышал ледяное *ДА*, прозвучавшее почти одновременно из уст людей, которых я привык считать добрыми друзьями, миролюбивыми и тихими людьми...

– Нет, – сдавленно выкрикнул я. – Всё, что случилось, только иллюзия, всё подстроено *тобою*, Юпин!

Ноги подломились, я рухнул на колени. Казалось, незримый кляп был втиснут мне в рот и упёрся в горло.

– Мы все... мы не талантливы. Но мы хорошие люди! Мы не хотим смерти другого человека! *Мы не можем этого хотеть!*

Вряд ли мои слова были достаточно вняты, и едва ли окружающие поняли хотя бы десятую часть. Да я и сам не верил в то, что говорил. Мне лишь хотелось разорвать колдовской мираж, выкарабкаться из демонического омута. «Он – наш враг, я ненавижу *его*», – беззвучно шевелил я губами, когда незримый кляп окончательно перекрыл мне горло и единственное, что я мог, – это сдавленно и прерывисто дышать.

Но тут глаза Хуршида ожили, маска ненависти слетела с лица, он обернулся ко мне и прокричал:

– Позвони, Аньпин, набери *его номер!*

Моё тело частично слушалось меня. Лево́й рукой я нащупал телефон в кармане и вдавил клавишу вызова.

Юпин хмуро взглянул на меня и сделал взмах рукой, словно дёрнул за незримые нити, ведущие к конечностям людей. Син Чен, Манфу и Чуань Дзон кинулись на меня и прижали к земле. В последний момент я достал телефон и бросил его в ноги Хуршида.

Иранец подхватил аппарат. Через громкоговоритель были слышны длинные гудки. Хуршид отбежал к дальнему краю каменной площадки.

– Слушайте, слушайте! – хрипло кричал он, подняв телефон в воздух. – Я звоню Вану Юпину. *Настоящему* Вану Юпину. А тварь перед нами – это *иблис, яогуй*. Злой дух.

Гудки прервались, и из телефона донеслись слова мандаринского диалекта, произнесённые сипловатым голосом, который усиливало горное эхо:

– Я слушаю.

Мы все уставились на Хуршида и на телефон в его руке. Придавленный к земле, я не мог дышать, но я чувствовал, как ослабла хватка, которой зажали меня Син Чен, Манфу и Чуань Дзон.

– Скажите... – обратился Хуршид к голосу в трубке. – Скажите, кому я позвонил? Вас беспокоят из Дома весеннего снега. *Как Вас зовут?*

– Это Ван Юпин, – ответил голос. – Кто говорит? Это ты, Хуршид? Что случилось?

Хуршид торжествующе воззрился на нас. На горной площадке над водопадом воцарилось молчание, и лишь голос в трубке продолжал что-то говорить, требуя ответа звонящего.

И словно лопнула перетянутая струна в моей голове. Я по-прежнему был придавлен к земле, но я чувствовал облегчение. До последнего момента я с трудом отдавал себе отчёт в том, *что* происходит вокруг и правильно ли я поступаю. Но вот я слушал голос из телефона – и голос называл себя Ваном Юпином. Значит, было как минимум *два* Вана Юпина, и один из них был самозванцем. Тот Ван Юпин, который стоял здесь, был демоническим самозванцем, а значит, голос на другом конце линии принадлежал настоящему человеку.

Думаю, вся эта логическая линия, выстроившаяся в моей голове, куда быстрее установилась в сознании Син Чен и Манфу, которым для преодоления власти «господина» достаточно было услышать знакомый голос в трубке – ведь они, в отличие от меня, лично знали настоящего Вана Юпина.

– Что мы натворили, – прошептала Син Чен.

– Какого... чёрта я лежу на Аньпине? – поразился Манфу, будто только сейчас осмыслил тот факт, что едва не придушил меня своим увесистым телом.

Я почувствовал, что кто-то из этих троих слез с меня – и с радостью вдохнул морозный, густо пахнувший землёй и сухими травами воздух. В тот же миг дикий крик раздался над нами – это Чуань Дзон, встав в полный рост, с лицом, измазанным кровью, вцепился руками в свои волосы. Думаю, даже если бы мы знали заранее, *что* произойдёт в следующий момент, едва ли смогли что-то изменить – настолько быстро рванулся Чуань Дзон к Хуршиду и, всем телом врезавшись в иранца, столкнул его с обрыва.

Силуэт Хуршида мгновенно исчез, будто его и не было здесь, высокого и смуглого. Только следы его ботинок остались на припорошённой снегом траве, да ветерок донёс запах сандаловых духов.

Син Чен и Манфу замерли, уставившись на то место, где только что стоял иранец. Я выкарабкался из-под их тел и подполз к краю обрыва.

Внизу, под свинцовым маревом водопада, в маленьком озере лежало тело Хуршида. Вода была недостаточно глубокой, чтобы скрыть его целиком, и мокрая ткань просторной джалабии колыхалась на поверхности.

Я вскочил на ноги и, не разбирая дороги, сквозь тростник и ветви сосен побежал вниз. Мельком я увидел Тянь Ся, лежащую на земле ничком. Её провожатые исчезли. Кажется, исчез и Ван Юпин – по крайней мере, он не попал в моё поле зрения.

Можно было воспользоваться тропой, которая вела к озеру в обход, но это был слишком длинный путь. Хуршид мог быть ещё жив, ему ещё можно было помочь... Я бежал напрямик по покатоному склону, спотыкаясь о камни и корни, падая, поднимаясь вновь... Паника сжимала мой затылок железными клешнями, я не мог думать ни о чём – и уж точно не мог остановиться.

Прорвавшись через заросли тростника, я вылетел на берег озера, поскользнулся и упал в воду, попытался встать и снова поскользнулся на покрытых тиной камнях. На четвереньках я пробрался в холодной неглубокой воде к телу Хуршида, лежащему неподалёку от берега.

Он лежал без движения, но голова, покоившаяся на камне, возвышалась над водой, так что он не смог бы захлебнуться... Но именно удар о камень стал причиной смерти. Глаза иранца были подёрнуты сизой плёнкой и смотрели сквозь меня. Зрачки не реагировали на свет. Из уголка перекошенного рта стекала струйка тёмной крови, губы едва заметно шевелились. Я склонился к ним.

– Сделай... – расслышал я шёпот Хуршида. – Сделай то, чего она так хочет.

– Что, что, Хуршид? – простонал я. Мне сразу стало ясно, что он говорил про Тянь Ся. – Что я должен сделать?

– Нарисуй... её смерть.

Больше я не услышал ни слова, слабое дыхание иранца прервалось, и, снова взглянув на его лицо, я понял, что мой друг мёртв.

Не в силах сдвинуться с места, я тупо смотрел, как вокруг его головы в воде

расплывается красное облако и, повинувшись слабому течению, плывёт мимо меня – туда, где мелкое озеро превращалось в заросшую речушку, стиснутую между зарослей и камней.

4

Я помню мокрый, выворачивающий суставы холод озера, в которое были погружены мои руки и ноги. Помню, как отказывался я верить в смерть моего друга, как убеждал себя, что это очередная иллюзия, ещё один ужасный мираж, посланный Ваном Юпином. Я помню, как чугунные облака, отражённые в воде, окрашивались в красный цвет, когда течение примешивало к отражению небес кровь мёртвого иранца. Я помню чёрный круг солнца, дробящийся в воде, – и даже облако крови не в силах было изменить этот неправильный, совсем неправильный цвет...

Я помню голос, раздавшийся тогда за моей спиной.

– Оставь его здесь, – сказал Ван Юпин.

Я обернулся. Он вырос из воды озера, как гейзер, принявший форму тела. У него не было лица – над водянистыми плечами раздувался белый шар, весь в толстых прожилках сиреневых вен. Таким он был тогда, когда его разгневало стихотворение Хуршида. Таким он был и сейчас – только ещё страшнее и яростнее. И когда я открыл рот, чтобы позвать на помощь, он поднял правую руку и вдавил подушечку большого пальца мне в середину лба.

– У тебя в сознании просверлена щель, которую надо заполнить...

Казалось, палец прошёл сквозь череп – такая боль пронзила мою голову в этот момент. Вместо крика мои голосовые связки издали сдавленный писк. Сознание помутнело, и на какой-то момент я увидел перед собой наш терем в горах, оплетённый змеями капельниц, забитый кусками окровавленной ваты, как стерильный лоток в процедурном кабинете. В этом мгновенном видении вокруг дома треснула земля, обломки гор разметало подземным взрывом, и когда всё исчезло, один только китайский терем, стоящий на небольшом клочке земли, конусовидно сужающемся книзу, завис в пространстве, где не было ни жизни, ни света, и только звёзды иглами ледяных лучей кололи глаза.

В следующий миг образ исчез, но, когда я вновь увидел окружающий мир, то понял, что всё вокруг изменилось. Горы сотрясла череда мощных толчков: внезапное землетрясение родилось в глубинах тектонических плит, сформировавших горы Цан. Где-то прогремел камнепад, неподалёку от озера треснула земля, образовав глубокую расщелину. Столетние сосны трещали и ломались, как спички, когда гранитные глыбы падали на них с заснеженных вершин. Вода в озере стала горячей, от неё повалил пар, и Ван Юпин потянул меня за руку, призывая выбираться отсюда. Не в силах сопротивляться ему, я подчинился.

Быстрым шагом мы пошли по тропе, ведущей к дому. Через некоторое время откуда-то из зарослей тростника прямо на нас вылетели Манфу и Син Чен, поддерживающие с двух сторон Тянь Ся. Старуха была без сознания.

– Где Чуань Дзон? – крикнул им я, но оба лишь покачали головами.

– Он убежал от нас и скрылся в горах, – на бегу выдохнула Син Чен, затем обратилась ко мне. – Хуршид?

Я опустил голову.

– Эй, вы что, следуете за этим *яогуем*? – ужаснулся Манфу, увидев силуэт Вана Юпина, скользящий над землёй впереди нас.

Но окружающий мир, захлестнутый волной катаклизма, не оставлял нам выбора. Повсюду падали деревья, древние горы рушились, как карточный домик, и из-под земли прямо за нами вырывались горячие струи гейзеров. Так, наверное, гибли сычуаньские города во время землетрясения 2008 года...

– Это же всё иллюзия, иллюзия! – кричал Манфу, но, тем не менее, продолжал бежать по тропе, которая, похоже, являлась единственным относительно безопасным местом.

– Но кто может гарантировать, что ты не умрёшь по-настоящему под камнепадом? – отозвалась Син Чен.

Слева, справа и позади нас земля раскалывалась на части, и части эти проваливались

куда-то вниз, как будто сиреневая бездна разверзлась под нами, готовая теперь поглотить скорлупу осязаемого мира. Апокалиптическое видение, посланное мне Юпином секунды назад, сбывалось на глазах. Да, это была иллюзия, но даже если бы удалось полностью убедить в этом разум, инстинкт самосохранения всё равно принимал происходящее за чистую монету, и разве можно было противиться ему?

– Дом – это последнее место, которое уцелеет, – с уверенностью сказал я.

Наш лесной терем уже замаячил впереди за рассыпающейся в труху стеной тростника, когда глыбы расколотых скал начали взмывать вверх, сталкиваясь в поднебесье и осыпая нас дождём из песка и щебёнки. Мы помчались изо всех сил. Чтобы передвигаться быстрее, я подхватил тело Тянь Ся с правого бока, сменив измождённую Син Чен. Миниатюрное тело старухи оказалось на удивление тяжёлым. Я думал, что она умерла, пока не ощутил на своём лице ветерок её кислото-дышания.

Ворвавшись в дом, мы рухнули на пороге, глотая обжигающий гортань воздух. Повернув голову, я увидел, как за дверным проёмом рушится мир – все эти великолепные горные высоты, реки и водопады, леса и рощи, молельни, мосты, беседки и храмы... Земля умирала, распадалась на обломки, парящие в пространстве и уже не подвластные силе притяжения. А в небесах чёрный силуэт солнца разрастался на глазах, становясь чёрной дырой, которая поглощала вещественный мир. И когда эта круглая пропасть скрыла небо, в образовавшейся тьме вспыхнули звезды – но не привычные светящиеся точки, а пылающие угли космических пожаров, то и дело выхватывавшие из темноты обломки погибшей земли, островами плававшие в пустоте. Бездна искажалась и растягивалась, её заполнял сиреневый туман, и в нём то там то тут распахивались циклопические водянистые глаза амфибий, как если бы бездна вокруг дома была телом поглотившего свет морского монстра, который из глубин самого себя глядел на нас.

Ничего не произошло с самим домом. Он не дрогнул, не пошатнулся, ни один предмет не сдвинулся с места. Такое было возможно лишь в иллюзорном мире, но кто отважился бы сейчас вопреки всему шагнуть за порог в эту пропасть, в этот колдовской туман и ожившую ночь, полную чудовищных глаз?

Дьявол с далёких звёзд

1

– Вы принадлежите мне, – колоколом прогудел голос Вана Юпина. Он сидел на троне из мрамора, под самым потолком, и тёмно-бордовая змея со множеством голов на длинных шеях обвивала подножие престола. – Можете не признавать моей власти сейчас, но рано или поздно вы умрете – от страха, тоски или просто от голода, – и тогда я вылеплю себе новые маски из ваших душ. Вы узнаете, что значит подлинное страдание, когда станете личинами в моей опере, где актёр и зритель – это я сам! Никто не покинет этого дома ни до, ни после смерти. Хуршид умер вовне; зато энергия души Чуань Дзона перешла ко мне ещё при его жизни. Скоро и вы четверо станете частью меня.

– Он не сможет причинить физического вреда, пока вы живы, – подала голос Тянь Ся, чья рука всё ещё покоилась на моём плече. Она только что пришла в сознание и говорила еле различимым сиплым шёпотом.

– Старуха права, я не могу убивать физически... – пунцовый шар на плечах Юпина склонился к нам. – Но я могу причинить вам душевное страдание, могу наполнить ваш мозг такими больными образами, от которых вам самим захочется расшибиться о стену или прыгнуть в эту пропасть за пределами дома – будьте уверены, вы погибнете там моментально. Ваш разум убедит вас в том, что вы падаете в безвоздушный космос. Не сомневайтесь, с последним выдохом я успею выхватить души из ваших тел.

– Да откуда ты вообще взялся? – истерично воскликнул Манфу. – Чего тебе нужно, почему ты так ненавидишь нас?

– Мне неведома ненависть, – прогудел Ван Юпин, – вы мне просто... интересны. И я не брался ниоткуда, я всегда был здесь, просто... *проявился*. Госпожа Фэн пригласила меня. Зачем ты это сделала, Тянь Ся? Поведай нам. Ты умрёшь последней, но твою душу я проглочу с особым удовольствием. Ведь в ней будет привкус меня самого...

Я видел, как в глубине гостиной, в непроницаемой темноте дальнего угла началось какое-то отвратительное движение, словно лопнуло распухшее брюхо мертвеца, полное копошащихся червей. Смотреть на это было тошно, и я обратил взгляд на Тянь Ся. Она лежала на полу и стонала – быть может, от слабости, быть может, от боли. Вместе с Манфу мы подтащили её к столу, приподняли и прислонили спиной к одному из стульев-пеньков.

– Да, это моя вина, – проговорила она. Мы стояли вокруг неё на коленях и вслушивались в прерывистый шёпот. – Я хотела умереть и не думала о том, чем всё может обернуться, если что-то пойдёт не так. Я просто хотела умереть... И я позвала его.

– Почему, Тянь Ся? – обняла её плечи Син Чен. – Почему ты хотела умереть? Разве я плохо ухаживала за тобой? Ты ведь мне как мать.

– Я знаю, детка, – на перекошенных губах старухи дрогнуло что-то, похожее на улыбку, но в её выцветших глазах, полных красных прожилок, не было теплоты. – Ты сама мне стала как дочь, но... я ждала слишком долго – ждала моего обещанного, моего астрального спутника, жениха и учителя... я искала его в сводках новостей – он бы непременно подал мне знак, он бы не остался незамеченным... он так клялся вернуться за мною! Но прошло столько лет – а его нет, его здесь нет...

«О ком она говорит?» – хотел спросить я, но Тянь Ся вновь зашевелила губами, и я проглотил вопрос.

– Я устала жить в инвалидном кресле, – продолжала она, – быть обузой для одних и подопытной для других. Я была вашим «прибором», вот только большинство видений и вдохновений я посылала вам сама... – Син Чен и Манфу переглянулись. – Да, у меня ведь и правда есть дар, но только не песенный. То, что вы слышали сегодня, пели за меня эти велиаловы монстры, я лишь подыграла им как могла, коль скоро они хоть немного, хотя бы ненадолго вернули мне радость движения... Но я могу входить с силовым полем в прямой контакт, и я вижу кокон прогорклой тьмы, которым оно окружено. А тот, кто назвался вам Ваном Юпином... Хуршид, насколько я знаю, именовал его *иблисом*, дьяволом. Я бы не стала так возвышать его. Он даже не мелкий бес. Он просто один из *стражей* силового поля. Стражи всегда рядом с нами, но обычно они, несмотря на повышенный интерес к творческим личностям, не могут так явно проявлять себя... если их не *пригласить*.

– И ты что-то наколдовала и пригласила *его*, старая ведьма? – взорвался Манфу. – *Его*, чтобы мучить нас? Зачем? За что?

– Я мало думала о вас, – шёпote Тянь Ся заклокотала надменность. – Вы все хорошие люди... слишком хорошие, слишком глупые. Я бы не смогла убедить вас добровольно прервать мою жизнь. Вы на это не способны... в здравом уме. Но человек способен на что угодно, если хорошенько запудрить ему мозги. И на ещё большее способна творческая личность. Например, искренне пожелать кому-то зла и оказать тем самым воздействие на физический мир. Иногда одного желания гения достаточно, чтобы изменить реальность вокруг. Но вы не гении, вы даже не таланты. Видите ли, здесь, в радиусе действия силового поля, ваша творческая сила кажется вам чем-то значительным, но ваши работы хороши только тут. Стоит вынести их во внешний мир – и они утратят значимость даже в ваших собственных глазах. Это как камешки на пляже: они хороши, покуда блестят под водой, но блекнут, стоит просушить их на солнце. И всё же и вы не лишены творческой жилки, ведь вас притягивает сам процесс творения.

Тянь Ся скосила на меня глаза:

– И вот в доме появился этот мальчик. Он такой же бесталанный, как и вы, но вместе... вместе вы могли бы образовать то, что в старину люди, имеющие отношение к

магии, называли «круг пяти». Ведь магия и поэзия питаются из одного источника... Только задачи у магии другие – более конкретные. В древности пятеро слабых колдунов, направив усилия на достижение одной цели, могли добиться того же, чего был способен достигнуть один сильный чародей – *мо-фа-ши*. Так и в вашем случае. Помимо вашей воли я хотела, чтобы вы обратили свои силы на изменение действительности... а именно – пожелали мне смерти. Так действует магия. Это творчество, направленное вовне. Я пыталась как могла, даже позволила вам считать Аньпина «избранным», чтобы вы перестали ценить меня как единственного человека, способного предугадывать поведение поля. Но как заставить вас по-настоящему возненавидеть меня – так, чтобы ваше желание *воплотилось*? Поначалу я пыталась внушить Аньпину, что он мог бы нарисовать мою смерть, ведь он меньше кого бы то ни было из вас привязан ко мне, он бы смог сделать это хладнокровно, а я бы помогла ему с магической стороной вопроса... вместе мы создали бы *вуду-рисунок*, прерывающий жизнь. Но в его сознании было столько препятствий, информационного мусора, столько логики, которая упорядочивала каждый посланный мною образ... И вместе с тем – провалы и трещины, в которые уходила часть энергии. Как будто кто-то заранее прогрыз путь к сознанию лаовая, сделал его открытым для любых энергетических воздействий... и в то же время оставил там рану, не зарастающий разрез. Я не смогла достучаться до сознания Аньпина, внушить ему важность моей смерти. И я разозлилась.

– Хочешь сказать, – вклинился Манфу, – то, что видел Аньпин, – это твоих рук дело?

– Да... и нет, – ответила Тянь Ся. Нам стоило всё больших усилий разобрать её речь.

– Кое-что мне и самой не до конца понятно... Например, странная логика, по которой выстраивались посланные мною образы в восприятии Аньпина. Он словно бы предвидел события, которые произошли сегодня и о которых я не могла знать. Ведь я не желала никому из вас вреда... Хуршид, несчастный Хуршид! И бедный, бедный Чуань Дзон! Он потерял душу...

Злость вскипела во мне. Полоумная ведьма навлекла на нас беду, погубила моего друга... И ещё смеет рассуждать по поводу того, как необычно я воспринимал посланные ею же галлюцинации! Но кричать на неё, обвинять было бессмысленно... Между тем Тянь Ся обратилась ко мне:

– Та рыбка в нарисованном тобой пруду... ведь это был Хуршид, его страшная смерть в озере. Не говоря уже о сцене за столом, когда вы с Хуршидом оказались единственными оппозиционерами. Всё это я не в состоянии объяснить.

Из дальнего угла комнаты раздался смешок, от которого мурашки побежали по коже. Ван Юпин продолжал восседать на троне, вот только головы у него больше не было. Пунцовая, раздутая и безликая, она зависла в воздухе – там, где начинался беспросветный мрак дальнего угла, там, где во тьме копошилось что-то мерзкое. Смешок прозвучал снова, и движение в темноте стало активнее. *Сейчас начнётся*, – мелькнула внезапная мысль. Моя ли? И начнётся – *что*?

– Тянь Ся, – всхлипнула Син Чен. – Что нам теперь делать с этим... стражем?

– Каждое заклятие, направленное на выведение в физический мир *незримого*, – прохрипела старуха, – держится на одной *закрепке*. Закрепка помещается в тело живого существа. Существо, в которое поместили закрепку, должно погибнуть – и тогда пришелец с иной стороны вернётся назад. Это обратное жертвоприношение.

– И где же *его* закрепка? – спросил Манфу. – Говори же, чёртова карга!

– Она во мне, – простонала Тянь Ся.

– Старуха не врёт, – пискливым голосом сказала голова стража. Она начала медленно кружить в воздухе, постепенно расширяя траекторию. Шевеление во тьме стало нестерпимо быстрым и тошнотворным. – Убейте её – и делу конец. Избавьтесь от меня, а мне приятно будет посмотреть, как вы её убиваете; и я заберу её душу с собой. Но куда она жива, я буду вместе с вами. Всё шло по плану, но сначала спятил Дзон; впрочем, оно мне было на руку – он мог исполнить моё предназначение физическим способом, если бы не удался первоначальный план склонить вас всех к магии пожелания смерти. Я хотел натравить его

на Тянь Ся, но Дзон направил заряд своей злобы не по назначению – и прикончил мусульманина. Наш с Тянь Ся план испортили Аньпин с Хуршидом. Иранец попытался спорить со мной, приплёл своего бога... Аньпин отказался желать Тянь Ся смерти, направил отрицательную энергию на самого себя. Мягкосердечные вы мои!

Голова с писклявым хихиканьем летала в воздухе, как кровавый мяч, то опускалась до пола, то взлетала к потолку.

– Но даже если вы убьёте её и тем самым избавитесь от меня, ваши приключения не закончатся, – голова сделала большой круг, пролетев перед нашими глазами, так что стал виден десяток безгубых ртов на ней, синхронно говоривших этим гнусным голоском. – Вы не сможете покинуть дом. От магии сферы пустоты, в которую я заключил вас, тоже существует закрепка. Догадываешься, Аньпин, в чью светлую голову я поместил её?

Я сглотнул. Да, тогда, на озере, над телом мёртвого Хуршида, Ван Юпин что-то сделал со мной... И что-то тёмное и неправильное я ощущал внутри себя с тех самых пор. Демон прикоснулся ко мне и чем-то меня заразил... Значит, теперь, чтобы выбраться отсюда, требовалась цена моей жизни? Всё было как во сне, реальность посыпала в мозг информацию, которую он не мог обрабатывать адекватно. Я воспринимал необычное как нормальное и, наоборот, поражался обычным вещам. Летящая голова и отвратительное мельтешение воспринимались отстранённо, и в то же время меня удивляло, какие у Син Чен плотные, осязаемые руки. Мне показалось странным, что она – живая, говорящая, во плоти...

– Тянь Ся, – проговорил я, – почему тогда, около трёх недель назад, я нарисовал тот набросок... лицо Вана Юпина... почему именно его?

– Это не лицо Вана Юпина, – вздохнула старуха. – Это лицо принадлежало моему мужу... до того, как он стал жертвой стража. Ты нарисовал того, кто пытался меня когда-то спасти, увезти отсюда. Но я... я не любила его, я хотела от него избавиться. Тогда-то я и вызвала стража в первый раз. И поместила закрепку в своего собственного мужа. Дух преследовал его, пока несчастный не покончил с собой. Он повесился – здесь, в этом доме, в этой гостиной, на крюке, который теперь скрывает потолочная лампа. Я помню его пунцовое лицо с проступившими венами... Но страж завладел энергией его биополя и высосал его душу. С тех пор это лишь одна из масок стража. Я послала тебе этот образ случайно, просто потому что он постоянно преследует меня. Однажды я так же неосторожно послала его Син Чен, но она уловила лишь общие контуры и нарисовала человека в беседке. Но тот набросок, тот неудавшийся рисунок... Я не знаю, почему ты создал его. Быть может, какая-то часть души моего мужа ещё обитает в стенах этого дома. Быть может, он не полностью проглочен стражем и сам каким-то образом смог дотянуться до тебя. Это очень вероятно. Иногда мне кажется, что я ощущаю присутствие мужа рядом с собой, но не могу и не хочу установить с ним контакт. Однажды в старом фотоальбоме я увидела, как все фотографии смотрят на меня его глазами – маленькими, движущимися, живыми глазами. Даже мои собственные изображения! Я не могла вынести этого заботливого и осуждающего взгляда, поэтому взяла иголку и выцарапала эти проклятые добрые глаза. После этого меня парализовало. Словно окончательно исчезла сила, защищающая меня... И в бездну эту защиту! Страж поля, с которым я многие годы поддерживала контакт, высасывал мою энергию день за днём, и он победил, я потеряла способность передвигаться. Я могла только смотреть... на те видения ужасов, которые страж показывал мне. Смотреть без конца! Страж овладевал моим сознанием в те моменты, когда силовое поле становилось благоприятно к остальным чувствительным людям и дарило им порывы вдохновения... А страж, связанный с теневой стороной поля, погружал мой разум в агонию.

Парящая в воздухе голова распахнула свои крошечные рты и издала тонкий протяжный крик. И тогда всё то, что мельтешило в темноте, разом ринулось на нас.

Посиневшие корпуса мёртвых тел, оторванные конечности, головы с вывалившимися глазами, которые болтались на пучках облепленных плесенью нервов... и шелест перепончатых крыл, принадлежавших чему-то неуловимому для глаз. Комнату наполнило зловоние разлагающейся плоти с примесью формалина и хлора, словно лопнули сосуды в гигантском анатомическом музее, и всё, что хранилось в них, посыпалось на нас. Мертвецы кружились и сталкивались, летали по воздуху, и части тел животных перемешивались с частями человеческих останков. Обезображенный толстый труп взмыл под потолок и разорвал своё брюхо. На вывалившихся прогнивших кишках, как на гириандах, повисли его внутренние органы – зелёная печень и изъеденные червями почки, лохмотья лёгких и сердце – раздутое и гнилое, но ещё пульсирующее.

В этом карнавале смерти был какой-то особенный ритм, непостижимый для рассудка. И когда трупы начали махать обрывками кожи и выворачивать себя наизнанку, показывая разноцветное нутро, когда сотни ртов изрыгнули клубки червей, сороконожек и змей, когда зловонный воздух лопнул от скрежета зубов, грозящего разорвать барабанные перепонки, – тогда я понял вдруг, что вижу перед собой извращённую пародию на китайскую оперу, искажённый до неузнаваемости гротескный фарс. Голова стража летала посреди этого, и та сила, которая раньше дарила нам наслаждение, стала теперь источником страдания и ужаса. Моя собственная голова раскалывалась от боли, из носа хлынула кровь, мне хотелось биться об стену, задушить себя своими же руками – что угодно, лишь бы прекратить эту муку.

– Следуя доброй традиции тибетского буддизма, – раздался сверху густой бас: сидящее на троне тело раскинуло руки, и в его груди, разрывая канадский свитер, открылась вертикальная пасть, в которой обломки кровавых рёбер торчали, будто клыки. Низкий голос доносился из неё, – мертвецов расчлениют и оставляют на съедение священным стервятникам на холмах. Птицы любят человечину, а дух, свободный от плоти, устремляется к последнему очищению. Но иногда стервятники отказываются есть – и такие души мы, стражи Древа Жизни, забираем себе. Это танец невоплощённых душ, которым не будет даровано ни покоя, ни перерождения. Они принадлежат миру незримого, но сейчас я распоряжаюсь тем, *что* вам следует видеть и *какие* формы должны принимать отверженные души, попавшие в мою власть! Пусть они выжмут жизни из ваших слабых сердец.

Пронзительное пение наполнило комнату, и из гущи трупов выступило синее чудовище, чей изъеденный язвами корпус венчало несколько голов, принадлежавших человеку, лошади, свинье, тигру и волку. Мёртвые головы разевали пасти, истошно крича, но разобрать слова было невозможно. Где-то сбоку бык с человеческими руками бил обрубками костей по рёбрам двух скелетов, но всё перекрывал гулкий бой барабана – это в гуще тел обрастал гнилой плотью исполинский мертвец и бил пойманными на лету частями чужих рук и ног в бордово-синее брюхо.

Голова стража зависла на одном месте и закружилась вокруг своей оси, как юла. Её туго обтянула новая кожа, и вместо пунцового шара на нас смотрело искажённое ужасом и вымазанное зелёной краской лицо Чуань Дзона. Но лицо несчастного музыканта вскоре было заменено другим, незнакомым нам, и следующим за ним... и вот измазанные разноцветными красками человеческие лица начали меняться одно за другим – всё быстрее и быстрее... Это и были «маски» стража – души, которые он украл у погубленных им людей и использовал в своей пародии на сычуаньскую оперу с её быстрыми танцами и молниеносной «сменой лиц».

Син Чен пыталась не смотреть, пыталась закрыть лицо руками, но её ладони и веки стали прозрачными, а отворачиваться и отводить взгляд не имело смысла: мы попали в самый центр этого страшного концерта, и вальс трупов бурлил повсюду вокруг нас. Манфу схватился за грудь и, как рыба на берегу, хватал ртом зловонный воздух, а потом лишился чувств; я отстранённо подумал, что он, наверное, умирает от сердечного приступа. Тянь Ся смотрела на адскую оперу, не пытаясь отвести глаз, и алые слёзы струились по её морщинистому лицу.

Моё сознание помутнело, а попытки дышать перешли в рвотные спазмы. Пальцы

моих рук сами попытались вцепиться в мои глаза, чтобы вырвать их из черепа, но стали неосознано-зыбкими и прошли сквозь голову, не причинив вреда. Я повалился навзничь, но моё восприятие словно бы отделилось от тела и продолжало видеть всё, что происходило вокруг, – включая меня самого, безвольно лежащего на полу.

И тогда где-то на грани угасающего зрения замаячил отблеск мутного света. Не думаю, что кто-то, кроме меня, мог видеть этот лунный маячок – я и сам не был уверен, существует ли он. Но этот отблеск был так не похож на творившееся вокруг, что я постарался сконцентрировать зрение на нём. Сознание понемногу возвращалось ко мне, и, стараясь ухватить источник слабого света, я сделал первые осмысленные движения – и пополз на этот мигающий огонёк.

Постепенно я понял, что сам отблеск и его источник находятся не вовне, а в моём правом глазу, словно соринка... По мере моего передвижения огонёк смещался и служил чем-то вроде стрелки компаса, направляя меня. Когда я начал подползать к лестнице, ведущей наверх, гулкий голос из распоротой груди восседающего над нами стража окликнул меня, но я не обернулся. У меня теперь была цель, и пусть я не знал, к чему это меня приведёт, но если бы я сейчас остановился, то вряд ли нашёл бы в себе силы сдвинуться с места снова. Скользкие пальцы мёртвых рук хватили меня за одежду, за волосы, лезли в лицо, псы с волочащимися по полу внутренностями выпрыгивали из стен, змеи и скорпионы устилали мой путь – и вся эта свора кусала и жалила моё тело, и я кричал в агонии, но продолжал ползти вперёд.

3

Та лестница, по которой я множество раз спускался и поднимался без малейших усилий, на этот раз показалась бесконечной. Я полз по ней, с трудом преодолевая ступеньку за ступенькой, будто карабкался по отвесной скале. Но огонёк в моём правом глазу сиял всё ярче, вселяя надежду. Преодолев последнюю ступеньку, я пополз по полу второго этажа. Огонёк стал смещаться: он вёл в мою же комнату.

Скользкие твари с дикими взвизгами цеплялись за шею, чьи-то ноги с мощными копытами били по лицу. Моё сознание предательски верило в смертоносную боль каждого укуса, каждого удара, и душу заполняло отчаяние... Я уже не мог кричать, мой рот был забит червями и скорпионами, жалящими меня изнутри, череп готов был лопнуть оттого, что в нём угнездились сотни зубастых паразитов. Это было страдание, которое способно свести с ума. Чудовища терзали мою душу, разум и пять чувств, но они принадлежали иному, *незримому* миру, и не имели полной власти над телом. И пока оставалась надежда, я мог продолжать движение.

В моей комнате пол был залит гнилой водой, в которой сновали толстые пиявки – настолько большие, что можно было разглядеть их круглые рты и клыки, торчащие из-под присосок. Кольчатые спины блестели во мраке. Стены комнаты вибрировали и двигались, их поверхность была усеяна мириадами фасеточных глаз, в которых дробились и множились отражения тварей, окруживших моё обезображенное тело. Не было возможности оценить ситуацию, перевести дух, и я вполз в болото. Пиявки ринулись на меня, ввинтили пасти в истерзанную плоть, сквозь кожу и мышцы прогрызая путь к внутренностям и костям. Вынести это я уже не мог – и остановился.

Но светлячок в моём глазу вспыхнул огненным шаром – и я увидел то, к чему он меня вёл. Это был мой набросок – тот неудачный рисунок, который меня когда-то так пугал. Он лежал в шкафчике письменного стола – там, куда я положил его после того, как Ван Юпин приказал спрятать рисунок. Я пока ещё не мог видеть самого наброска, но излучаемый им свет пробивался сквозь щели стола. Выбросив руку вперёд, я ухватился за ручку ящика и вытащил его полностью. Ящик упал передо мной, расплескав зловонную тину. Я взял в руки сияющий свёрток – и его свет отбросил преследовавших меня монстров, словно факел, разгоняющий тени. Стена, полная глаз, дико заколыхалась, когда свет коснулся её. Мои раны, каждая из которых могла бы послужить причиной смерти,

затягивались здоровой плотью, и впервые за этот день я ощутил проблеск настоящей надежды.

– Что мне нужно сделать? – спросил я, обращаясь в пустоту.

Свет в моём глазу погас, и я увидел перед собой едва различимое люминесцирующее лицо. Контуры его были блёклы и неясны, но я не мог ошибиться: лицо было мне до боли знакомо. Это было лицо с моего наброска, то самое, которое надевал перед нами страж, называвший себя Ваном Юпином. Это было лицо господина Фэна, мужа Тянь Ся.

– В твоих руках – ловушка. Ловушка для демона, – прошептало привидение. Несказанная грусть звенела в этом шёпоте, доносящемся с другой стороны смерти. – Я так любил её, мою малышку Тянь... Я отдал ей всё, что имел, я верил, что она полюбит меня. Но она избрала иной путь – путь, на котором нет места любви. Её манила тайная сторона мира. И она преуспела. Её дар входить в контакт с незримым миром и транслировать видения вовне – это *проклятие* было приумножено знаниями, которые она получила из ветхих книг и из общения с существами, приходившими к ней по ночам из оконных стёкол, зеркал, граней отполированной яшмы и циферблатов часов. Она всё ждала принца, дьявола с далёких звёзд, который будто бы должен явиться за ней. Со своими предостережениями и заботой я был для неё обузой, и она призвала демона, который свёл меня с ума и забрал мою душу... Теперь *он* снова здесь, его власть велика. Само моё существо в его лапах, моё лицо стало *его* лицом; но то, что ты видишь перед собою сейчас, – это отблеск любви моей души к жене, и эту любовь не смог поглотить тёмный дух.

Сиреневый мрак клубился по стенам, и едва зримое сияние привидения не могло разогнать его. Тени скреблись по углам. Но тихое спокойствие и печальная сила, звучавшие в едва различимом голосе, заставляли забыть об этом. Я зачарованно молчал, веки налились тяжестью. Но и с закрытыми глазами я мог видеть блёклый контур, подобно рентгеновскому лучу проходящий сквозь кожу. Призрак говорил:

– Свет моей души может возноситься к небесным кругам, я вижу всё, что было и что будет. О, если бы знала Тянь Ся, что я, ничтожный человек, никогда не погружавший мысль в омуты тайного знания, обитаю теперь гораздо ближе к тому, что вы называете *силовым полем*, тысячеличные стражи именуют *Древом Жизни*, а я называю *Дорогой Ангелов*, – ближе, чем она сама сумела приблизиться к нему, следуя тропой тьмы. Ибо сущность Дороги Ангелов – любовь, и только чистое ответное чувство способно преодолеть кольцо терзающих стражей, которыми она окружена. Приобщённый к пульсации Сердца сердец, я вижу всё – что было и что будет, и задолго до твоего появления в этом доме я знал, *что* должно случиться здесь.

Привидение приблизилось ко мне вплотную и частично прошло сквозь меня, будто глядящаясь внутрь моей головы.

– Я знаю твою тайну, *Сажасан*, – это странное прозвище пронзило меня сотнею холодных игл. Господи, о чём он говорит? Господи, я знаю, о чём, но не могу вспомнить... – В твоём разуме есть тайная трещина, лазейка для тёмных духов. Неаккуратный врачеватель душ, самозванный гипнотизёр нарушил строй твоего естества, сделал твою душу уязвимой для заклятий и чар, и стражу легко было поместить внутри тебя закрепку-смерть. Но то, что хранится на дне трещины, – отблеск чужой души, осколок любви, такой же, как и я... Он провёл тебя через полчища видений, он дал тебе силы прорваться сюда, чтобы обрести ловушку для демона. Осколок слабого духа внутри тебя – твоя уязвимость и твоё спасение. Благодаря ему я прикоснулся к тебе той ночью, когда возле своей кровати ты увидел круг лунного света. Трещина внутри тебя позволила мне войти в твои сны и видения, хотя твой разум воплощал мои прикосновения в пугающие тебя образы. Но теперь ты познал, что значит настоящий страх, и мой призрак уже не страшит тебя, я могу обращаться к тебе напрямую. Примешивая свои прикосновения к образам, посылаемым тебе Тянь Ся, я смог подготовить тебя к тому, что произойдёт в этом доме. И я дал тебе оружие против демона. Ловушку. Этот рисунок – образ меня самого. Свет моей любви наполняет этот набросок – и когда демон прикоснётся к нему, проглоченная им моя душа потянется к своей

утраченной световой части – и демон будет парализован. Я добровольно войду в него – пожертвую моим светом ради вашего спасения. В этом высший закон: любовь повсюду жертвует собой и добровольно предаётся тьме, чтобы уничтожить её изнутри. Тянь Ся, моя Тянь Ся... она так страшно запуталась, обрекла себя на погибель, но я не дам демону проглотить её душу. Её земное время истекло, ты должен нарисовать её смерть – так хочет она, и пусть будет так... Пока я буду сдерживать демона, он не сможет проглотить её душу. И когда всё будет кончено, постарайся спасти себя самого: найди тайную трещину внутри себя и заполни её любовью, чтобы разрушить закрепку-смерть, пока стражи спят. Не только демоны охраняют Дорогу Ангелов, и тебе будет дана помощь. Дорога Ангелов – не вовне, а внутри сердца человеческого, и тебе предстоит пройти по ней, чтобы вернуть память света. Так действуй!

Призрачное лицо свернулось в световой шар и опустилось на измятый лист бумаги в моей руке.словно призрачный факел, он сеял блёклое сияние, похожее на лунные блики, и легионы чудовищ жались по стенам, огрызались на свет, но не решались напасть на меня. В голове царил хаос, что-то рвалось наружу, в горле стоял комок крика и слёз. Я не мог ни осознавать происходящее, ни выпустить этот ком наружу. Я мог только терпеть. Привидение дало мне оружие, но как заставить стража прикоснуться к наброску?

Я вышел из комнаты и направился вниз – туда, где продолжал бесноваться карнавал мертвецов, порождённых тибетской космогонией волей стража, глумящегося и над обрядами, и над сычуаньской оперой с её разноцветными плащами, веерами и внезапной сменой масок...

4

Когда я очутился внизу, карнавал не прекратился, но монстры, мельтешащие вокруг, всё же держались на расстоянии. Голова, на которой постоянно мелькали новые и новые лица, уставилась на меня постоянно меняющимися глазами. Тело стража на троне раздвинуло грудную клетку, и из неё донёсся гулкий рокот:

– Велика человеческая глупость! Ты вспомнил про свой милый набросок, Аньпин? Тот, в который любвеобильный муж заключил последнюю часть самого себя? Поздравляю! Теперь ты получил шанс умереть последним. Я не смогу до тебя добраться, но ты увидишь смерть своих друзей, а когда умрёт Тянь Ся и я исчезну вместе с ней, ты останешься здесь один. Сфера пустоты не выпустит тебя из этого дома ни живым, ни мёртвым.

Я оглянулся на остальных. Син Чен корчилась в сухих рвотных спазмах, её колотила крупная дрожь; Тянь Ся по-прежнему глядела в пустоту, но вместо слёз по её щекам струилась глазная кровь. Манфу был смертельно бледен и держался за грудь, кровь текла из его ушей и носа.

– Манфу, – я потряс его за плечо. Японец не отреагировал. Я начал махать светящимся листом, отгоняя разлагающихся чудовищ, кружившихся вокруг него. – Папа!

Японец медленно повернул ко мне лицо, искривлённое болью.

– Сын, – прокричал он, – у меня сердце... рвётся... Всё... рвётся...

– Я принёс ловушку, – заговорил я ему в ухо, стараясь перекричать царящий вокруг гвалт. – Нужно, чтобы страж прикоснулся к ней. Возьми рисунок! Он будет тебя защищать. Используй его, когда появится возможность!

Любая ловушка бессмысленна, если нет наживки. Я всучил рисунок в руки Манфу и побежал в самую гущу inferнального карнавала. Чудовища ринулись на меня со всех сторон, и в мгновение ока я был сначала засыпан обрубками тел, а потом поднят над полом. Чёрные крылья взметнули меня вверх и закружили на бешеной скорости, как если бы я попал внутрь центрифуги, целиком состоящей из спрессованных кусков гнилой плоти.

– Ты решил умереть? Раз и навсегда покончить с этим всем? – послышался голос. Пискающая голова и баяющая разъятая грудь стража говорили одновременно. – Я не упущу возможности съест тебя. Думаешь, ты спасаешь своего так называемого отца? Но его жизнь висит на волоске, он уже умирает. Ты, быть может, спасёшь его душу, но не тело. А

вот твоя душа теперь достанется мне.

Когда кружение стало невыносимым, голова стража зависла надо мной – так близко, что я чувствовал его гнилостный холодный запах. В адской центрифуге, в которую я был заточён, единственным центром, на котором можно было сосредоточить зрение, была эта жуткая голова, постоянно меняющая лица. И я отпустил сознание, логику, память и всё то, что рвалось наружу из глубин сознания, из тайных закоулков памяти. Я перестал думать об этом, я отдался смертоносному кружению...

Мертвецы, расправив плащи из содранной кожи, взлетели над полом, чтобы вонзить в меня беспорядочно торчащие клыки и когти. Огромный труп с безразмерным животом, как паук, заполз по стене на потолок, завис надо мной и, разжав пальцы, рухнул на меня, увлекая моё тело вниз. Он вдавил меня в пол, и дыхание вылетело из моей разбитой груди. Мертвец лопнул, окатив меня гнилью, и я понял, что это конец. Жизнь вытекала из меня вместе с остатками сознания, и я позволил ей покинуть моё тело.

– Светлячок, – прошептал я странное слово и тут же забыл его вновь. В угасающем сознании мелькнул образ белой девушки на больничной койке. Её лицо густо заросло чёрными волосами.

Голова тысячелицего стража прижалась ко мне вплотную. Она разинула свои многочисленные пасти и начала высасывать из меня то, что, вероятно, и было моей душой: угасающим зрением я видел тонкие бирюзовые нити, тянущиеся из меня в распахнутые рты стража. Пунцовая голова отрастила руки с когтями, режущими кожу подобно бритве, – и эти руки стали сдирать кожу с моего лица. Зрение покинуло меня, сознание погасло, и только боль продолжала разрывать моё существо на части – и с последним всплеском ужаса я понял, что эта агония будет вечной. Я терял не только жизнь – я терял самого себя, я становился частью *его*, одной из его масок.

Зрение вернулось ко мне внезапно, и мощный разряд неземного электричества отбросил меня куда-то назад, куда-то прочь от той бездны, которая затягивала меня. Я ещё не мог дышать и двигаться, но я, по крайней мере, уже не был мёртв. Сиреневый вихрь разлетающихся в труху чудовищ кружил вокруг, и прямо над собой я видел, как Манфу держит в руках что-то круглое и бешено вырывающееся – нечто, обёрнутое листом ватмана, на котором я когда-то нарисовал лицо господина Фэна.

Манфу не смог удержать голову – она вырвалась из его слабых рук и в слепом бешенстве стала бросаться из стороны в сторону, как мяч отскакивая от пола и стен. Трон, на котором сидело безглавое тело, растворился в облаке сиреневого тумана, и тело рухнуло вниз. Голова, метавшаяся по комнате, нашла его и запрыгнула на плечи. Страж поднялся на ноги и вскинул руки, пытаясь сорвать плотно обхвативший его голову лист ватмана, но рисунок всё плотнее срастался с головой, пока не растворился в ней целиком.

И тогда с обездвиженного демона начали одна за другой слетать его маски – светящиеся лица взмывали вверх и растворялись под потолком. Не знаю, как долго это продолжалось. Казалось, лицам не будет конца, но вот всё затихло, комната опустела, и лишь силуэт стража, весь белый, без лица, возвышался перед нами. Будто манекен с тенями вместо глаз, он по-прежнему внушал ужас, и его замедленное, тяжёлое дыхание нарушало воцарившуюся тишину.

Моё тело снова слушалось меня, на нём не было ран, но память о пережитом не могла просто так покинуть мой разум, и я выплеснул её в надрывном, задыхающемся крике. Сознание помнило каждую рану, каждый укус, как будто они были настоящими и навсегда изрубцевали душу, секунды назад едва не сгинувшую в пропасти, распахнутой перед ней непостижимым разумом стража Дороги Ангелов.

Нарисуй мою смерть

1

Я не мог остановить приступов беззвучного, бесслёзного крика, но я чувствовал мягкие руки друзей, тепло их дыхания, слышал их успокаивающие слова. Желание оказать мне помощь придавало им сил. Син Чен подала мне остывший чай и держала чашечку дрожащими пальцами перед моими губами, пока я не сделал первый глоток.

– Ты справился, Аньпин, – шепнула сказала она. – Ты спас нас всех.

– Сынок, – наклонился ко мне Манфу. В его бородке темнела кровь, натёкшая из носа. Он плакал. – Я горжусь тобой, и правда хотел бы, чтобы мы, если ты не против, продолжали... называть друг друга отцом и сыном...

– Мы победили, но Хуршид мёртв, – всхлинула Син Чен. – И Дзон... что с ним сотворил... этот... Как могло так случиться? Как мы, всегда такие осторожные, такие бдительные во всём, что имеет отношение к силовому полю, – как мы могли это допустить?

– Ничего не закончилось, – подала голос Тянь Ся. Кровь темнела в каждой морщине на её лице, похожих на сеть ужасных трещин, а вместо глаз из-под посиневших век на нас смотрели кровавые бельма. Она ослепла. – Мой муж всё-таки нашёл способ спасти меня... и вас всех... Но страж обездвижен лишь на время, скоро душа моего мужа потеряет силу и всё начнётся заново. И это место, этот дом... он во власти сферы пустоты. Это мощная магия, посланная одним из *невидимых*, и разрушить такие чары непросто. Мы оказались на перекрёстке миров, запах наших жизней разбудит других стражей и привлечёт их сюда. Но сейчас... вы ещё можете избавиться от этого стража, отправить его назад в незримый мир. Сделайте то, что нужно было сделать уже давно. Прервите мою жизнь.

Син Чен бессильно всхлинула:

– Тянь Ся, ты же знаешь, мы не можем... Ты сама говорила, что мы не способны на это...

– Я говорил с твоим мужем, Тянь Ся, – подал голос я и сам поразился тому, насколько он слаб. Тянь Ся ничего не ответила, лишь губы её сжались в кривую линию – то ли от гнева, то ли от печали. Все ждали продолжения, и я сказал:

– Это он дал ловушку для демона, которую смог применить Манфу... И он же сказал, что время Тянь Ся истекло и что я смогу *нарисовать* её смерть, но...

Я попытался облизнуть пересохшие губы, но язык был сух, как наждак.

– Госпожа Фэн, скажите мне, *что* я должен делать. Я готов. Но я хочу, чтобы Вы знали. Ваш муж... он прекрасный человек. Его любовь отделилась от его души, и её не смог поглотить страж. Он сказал мне, что истинная сущность силового поля – любовь и свет, а тёмное кольцо стражей – только внешняя сторона... Это как в рассказе Хуршида – *чёрное солнце*... Вы видели это... видели тьму – и решили, что она и есть истинная природа силового поля. Но за покрывами тьмы был свет, который увидел Ваш муж после смерти... Он называет силовое поле Дорогой Ангелов. Силовое поле... оно не вовне. Оно в нас. Мы и есть – Дорога Ангелов...

– Дорога Ангелов, – повторила Тянь Ся. – Как и стражи, я называла поле иначе. Древо Жизни. Сейчас мой муж растворился в страже, и кто может сказать, что будет с ним, когда страж переварит его? Я никогда его не любила... У него была простая душа, очень бесхитростная. Захотел денег – стал работать не покладая рук. Полюбил меня – сразу сделал предложение. И сейчас... захотел спасти – и *спас* даже после смерти. Моя душа была обещана стражу, но теперь, если ты всё сделаешь правильно, Аньпин, я смогу избежать расплаты...

Старуха обладала каменным сердцем. Я был зол на неё, и одновременно хотелось как-то её переубедить, показать ей ценность настоящей любви... но что я мог сказать ей? Что я сам знал о любви?

Мой взгляд упал на белый силуэт стража. Кажется, он увеличивался в размерах, а его дыхание, похожее на гул ветра в водосточной трубе, становилось громче и чаще.

– Говори, Тянь Ся, – сказал я. – Время уходит. Говори, что мне нужно сделать.

– Принесите бумагу и краски, – даже её стонущий, слабый голос был властен.

Син Чен, пошатываясь от слабости, поднялась наверх и вскоре вернулась с листом ватмана, набором гуаши и небольшой кистью.

– Оставьте нас с юношей наедине, – сказала Тянь Ся. – Вернитесь в комнаты. Вы поймёте, когда настанет пора спуститься. Уходите, так надо. Я не причиню иностранцу вреда.

Манфу и Син Чен нерешительно встали с мест. Им явно не хотелось оставлять меня наедине с той, которую в полной мере можно было назвать *вупо*, ведьмой.

– Будь осторожен, сынок, – положил мне руку на плечо Манфу. Син Чен сочувствующе кивнула головой. Поддерживая друг друга, они направились по лестнице наверх. Старуха дождалась, когда затихнет поскрипывание ступеней.

– Я знаю способ, как нарисовать нечто, что способно оказать прямое влияние на реальность, – голос Тянь Ся был напряжён и сух, как рашпиль. – Это *магия индивидуальности*. Я передам тебе истинное знание обо мне, о моей личности... Тебе не обязательно понимать то, что ты узнаешь, ты должен лишь принять это, запомнить – и изобразить так, как считаешь нужным. Ты должен нарисовать образ моей души – и *изменить* его так, чтобы этого образа коснулась смерть. Если ты будешь достаточно внимателен и прислушаешься к своей интуиции, ты поймёшь, *что* нужно сделать. Готов?

Я взял кисть в руку. Пальцы дрожали, кожа на голове онемела, но я кивнул.

– Тогда начнём, – прохрипела Тянь Ся и повернула ко мне безобразное, покрытое подсыхающей кровью, лицо. Невидящие глаза, превратившиеся в две багровые раны, заглянули в мои, и я уже не мог отвести взгляд.

2

– Когда-то давно, – начала Тянь Ся, и между нашими лицами поплыли полупрозрачные образы, а кровавые глаза старухи смотрели на меня сквозь них, как алые лучи живого проектора, – во времена, которые можно бы было назвать моим детством, я жила в большом доме на юге провинции Аньхой, в старинном горном Хуэйчжоу. Отец, как и большинство мужчин в тех краях, постоянно был в разъездах, странствовал по большим приморским городам, где товары из всех стран наполняли улицы, где европейские корабли и китайские джонки сновали по рекам и каналам, где можно было в одну ночь стать богачом или нищим, где искрилась большая и шумная жизнь. С ним на заработки отправлялся и мой брат, а мать и сёстры работали на чайных плантациях и в полях...

Видения плыли от неё ко мне и словно бы впитывались в кожу моего лица.

– Я была самой младшей в семье и большую часть времени проводила в одиночестве. Мне не нравились игры других детей, уже тогда я знала, что всё это не для меня, и относилась к ним с презрением. Я любила спускаться в погреб под домом, где в окружении кувшинов с рисовым вином, груд оставленного на просушку чая, початков кукурузы и мешков с рисом я играла с тенями карликов и драконов, которые в те дни навещали меня. Я с малых лет привыкла видеть их, незримых для прочих. Моя мать знала об этих играх, но списывала всё на моё богатое воображение. Нет, не только в воображении было дело... Я действительно *видела* существ из другого мира, только поначалу не могла разглядеть их отчётливо – и это меня раздражало. Я просила их показаться мне во плоти, а не в виде этих блёклых теней, но они не могли исполнить мою просьбу.

И всё чаще среди их беззвучного хоровода стала я различать контур, как будто человеческий. Он был не такой как все – не карлик и не дракон, а высокий мужчина, великий мастер теневых сетей. Я до сих пор со сладким содроганием помню прикосновение его нежных, как шёлк, чёрных рук к моей коже. Я просила его поговорить со мной, и в один прекрасный день услышала его голос. Он говорил, что давно искал меня, что тысячу жизней назад, под светом другого солнца, я была его избранницей, и свою любовь ко мне он пронёс через вечность, разделившую нас. Он говорил, что знает способ сделать меня бессмертной,

как он сам, но его дни на земле сочтены, он вынужден вернуться в свой мир. Что же делать мне? Он сказал, что я должна ждать, когда он снова придёт за мной, но мне необходимо подготовиться к встрече: собирать знания о его мире, проникать разумом в сферы иного бытия. Он исчез и больше не появлялся.

Прежние игры с тенью перестали радовать меня, мне захотелось большего. Я стала реже спускаться в погреб и полюбила летние ночи – ясные и безлунные, когда на небе нет облаков и видно, как стаи светлячков летают между звёзд. В такие ночи я часто вглядывалась в небеса, размышляя, какое из этих далёких светил является домом для моего возлюбленного. Ведь я полюбила его, полюбила даже в облике светящейся тени, в котором он являлся ко мне. Иногда созвездия складывались в его лицо, и тогда я слышала сладкий шёпот: «Жди меня, ищи меня повсюду. Ты не спутаешь ни с чем тот день, когда я явлюсь за тобой и подарю тебе бессмертие». Я смотрела на звёзды – и память о моей прошлой жизни возвращалась ко мне. Я вспоминала, что сама родом *оттуда*, что я чужая здесь, на Земле...

Я не была создана для работы по дому и в поле. И когда настал срок, я стала искать того, кто бы увёз меня прочь и дал возможность искать ответы на мучившие меня вопросы об устройстве невидимого мира и о способах проникнуть вовне. И нашёлся человек – он и стал моим мужем. Он был мне противен, даже его имя казалось скользким, как пригоревший жир. Такие люди, живущие низкой жизнью животных, не достойны памяти. Они служат лишь для обеспечения потребностей высших существ, подобных мне. Господин Фэн полюбил меня, но моё сердце уже принадлежало *другому* – и как я могла променять этот богатый кусок мяса на священную память о тени моего небесного принца? Мой муж был несчастен, наверное... я сопровождала его, когда могла, но мы никогда не были близки и никогда не разделяли ложе. Вероятно, он догадался потом, что я уже давно не невинна. Но мне было всё равно. Он сам попался в путы своей низкой любви, как и большинство смертных, которых не отличишь от зверья... Но он был мне полезен. На его деньги я приобретала книги, которые не так просто было достать, а большинство людей даже не догадываются об их существовании. Я видела фолианты, написанные на листах из материала, которого нет на Земле, – тайные рукописи, добытые в сердце пустыни Гоби у людей со змеиными головами. Я приглашала переводчиков, знавших языки древних, – и они помогали мне проникнуть в тайны сокровенных книг. Я платила им немалые деньги, способные заткнуть им рты, а иногда прибегала к услугам гонконгской Триады и наёмных убийц, потому что многие секреты не должны были покидать пределов моей комнаты. Я научилась прикасаться к потоку расплавленной тьмы, *силовому полю*, или *Древу Жизни*, который служит источником магии и творчества в мире. Через гладкие и отполированные поверхности предметов я стала принимать гостей с *другой стороны*. Они и сообщили мне об этом доме в горах – месте, где сквозь земную кору проходят корни Древа Жизни, сотканые из мрака.

Этот дом... его тайна открылась мне, но я предпочла не разглашать её любопытным. Его построил гениальный архитектор по имени Йи Сюань. Он был таким же искателем, как и я, но нашёл способ раствориться в силовом поле, прикоснуться к заветному Древу Жизни – и стать бессмертным. Этот дом был его последним творением. Во время строительства архитектор, вольно соединяя известные ему стили, высвобождал свой творческий потенциал, чтобы воспарить над самим собой. Узоры на деревянных поверхностях в доме... они все связаны с образом персика и его листы – символами бессмертия. Дом замышлялся как усыпальница с постояльцами, жилое надгробие над могилой архитектора, которая замурована в подвале. Пустая могила. Тела Йи Сюаня в ней нет, он в физическом облачении перешёл в инобытие.

И здесь, в этом доме, я хотела добиться того же, что и архитектор, – стать бессмертной, чтобы *самой* найти моего звёздного жениха, который всё не приходил за мною. Я вошла в сговор с невидимым стражем, открывшим для меня тайны заклятий и грёз наяву. Он научил меня черпать энергию Древа Жизни, создавать иллюзии и управлять ими, путешествовать сознанием во снах, но пообещал забрать мою душу с собой после моей

смерти. За это он был обязан служить мне и по моему зову проявляться в физическом мире. И я согласилась. Ведь он не догадывался о том, что с его помощью я хочу подобраться к самому Древу Жизни – сокровищу, которое он охраняет. В конце концов, за мною должен был явиться мой звёздный жених, и тогда страж остался бы ни с чем!.. Либо бессмертие в кроне Древа, либо побег с Земли вместе с моим суженым – так представляла я своё будущее...

Но... летели годы. Я познала многое из того, что считается недоступным для человеческого понимания. И всё же этого было недостаточно, чтобы обойти стража и прикоснуться к Древу. И мой тайный жених... я просматривала сводки новостей, проникая сознанием в каждую из транслируемых на экране картин, – это было нетрудно с появлением прямого эфира. Я была незримым участником событий истории, всматривалась в лица людей, проскальзывала в их память и сны. Я пыталась найти *его*. Но *его* всё не было. Быть может, неведомые враги схватили его, быть может, он заблудился по пути к Земле – я не верю, что он мог забыть про меня, я знаю, его слова были истинными! Но что он найдёт здесь теперь, когда моё тело постарело и пришло в негодность? Я подвела его, я плохо искала, не обрела бессмертия и не замедлила старения... Я должна умереть, чтобы родиться вновь и начать всё заново. В вечной мерзлоте Внешней Монголии есть подземные храмы-гробницы. Там спрятаны окаменелости людей прежних рас, и слова заклинания высечены на них. Это заклятие позволяет сохранить память о прошлой жизни. Теперь, умерев и родившись снова, я не начну с белого листа.

3

В какой-то момент Тянь Ся замолчала, но поток видений, переходящий от неё ко мне, не остановился. Я даже не уверен, говорила она на самом деле или её голос сам звучал в моей голове. Не помню, двигались ли её губы...

Передо мной оживали лица людей, которых я никогда не знал, другие времена и города, в которых я не был... Старый Шанхай, цветастый и хаотичный, проплывал перед глазами; я видел горные деревни провинции Аньхой, зимний пейзаж горы Хуаншань – без билетных касс и современной туристической инфраструктуры... Я видел дом, в котором сейчас находился, – заросший горными джунглями, с провалившейся крышей, заваливающийся вбок под гнётом времени, под каскадами дождей...

Передо мной плыли дни и ночи, увиденные глазами другого человека. И всегда где-то рядом были тени странных существ, которых могла видеть только она. И ярче всех был образ высокого человека с телом, сотканным из сияющей тьмы, и глазами, в которых пылали синие звезды. Взгляд этих глаз увлекал к небесам небес, где горели созвездия далёких и смутно-враждебных миров. И в какой-то миг бесстрастное сияние этих звёзд, тлеющее в пустоте, вдруг пронзило меня насквозь стрелами соблазна и тоски. Я словно увидел всю картину целиком – я увидел *саму душу* Тянь Ся, полную космического света, мрачную одинокую душу, поверившую в то, что она была рождена для чудес. И тогда я обмакнул кисть в краску – и начал рисовать.

Я хорошо помню тот рисунок. Чёрный фон – безжизненный космос, звёзды и глаза распахнуты в пустоте. Человеческие глаза без лиц и тел – как символ пытливого вглядывания любопытных душ в то, что им не положено знать... В центре картины – едва различимый мужской силуэт, словно туманность в форме человеческого тела. И на груди его – звезда, самая яркая из прочих... Эта звезда была душой Тянь Ся, попавшей во власть космической тени.

Картина была закончена, но я помнил слова старухи: нужно было добавить что-то, чтобы впустить в рисунок смерть. Но я не мог добавить больше ничего – я чувствовал, что рисунок завершён... И тогда я осознал: важно не добавление нового, а изменение точки зрения, иное понимание нарисованных вещей. Самая яркая из звёзд – в таком образе предстала передо мной Тянь Ся, когда я впитал в себя её историю. Но звезда на рисунке была *сверхновой* – вернее, излучением от взорвавшейся звезды, которое достигло зрения

спустя множество световых лет. Я изобразил лишь *сияние*, но сама звезда... она давно умерла, её уже не стало, а чёрная дыра, родившаяся в момент её гибели, была самой смертью. Световой ореол звезды был обманчив, за ним скрывалась безжизненная тьма по ту сторону горизонта событий. Смерть присутствовала на рисунке, но присутствовала неочевидно, я не решился пропустить её через себя и *изобразить*...

Когда я оторвал глаза от рисунка, Тянь Ся лежала на полу с запрокинутой головой. Её страшные глаза были открыты, покрытое кровью лицо расслаблено, а губы что-то шептали – возможно, то самое заклинание, которое, по её убеждению, способно восстановить у новорождённого память о прошлой жизни...

– Спасибо, – просипела она. – Теперь страж не получит... мою душу.

Она сделала глубокий вдох – и её грудь расширилась настолько, что я подумал, не разорвётся ли она сейчас... Но наконец Тянь Ся выдохнула – и с этим последним выдохом раздался мелодичный звук, будто во влажном воздухе затенённой гостиной разлился звон далёких звёзд.

На этот звук пришли Манфу и Син Чен. Японец, мельком глянув на рисунок, сразу же обнял меня, стремясь, видимо, удостовериться, что я невредим. Син Чен наклонилась к Тянь Ся и, убедившись, что старуха мертва, с тихим плачем опустилась к ней на грудь. Тянь Ся была *вупо*, добровольно предавшей себя во власть чуждых человеку сил, но это ничего не значило для Син Чен, которая по-настоящему её любила. Я подумал, что Тянь Ся прожила счастливую жизнь, хотя сама, вероятно, не подозревала об этом, всё отпущенное ей время проведя в мечтах о «дьяволе с далёких звёзд».

Белый силуэт стража, заметно увеличившийся в размерах, медленно таял, растворяясь в сиреневой дымке. По его гладкому телу проходила дрожь, как бывает при сильном напряжении мускул, но двинуться с места он не мог. Страж хрипло дышал и пытался противиться своему возвращению в невидимый мир, но заклятие, призвавшее его сюда, было снято вместе со смертью носителя магической закрепки. За считанные секунды его *присутствие* в физическом мире прекратилось.

Манфу, разжав объятия, встал с места, сходил на кухню и вернулся с зажигалкой в руке.

– Прости, сынок, – обратился он ко мне. – Твой рисунок нельзя оставлять здесь.

Син Чен взглянула на меня заплаканными глазами и проговорила:

– Манфу прав. Ты изобразил вещи, имеющие отношение к колдовству. Мы не знаем, к каким ещё последствиям это может привести.

Я пожал плечами. По правде говоря, мне было жаль рисунок – такая притягательная сила исходила от него. Но картина выполнила свою функцию, и вовсе не для праздного созерцания предназначалась она. Мне самому начало казаться, что нарисованные мною космические глаза смотрят на меня в упор, а сияющая сверхновая теряет свой блеск, уступая место тёмной кляксе чёрной дыры...

Манфу чиркнул зажигалкой и поднёс огонь к листу, но тот долго не хотел загораться – наверное, краски ещё не просохли. Но в конце концов на тлеющей краешке листа вспыхнул синий огонёк, а через некоторое время пламя охватило все эти глаза, звёзды и туманность в виде человеческого силуэта. Не говоря ни слова, мы смотрели, как бумага превращается в пепел, а пепел рассыпается золой... Манфу аккуратно собрал её в совок для мусора и вытряхнул в открытую дверь дома, за которой по-прежнему царил хаос разрушенного мира. Завиток косматого ветра из сиреневой бездны подхватил золу и унёс её в зияющий мрак.

Белый сон

– Нам всем следовало бы попросить у неё прощения – всем, кроме Аньпина, разумеется, – причитала Син Чен, склонившись над телом Тянь Ся. – Столько лет... она была так одинока, так несчастна, а мы использовали её, называли нашим прибором...

– Думаю, она сама этого хотела, – Манфу положил ей ладонь на плечо. Он стёр кровь со своего лица и шеи, но волосы в бороде и усах по-прежнему были покрыты тёмно-красными сгустками. То и дело он прижимал руку к груди, как бы проверяя, на месте ли сердце. – Я понимаю твои чувства, Син Чен, ты любила её как родную мать, но Тянь Ся, по правде сказать, была не самым приятным человеком. К тому же, скорее это *она* использовала нас. Но не в этом дело. Она желала смерти – и её желание было исполнено. Всё это время... я считаю, ей повезло. Если бы не ты, Син Чен, годы, проведённые в этом доме, стали бы для этой *вупо* подлинным мучением. Да, она предпочитала жить в компании демонов, но через тебя она поддерживала связь с человеческим миром. Тебе не в чем упрекнуть ни себя, ни нас. Мы похороним её на буддийском кладбище – здесь, на горном склоне. Думаю, ей хотелось бы и после смерти оставаться поблизости от этого дома...

– Но... как нам выбраться отсюда? – обратила к нам покрасневшее лицо Син Чен. – Мы в ловушке, во власти заклятия стража. Хуршид мёртв, Чуань Дзон, скорее всего, тоже... Нам не вырваться, мы не владем магией и не знаем ничего о ней.

Манфу нахмурил лоб, будто только сейчас вспомнил о тех обстоятельствах, в которых мы пребывали. Наконец он произнёс:

– Ван Юпин... *страж* говорил, что поместил в голову Аньпина закрепку от своего заклятия. Может быть, Тянь Ся сказала тебе, как нам нужно поступить, сынок?

Я покачал головой:

– Тянь Ся не сказала ровным счётом ничего – думаю, даже перед смертью её не очень-то волновало наше положение. Её интересовали только две вещи: покинуть этот мир и избавиться от преследования стража. Но дух любви её мужа говорил, что я должен найти закрепку в своём сознании и что мне будет послана помощь. Однако я не имею ни малейшего представления о том, что именно я должен сделать.

Манфу как-то странно посмотрел на меня, потом начал медленно ходить по гостиной, словно бы размышляя о чём-то. Я и Син Чен, всё ещё обнимавшая голову Тянь Ся, не отрывали от него глаз.

– Главный вопрос – какова природа этой закрепки, – резко остановился Манфу. – Почему жертва *должна умереть*? То, что Тянь Ся называла магией, не вяжется ни с какими законами физики, но здесь речь идёт о существовании физического тела. Не противоречие ли? Магия, о которой говорили старуха и страж, имеет нематериальную природу. Даже вызванный в физический мир, страж не мог привести нас к мгновенной смерти, он лишь посылал нам все эти изощрённые образы и эмоции, которые изматывали нас. Это было мощное внушение, однако оно оказывало влияние лишь на работу мозга... Муж Тянь Ся ведь тоже не был убит стражем – он сошёл с ума от галлюцинаций, которые порождает демон в его голове. Сознывая безвыходность своего положения и зависимость от злого духа, он сам наложил на себя руки.

Манфу нервно теребил бородку, осыпая одежду чешуйками крови.

– Демоны незримого мира словно бы вводят нас в транс, внушают нам иллюзии, неотличимые от действительности, и в зависимости от поставленных целей порождают тот или иной отклик наших тел. Но это не прямое воздействие, это именно внушение. Как цыганка на улице может внушить прохожему, что он должен отдать ей деньги, – но её не назовёшь воровкой, потому что жертва сама тянется за кошельком.

Манфу говорил всё энергичнее.

– Когда я служил в... назовём это армией – я упоминал об этом, Аньпин, ещё по дороге из Шанхая... Так вот, когда я служил в армии и имел дело с контрразведкой, нас обучали основам гипноза, потому что высшим шиком тогда считалось умение выпытывать тайны через погружение жертвы в транс. И нам объясняли, что любой человек беззащитен

перед гипнозом, вопрос лишь в том, насколько мы *сами* хотим быть загипнотизированными. Некоторые из нас, владевшие приёмами внушения на высоком уровне, специально создавали вокруг себя ореол загадочности: маскировались под знатоков традиционной медицины, странствующих монахов, астрологов, да под тех же цыган азиатского происхождения... Жертва, подсознательно ожидающая чего-то чудесного при встрече с таким персонажем, заранее предрасположена к более лёгкому воздействию на левое полушарие мозга. Хах!

Услышав привычный кашляющий смешок, я воодушевился: японец, похоже, оправлялся от недавних потрясений.

– Так произошло и с нами в этом доме, – продолжал он. – Мы с такой готовностью ожидали от силового поля информации, вдохновения... что сами сделали себя предрасположенными к внушению, ходили по дому как в трансе, – и угодили в лапы тёмных сил. Вся эта магия, о которой мы слышали... несмотря на то, что источник её представляется непостижимым, но... её воздействие напоминает мне колоссальный по силе коллективный гипноз. А потому я думаю – только предполагаю, – что закрепка в сознании Аньпина имеет схожую природу. Страж что-то внушил ему, как-то воздействовал на его подсознание, так что получилась связка между той иллюзией, которую мы продолжаем видеть за порогом дома, и жизнью юноши. Я чувствую, ключ где-то здесь. И если я прав, то источником иллюзии сейчас, когда стража не стало, является сознание *самого Аньпина*. Страж запрограммировал его разум транслировать свою собственную энергию вовне. Именно поэтому, если жизнь Аньпина прервётся, – не волнуйся, сынок, мы этого не допустим! – то исчезнет источник иллюзии, и мы снова сможем увидеть мир таким, какой он есть. До этого мы, даже зная иллюзорность видений, всё равно продолжаем в них верить. Не сомневаюсь, мы погибнем по-настоящему, ступив за порог в этот мрак, который ждёт нас снаружи.

– И что же ты предлагаешь, Манфу? – спросила Син Чен. Судя по её лицу, она мало что поняла в прозвучавшей тираде. Впрочем, как и я.

– Я погружу тебя в гипноз, сынок, – заглянул мне в глаза Манфу.

Мне стало вдруг очень-очень страшно, ладони и ступни похолодели. Через полуприкрытую дверь сиреневый ветер донёс отвратительный запах спирта и хлорки.

– И что ты будешь мне внушать? – неуверенно спросил я. – Что я расслаблен, ни о чём не волнуюсь, все чары развеялись, я больше не могу транслировать на вас магию стража?

– Можно попробовать, – замялся Манфу, – но не думаю, что это будет так легко... Это не психологическая проблема, да и я не врач. Но я могу *направить* тебя на решение задачи. Закрепку в своём сознании, этот ключ от иллюзии, тебе придётся отыскать самому.

– Я уже был под гипнозом, – одними губами сказал я. – Врач... тоже с бородой, как и ты, Манфу... Я не помню, когда, не знаю, для чего... Дух мужа Тянь Ся заставил меня вспомнить, что однажды, ещё в России, врач погрузил меня в сон и что-то сделал со мной. Неправильное. Я вспоминаю теперь об этом – и мне страшно.

– Ты был под гипнозом? – Син Чен уставилась на меня. – Что ж ты не сказал? Врач? Психотерапевт? Он тебя что, лечил от какого-то расстройства? Нам ни в коем случае не следовало отменять чай с линьжи... Что с тобой произошло, Аньпин?

– Говорю же я: НЕ ПОМНЮ! – услышал я собственный крик. Моя рука сжалась в кулак, мне показалось, что я вот-вот ударю Син Чен.

– Я лишь пытаюсь найти выход, – развёл руками Манфу, с опаской поглядывая на меня, как будто не узнавая. – Можете сами предложить что-то получше? Понимаешь, единственное, что я умею в этой всей гипнотической деятельности, – так это погружать человека в сон, полноценным гипнозом я не владею... Сон и транс близки по природе, и всё же усыпить человека проще. Обычно различают глубокий и поверхностный сон, но есть и иные виды, в частности – тот уровень погружения, на котором происходит осмысленное *управление* сновидениями. Люди редко испытывают такие состояния сознания, когда творимая во сне действительность находится под их контролем. Некоторые медитативные практики способны развить подобные типы сна. Гипнотизёр так же может повлиять, на

сколько глубоко сознание внушаемого будет погружено в дремоту. Я могу ввести тебя в состояние управляемого сна, Аньпин, и твоя рефлексия увеличится экспоненциально...

– Дух мужа Тянь Ся сказал, что мне будет дана поддержка, – проговорил я, – но он не уточнил, в каком состоянии сознания я должен копаться в себе в поисках закрепки. Меня тошнит, Господи... Может быть, лучше мне умереть, чем снова... Но... я позволю тебе усыпить меня... папа. Я доверяю тебе... и я очень устал...

Кажется, я бормотал ещё что-то – может быть, по-русски. Я не был уверен, что Манфу понимает меня.

Японец присел на корточки передо мной:

– Мы должны вместе сформулировать вопрос, ответ на который ты будешь искать, путешествуя по своему сознанию.

– Я чувствую в себе нечто постороннее и неправильное, – попытался объяснить я, – как будто узел смутных предчувствий, проблема, которую я не могу решить, потому что не знаю, элементарно, в чём её суть. Я чувствую её как нечто... белое... большое, как кит... Я чувствую страх. Белый ужас при одной только мысли о том, *что там такое* внутри меня.

– В таком случае, – Манфу запустил пальцы в пышную шевелюру с заметной проседью и почесал затылок, – есть смысл спросить себя, *где* в твоём сознании находится этот узел.

– Или, – подала голос Син Чен, – следует искать ответ на вопрос, *что* странного, неправильного, *страшного* заключено в тебе?

– И сколько же всего тёмного, неразрешённого и мучительного мне нужно будет пролистать в своём сознании, чтобы наткнуться на искомую проблему?

– Парень прав, – нахмурился Манфу. – Эти вопросы никуда не годятся, они слишком пространны.

– У нас нет ни малейшего представления о том, на что может быть похожа эта самая закрепка, – пожала плечами Син Чен. Обсуждение было ей на пользу, потому что помогало отвлечь от мыслей об умершей Тянь Ся. – Возможно, следует задать такой вопрос: «*Что* в моём сознании *не принадлежит* мне?»

– Этот вопрос мне нравится больше, – щёлкнул пальцами Манфу и снова запустил пятерню в волосы. Кажется, он сам не замечал, как его рука странствует по голове, нервно почёсывая то лоб, то затылок, то подбородок. – В конце концов, со своими проблемами, какими бы неразрешимыми и мучительными они ни были, ты, так сказать, сжился... а вот с тем, что поместил в тебя страж, тебе приходится иметь дело впервые. Прежние противоречия стали для тебя теперь старыми друзьями – ты знаешь их в лицо: какими бы гадкими они ни были, но они всё-таки *твои*. Да, сынок. Постарайся найти нечто *инородное* в себе и избавиться от него. Помолись, в конце концов. Молитва помогает сконцентрироваться.

– Не только страж, – прошептал я.

– Что? – хором спросили Манфу и Син Чен.

– Ты сказал, папа, что нечто инородное во мне – это то, что поместил в меня страж. Я говорю: не только страж. Что-то уже было спрятано в моём сознании раньше, до моего приезда в Китай. Я не знаю, связано ли это с закрепкой стража, но муж Тянь Ся предупреждал меня... тот врач, о котором я только сегодня вспомнил, что-то нарушил во мне, из-за чего я стал лёгкой добычей для демонов. Господин Фэн, его дух... назвал это трещиной в сознании. Чтобы уничтожить закрепку, мне придётся найти эту трещину... А в ней, я чувствую, будет крошечный страх.

Друзья смотрели на меня с тревогой и участием, переглядывались, но не находили слов.

– Хорошо, – протянул я. – Я погружусь в сон, которым я буду управлять, и вопрос, с которым я засну: «*Что* в моём сознании *не принадлежит* мне?» А дальше – действовать по обстоятельствам. Так?

– Получается, что так, – вздохнул Манфу. – К сожалению, я мало разбираюсь в

гипнозе... Единственное знаю: обретя путь к своей цели, старайся уже с него не сворачивать, иначе обрести его вновь окажется непросто. У тебя будет сон и у тебя будет цель. Возможно, это наш единственный шанс выбраться отсюда. Ты сможешь сделать всё как надо, я уверен в тебе. Ты человек, любящий жизнь и людей, ты закрываешь бреши между нашим миром и миром зла. Ты победишь, потому что ты – светлый.

Я понимал, что Манфу говорит от всего сердца, но я не верил ему. Меня трясло от страха, как, наверное, бывает с людьми на операционном столе или с неизлечимо больными... Но от меня зависела не только моя жизнь, но и жизни Син Чен и Манфу. Мы не могли находиться в доме вечно; рано или поздно мы бы умерли от голода. К тому же, если верить Тянь Ся, другие стражи могли «пробудиться» и каким-то образом проникнуть сюда...

– Не будем тянуть, – услышал я собственный лишённый эмоций голос, как будто говорил автомат. – У меня нет сил, я передаю себя в твои руки... Надеюсь, этот сон не станет вечным.

– Хорошо, сынок, – сказал Манфу. – Теперь ляг поудобнее и расслабься.

Я вытянулся на полу, но Син Чен вдруг подскочила и побежала наверх, приказав дожидаться её. Она принесла одеяло и заботливо постелила его на полу. Так действительно было комфортнее и теплее. Я хотел поблагодарить её, но не смог разжать зубы. Так, вероятно, чувствуют себя висельники за минуту до...

Что было силы я зажмурился и поклялся себе больше не открывать глаз, пока не усну. Но темнота сомкнутых век была невыносима, и я тут же распахнул глаза, не веря, что ещё жив.

– Спокойно, спокойно, – прошептал Манфу. Его руки легли на мои запястья и массирующими движениями начали медленно скользить вверх – от ладоней к предплечьям. Это было неожиданно – ощутить такую нежность, исходящую от его пальцев. Морщинки разгладились на моём лбу, веки налились тяжестью.

Манфу бормотал что-то успокаивающее, но я не разбирал слов. Веки сомкнулись сами собой, я уже не мог их открыть. Я был заперт внутри своей кожи, я чувствовал удушье, я не мог пошевелиться. В бордовой темноте век, похожей на кровавый океан, маячил белый сгусток, и я падал, падал прямо в него.

Господи, спаси. Господи, Господи, спаси. Яко Твое есть Царство, и Сила, и Слава...

– Ты спишь, – всплыл голос из гула кровавых волн, – ты видишь сон о самом себе. Ты хозяин своего разума, хозяин своего сна. Ты ищешь ответ на вопрос: «Что в моём сознании не принадлежит мне?» Ты видишь управляемый сон.

Знал бы Манфу, куда он отправляет меня... Знал бы он, что я сейчас всё равно что умираю...

Багровая пучина захлестнула меня, и щупальца белых волокон раскрылись в ней, как цветок, цветок ужаса и смерти. Красное стало белым, и больше не было ничего.

2

Я знал, что сплю, но не знал способа прервать этот сон, и оттого с каждым мигмом он казался мне всё более реальным.

Я был в белой комнате с красной дверью. Я сидел за белым столом. Его можно было хорошо разглядеть: шероховатую, плохо оструганную столешницу покрывал толстый слой краски или... кожи. Я провёл рукой по столу и ощутил его неровную поверхность под подушечками пальцев. Кое-где прощупывались уплотнения, как если бы стол был живым, и это были его лимфоузлы. Образ был зыбким, и лишь сфокусировав на нём взгляд, я мог рассматривать отдельные фрагменты, всё остальное при этом становилось размытым, как на фотографии с глубоким боке. Предельная реалистичность тактильных ощущений сбивала с толку. В замешательстве я оторвал взгляд от стола.

Напротив меня сидела молодая китайка удивительной красоты. Её белое кружевное платье сливалось с цветом стола и стен, кожа и даже губы казались снеговыми, и только

чёрные волосы и раскосые, обрамлённые загнутыми ресницами глаза резко контрастировали с однообразной палитрой. Я пожелал, чтобы на столе между нами появились цветы, и в этот же миг изящная ваза с букетом красных маков возникла из ниоткуда.

– Мои любимые, – сказала она.

Мои губы растянулись в довольной улыбке. Я протянул руку и положил ладонь поверх её белых пальцев. Мне хотелось сказать что-то приятное, чтобы понравиться ей; похоже, это был сон о любви...

– Кто ты? – спросил я.

Девушка не ответила, но в этот же миг я понял, что знаю её. Конечно, это могла быть только Тянь Ся во времена её молодости – кажется, такой я и видел её на фотографиях. Почему я впустил этот образ в свой сон?

Я увидел зияющие дыры на месте только что смотревших на меня чёрных девичьих глаз. Глазная жидкость, слёзы и бледная, почти белая, кровь стекали по лицу китайской красавицы, но тень улыбки играла на её бескровных губах. Я взглянул на её пальцы и отдернул руку. Длинные миндалевидные ногти девушки были перепачканы в белой крови и жидкости, вытекшей из её глаз. Она сама, своими руками ослепила себя.

– Зачем ты это сделала? – прошептал я.

Девушка подняла руку и вставила указательный палец в свою левую глазницу. В вену на её запястье была вставлена игла, прозрачная трубка тянулась от неё и вращалась в стол. Я слышал негромкий скрип, когда палец целиком вошёл в череп и ноготь проткнул мозг.

– Смотри внутрь, – прошептала китаянка.

Она резко вынула палец, брызнув на меня белой кровью из пустой глазницы. Грациозно поднявшись, она вырвала иглу из вены, распахнула красную дверь и скрылась за нею. Я поспешил следом, но дверь захлопнулась передо мной. Всё шло как-то неправильно. Я был хозяином сна, но терял над ним контроль.

– Слушайся меня! – обратился я не понятно к кому и прошёл сквозь дверь.

Я снова был в тереме в горах, на первом этаже, в гостиной. Здесь никого не было... кроме молодой Тянь Ся. Поджав ноги, она сидела возле дальней стены, и тонкие лучи пронзительно-белого света, рвущиеся из её глазниц, били мне в лицо. Подавляя нарастающий ужас, я обратился к ней:

– Покажи мне... постороннюю вещь в моём сознании. Может быть, *это ты сама и есть?*

– Я лишь отголосок твоего страха, – металлическим басом ответила девушка. Её рот открывался так широко, что нижняя челюсть доставала до груди. – Я память. Память света. Следуй дорогой белого ужаса и не сворачивай. Малейший шаг в сторону сведёт тебя с ума.

Её рот распахнулся в беззвучном крике, и он растягивался до тех пор, пока нижняя челюсть не выросла в пол.

– Ты ведь не Тянь Ся, верно? – догадался я. – Кто же ты?

– *Гуй*, – проревел кошмар. Длинные чёрные волосы струились по белому платью, в растянутом до пола рту, как черви, колыхались обрывки прозрачных трубок.

Гуй. Персонаж китайской демонологии – вернувшийся с того света дух умершего... Почему это китайское слово ворвалось в мой сон? Откуда в моём сознании вообще возник образ девушки с волосами на лице? Как будто моё подсознание не могло изобрести ничего иного и столкнуло меня с персонажем популярного ужастика...

– Исчезни, – скомандовал я, и *гуй* растворился в воздухе. Но в тот же миг дом содрогнулся под натиском мощных ударов. Изгнанный *гуй* ломился обратно. Я приказал дверям и окнам закрыться; по моей воле вся мебель в комнате двинулась к возможным местам проникновения злого духа, загораясь каждый проём, каждую щель... Мебели было недостаточно, и я создавал из пустоты всё новые и новые комоды, столы, шкафы и стулья. Вдоль стен выросли баррикады, но этого было мало. *Гуй* ломился сквозь пол и потолок.

Древние доски дома трещали под диким натиском, и шаг за шагом я отступал к лестнице. Удары становились всё злее, сквозь пол пробивались скрученные, как мангровые коряги, белые руки с длинными пальцами, слепо хватавшими воздух. Рук становилось всё больше, на их ладонях я различил круглые пасти, в которых спиралевидными рядами уходили вглубь ряды мелких акульих зубов. Я сделал шаг на нижнюю ступень лестницы, но дерево под моими ногами проломилось, и цепкие, как терновник, пальцы обхватили мои ноги, а зубастые рты на ладонях распахнулись и закричали на разные голоса, подбираясь ко мне. Я упал спиной назад и, опираясь локтями о ступени, а ногами отбиваясь от бесчисленных рук *гуя*, пополз наверх.

Вырвавшись из хватки кошмара, я побежал по лестнице, а новые руки пробивались наружу рядом со мной. *Гуй* преследовал меня, и в то же время куда-то меня направлял... Но ни на секунду не сомневался я в том, что, попади я в гущу этих демонических рук, безумие, сторожащее в глубинах подсознания, моментально охватило бы меня – и я бы проснулся сумасшедшим.

Оказавшись на втором этаже, я хотел бежать туда, где в реальности находилась моя комната, но в затемнённом коридоре возникла белая девушка с чёрными волосами. Она скользила ко мне, протянув кровавые пальцы. Сквозь половые доски хлынула кровь, на глазах меняющая цвет на белый. Я вновь ступил на лестницу и побежал выше, преследуемый призраком. На третьем этаже пола не было, под ногами кипело алое безумие, но приливы белых волн повсюду теснили красную пучину. Оступаясь и скользя, я перелез через перила, чтобы продолжить подъём. *Гуй* гнал меня на самый верх, в комнату Тянь Ся.

Белый призрак был у меня за плечами, и её ногти впились в мои плечи, когда я упёрся в закрытую дверь наверху. Обернувшись в панике, я увидел перед собой её лицо. У призрака больше не было волос, только гладкий белый череп. На плоском лице манекена не было ни глаз, ни рта.

Заставив себя пройти сквозь дверь, я проник в комнату. *Гуй* остался снаружи – я слышал, как скребут по дереву острые ногти, как глухо бьётся в дверь лысый череп.

В комнате царил тьма. Длинные шторы до пола укрывали стену передо мной. Отодвинув их, я увидел пролом в стене, из которого в комнату проник слабый свет: где-то далеко в ночном мраке светились огни неведомого города. Этот свет выхватил из темноты то, что находилось в комнате: гниющие растения в расколотых горшках, перекошенные полки и странные вещи на них, которые я никак не мог рассмотреть. Все предметы в комнате были опасны – я чувствовал их ненависть, их голод... Каждый из них был по-своему жив и безглазым взглядом наблюдал за мной.

Под натиском *гуя*, поселившегося в стенах и предметах этого дома, брёвна и доски трещали вокруг меня, всё здание ходило ходуном. В этот миг я понял, что *гуй* в моём сне – это не только безумие, живущее в моём подсознании, но и проекция реальности, в которой находилось моё тело. *Гуй* был как-то связан с заклитием, наложенным на дом. Может быть, не самой крепкой, но... трещиной, о которой говорил господин Фэн? Трещиной, в которую влилось проклятие стража?

Я чувствовал: оставаясь здесь, я продолжал быть как бы *внутри* заклития. Мне нужно было найти его источник, а значит – вырваться *наружу*.

Да, я не случайно был загнан сюда, в эту комнату. Здесь скрывался эпицентр кошмара, охватившего дом, – я увидел его, подняв голову к потолку. Белая туша морского чудовища вросла в потолочные балки и, мучительно извиваясь, била раздвоенным китовым хвостом. Чудовище было мертво, остался только скелет, обтянутый обрывками человеческой кожи, но неведомая мука приводила его в движение. Распарывая кожаный саван, проступили три человеческие головы со вскрытыми черепными коробками, в которых вибрировал обтянутый радужной плёнкой мозг. Головы кривили беззубые рожи, а из разъявленных ртов вытянулись длинные жала, нацеленные мне в лоб. Всё пространство комнаты – теперь я увидел это отчётливо – было опутано белыми волокнами, поддерживавшими чудовище на весу. Только пролом в стене был свободен от сети безумия, раскинутой вокруг. И когда

зубчатые жала рванулись ко мне, я прыгнул вперёд – и вылетел из пролома за пределы одержимого дома.

На лету я вообразил сугроб, который встретит меня внизу, и безболезненно опустился в него. Снаружи было холодно, но воздух был свеж и чист. Выбравшись из сугроба, я побежал в сторону далёких огней, прочь от безумного терема, который полностью перешёл во власть *гуй*. Окна и двери, превратившись в подвижные деревянные пасти, ревели мне вслед и протяжно звали меня: САЖА-САН!

Так называл меня дух любви господина Фэна. И это странное, не понятно откуда возникшее прозвище знал *гуй*...

Назад пути не было. То, что невозможно было сделать в реальности, я совершил во сне. Покинул пределы дома.

3

Мой путь лежал через лес, густой и тёмный. Сросшиеся стволы деревьев преграждали путь, их корни обвивали землю под ногами. Я подумал об источнике света, и сияние пролилось из моих глаз. Это был не тот мёртвый свет, который бил из глазниц безликой девушки, а тёплые лучи моего разума.

Я заметил, что ветви деревьев вывернуты в сторону дома. В ту же сторону дул невесть откуда взявшийся сырой ветер, пахнувший плесенью и хлоркой.

Пройдя немного вперёд, я увидел первых зверей.

Крысы. Взъерошенные и дикие, с надрытами в слипшейся шкуре, из-под которых проглядывали зелёные кости. Посередине головы у каждой крысы виднелся вертикально расположенный белый зрачок. Крысы были мертвы, но сила *гуй* призвала их к жизни. Они шныряли под ногами и норовили укусить меня за пальцы: как оказалось, я был босиком. Крысы становились агрессивнее, и я придумал себе высокие сапоги из твёрдой кожи – такой, какую не могли прокусить резцы животных. Крысы не задерживались. Сделав попытку напасть, они продолжали свой путь. Их призывал безумный терем и поселившийся в нём *гуй*.

К грызунам присоединились ежи и куницы, насекомые и змеи. Все они имели явные признаки разложения, и у каждого во лбу был немигающий вертикальный глаз, позволявший им видеть их цель – логово белого страха. Животных становилось больше, и вскоре идти стало невозможно. Спасаясь от их укусов, я постарался воспарить над деревьями, но стаи мёртвых птиц набросились на меня с воздуха и прижали к земле.

Появились более крупные звери – собаки и волки, лисы и медведи. За ними следовали тигры и слоны. Эти горы гниющей плоти, на ходу сползавшей с массивных скелетов, ломали ветви деревьев, застревали между стволов, давили своих более мелких собратьев. От нескончаемого шествия и от гулкого рёва, доносившегося из дома, невозможно было укрыться, и я, обхватив голову руками, вжался в корни одного из деревьев, и дерево продавилось подо мной, потому что и оно давно было мертво. Я провалился сквозь ствол, и каскад трухи, изъеденной личинками и жуками, посыпался на меня. Ворох гнилой коры и истлевшего мха завалил глаза, забил ноздри и рот, но в этот момент кто-то схватил меня за руку и потянул вверх, выше и выше.

Этот подъём казался бесконечным. Я ничего не видел, понимал только, что мы взлетаем куда-то очень высоко, над вершинами погибшего леса, над одержимым теремом, куда-то за облака.

Мы зависли в воздухе, я стяхнул с лица грязь и посмотрел вниз. В темноте мало что можно было разглядеть, но я видел, как под нами шевелится лес, слышал, как топчут по нему шеренги зверей, как скрипят трухлявые стволы, волоча свои корни – все в сторону проклятого терема. Мимо пролетали облака, обдавая жаркими волнами хлора; долетев до дома, они закручивались в вихре, образуя над зданием белую воронку.

Мой спутник, державший меня за руку, был одет в развевающиеся красные одежды. Его одеяние напоминало широкую *маньи* тибетского монаха, но было куда более ярким. Его

лицо скрывалось в тени капюшона, и только мягкие, знакомые черты проглядывали сквозь полумрак. Рука его была горяча.

Он легко потянул меня – и мы полетели в сторону горящего ночными огнями города.
– Кто ты? – крикнул я ему, но ветер погасил мой голос.

Небо над городом было свободно от туч, а над самыми высокими из его зданий возвышался силуэт треугольной горы, чья ледяная вершина тонула в ночных небесах. Ветер становился свежее и холодней, зловонные тучи и мёртвый лес остались позади. Провожатый сильнее сжал мою руку и увлёк меня вниз. Пролетев мимо светящихся окон высотных домов, мимо ночных мостов и пустынных улиц, мы приземлились на площади с фонтаном. Звонкие струи были подсвечены цветными прожекторами, скрытыми под водой.

Человек в хитоне сказал:

– Тьма страха осталась позади. Страх смерти, тёмные мысли, страсть к саморазрушению, живущая в каждом из смертных... Ты что-то забыл, и утраченное вернулось к тебе. Страж Дороги Ангелов запятнал твою высшую сущность, и внутренняя тьма срослась с его проклятием. Но теперь ты в городе огней, городе сознания. Ты должен пройти через город и заблудиться в нём, забыть себя, чтобы обрести путь к вершине, на которой обитает дух. Я буду ждать тебя там.

– Но кто же тогда *ты* и кто *я*?

– Ты – представление воли, странствующей между мирами. А моё имя не скажет тебе ничего, ибо оно чудно, – был ответ.

Странно знакомый спутник вскинул руки и исчез, не дав мне сказать ни слова.

Я остался один в городе, на улицах которого не было ни души. Фонтан бил в тёмные небеса, и я разглядел в нём мелькание моих мыслей и надежд. Я двинулся вперёд – наугад. Город искрился, город манил погрузиться в него, стать прохожим на его улицах. Город был строг в незыблемом совершенстве, торжестве прямых линий, мелькании электрических огней. Здесь не было места злу и смерти. Это был вечный город, не страшщийся бега времени и мечтающий крышами зданий сравняться с ледяной вершиной горы.

Я шёл налегке. Временами знакомые мелодии приходили на ум, и я начинал тихо напевать их, подстраивая пение под ритм великолепного мегаполиса. Мои мысли были безмятежны, дыхание ровно. Я помнил всё, что когда-либо происходило со мной в жизни, и тогда, во сне, я ясно мог видеть сюжет собственной судьбы, такой логичный, простой и полный смысла... Я знал, что произойдёт со мной в будущем, видел лицо своей жены, помнил имена и даты рождения своих детей; я знал, в каком возрасте ко мне придёт смерть, какой она будет и что случится потом – там, где последняя встреча разомкнёт все круги. Да, я вспомнил и тебя, мой Светлячок, мой страх. Письма, спрятанные между заклеенных страниц... Я вспомнил о тебе случайно, без прежнего отчаяния и боли. Незыблемость города гарантировалась вечной твердыней горы над ним, тьма ужаса осталась позади. Жизнь, прямая как стрела, была проста: не сотвори зла, будь честен в шахматных играх судьбы; и всегда играй белыми, каждый раз вольно делая первый шаг на пути к себе. И тогда белое окрасится в красный цвет.

С улыбкой я позволил себе отпустить мысли, отпустить тот пучок идей, который я связывал с образом самого себя. Это было так просто – раствориться в каскадах огней, в их дробящихся отражениях на глади каналов и рек, и вместо голоса желаний и пения воли слышать лишь гудение электричества и гулкой шум прибоя, доносящийся с близкого морского побережья. Это было так просто – забыть о том, что ты один, и переливаться сознанием в собственные отражения в стёклах витрин и окон. Теряя себя с каждым шагом, я прошёл через пальмовую аллею и тропический парк, воздух которого трепетал сладкими ароматами. Я не разбирал пути, не знал, как долго мне предстоит идти и где будет ждать ночлег. Само понятие «Я» потеряло смысл, как утратили значения слова всех земных языков.

И когда ноги привели меня к стеклянным дверям телевизки, перевитой гирляндами неоновых ламп – самого высокого из зданий в городе, – я с покорной улыбкой вошёл внутрь. Зеркала и металлические поверхности, украшавшие вестибюль, отражали моё лицо, но

каждое отражение было не похоже на другие – и я приветливо кивал бесчисленным двойникам.

Двери лифта открылись передо мной, я вошёл внутрь. Лифт поднял меня наверх, и его стремительный взлёт избавили меня от остатков самосознания. Было бы стыдно подняться *наверх*, держа в руках то ненужное и странное, что я привык считать собой...

Когда двери открылись снова, ослепительный свет ринулся мне в глаза. Из тьмы подсознания, из ночи сознания, вычерченной неоновым светом, я попал в мир бесконечного дня, где не было прямых линий, острых углов и теней, где был только лёд и холодное торжество высоты.

То место, где я оказался, не было вершиной горы. Здесь царствовал снежный буран, и в его серебряном мареве не было видно ни зги.

Я вышел из кабины лифта, и двери закрылись за мной. Когда я обернулся, никакого лифта не было, лишь плотная стена закрученного вихрем серебряного снега... Я пошёл наугад, слепо ступая по скрипучим сугробам. Я уже не помнил ни прошлого, ни будущего, не помнил своего имени; я забыл, что всё это лишь сон. И когда впереди, в самом сердце бурана, я различил силуэт человека, идущего мне навстречу, ни радости, ни удивления не родилось во мне. Это был тот самый провожатый, который вывел меня из мёртвого леса, но на этот раз его одежды были черны, а капюшон откинут. Он протянул руку и коснулся моей груди. Я всё понял. Понял, что требовалось сделать. Он улыбнулся мне, и я узнал, что мы встретимся снова, но время нашего воссоединения ещё не пришло. И когда я в ответном движении положил руку ему на грудь, он растворился в снегопаде, оставив после себя стайку прозрачных существ, плавно опустившихся возле ног. Они были подвижны и легки, как шёлк, они были сказочно хороши, эти маленькие друзья, хотя зрение и не могло ухватить их очертаний.

– Кто вы? – спросил я их и услышал в ответ тихий смех.

– Мы – провожатые на Дороге Ангелов, мы ведём тех, кто чист сердцем и кого не смогли уловить стражи.

– Разве можно миновать стражей? – удивился я.

– Стражи – ткачи иллюзий и мастера сетей, – прозвенели голоса. – Никто не попадает в их ловушки против своей воли.

– Выходит, мы все были недостаточно чисты, когда страж явился к нам?

– Чтобы быть чистым сердцем, надо сначала его обрести, – прозвенели голоса. – Хрупкость ангела прочнее гранита, и обретение стоит утрат, а дух веет где хочет. Мы знаем о горестном положении людей, и мы печалимся каждый раз, когда сердца в комнатах из янтаря и жадеита остаются ненайденными. Но в садах бесконечных гроз каждому даётся новый шанс и новая встреча, поэтому мы никогда не плачем. Мы поможем тебе пройти к вратам Дороги Ангелов, чтобы в следующий раз, обретя своё сердце, ты смог проделать этот путь сам.

Прозрачные создания кружились у ног, и я двинулся вперёд, увлекаемый этой весёлой стайкой. И там, где мы шли, снег был упруг и ровен, а буран расступался перед нами, образуя воздушный коридор спокойствия, словно мы шагнули в зону, называемую «глаз бури», и она перемещалась вместе с нами.

Сквозь серебряный вихрь я начал различать контуры массивных фигур, стоявших вдоль нашего пути. Это были огромные застывшие изваяния, будто высеченные из серовато-белого камня. Я видел человеческие фигуры с множеством рук, беспорядочно растущих из тела; силуэты существ, чьи тела, включая конечности, целиком состояли из голов и лиц; сидящие на земле подобия людей с глазами на ступнях вывернутых ног; я видел крылатых животных и покрытых чешуёй птиц... Аллея чудовищ казалась бесконечной, и за силуэтами тех, кто находился вблизи, просматривались очертания тех, кто стоял за их спинами. Неподвижным взглядом сфинксов гиганты провожали нас. Некоторые из чудовищ, казалось, были готовы пробудиться – я слышал, как к гудению ветра примешивается звук их тяжёлого дыхания. У некоторых существ подрагивали головы, будто гиганты старались напрячь

онемевшие мускулы и восстать от каменного сна.

– Надо спешить, спешить, – зашебетали провожатые. – Это стражи иллюзий, это мастера сетей, и они почувствовали твоё приближение. Если мы не будем достаточно быстры, стражи проснутся безумными, сломают стены льда и погубят цветок твоего духа!

– Почему они здесь? Разве это место не должно быть чисто от зла? – ускорая шаг, спросил я.

– Ты сам поставил их тут, – грустно прозвенели хрустальные голоса. – В далёкие времена ты, обманутый странником с далёких звёзд, сам пригласил их войти и, как на шахматной доске, выбрал место для каждого из них. С тех пор в мир проникла смерть, а на высотах сознания сторожат мастера сетей. Каждая душа человеческая хранит их образы, как кожа хранит след клейма.

Страшное дыхание доносилось теперь со всех сторон. Я утратил недавнюю безмятежность и побежал.

Наша дорога, казалось, была проложена по ровной плоскости, и при этом мы с каждым шагом поднимались выше. Воздух становился прозрачнее, буран сходил на нет. И когда пронзительная синева проглянула сквозь облака, я увидел впереди сияющую тьму ледяного обелиска.

Его очертания терялись в ослепительном чёрном свете, и, похожий на прямоугольный провал в бесконечную ночь, обелиск возвышался среди серебряного и голубого пространства. Белые гиганты вдоль дороги приходили в движение и издавали протяжные стоны, силясь стряхнуть путы сна. Паника коснулась моего сердца. Нет, не я был их главной целью, а чёрный обелиск впереди. Окружённый этим страшным светом, он был уязвим, и стражи жаждали сломать его, добраться до сокровенного сердца моей души, скрытого внутри.

Он был похож на тёмную *трещину*, этот обелиск.

Я бежал так быстро, как только мог, я раскинул руки и полетел, окружённый маленькими провожатыми, чьи голоса звучали испуганно. Мы не успевали: стражи оживали один за другим, их белые руки, покрытые зубастыми ртами, глазами и лицами, тянулись к нам. Земля содрогнулась и облака снега взметнулись вверх, когда гиганты двинулись вперёд, сужая воздушный коридор, по которому мы летели. Маневрируя между их гротескными телами, избегая цепких лап и клыкастых пастей, мы приблизились к обелиску настолько, что я смог рассмотреть его контуры.

Это был всё тот же китайский терем, в котором находилось сейчас моё тело, но его стены были сделаны из льда, и этот лёд источал ослепляющий зрение и рассудок чёрный свет. В глубине прозрачных стен я видел очертания огромного цветка, прекрасного и, несмотря на его размеры, невообразимо хрупкого. Цветок был сокровенной сущностью моей души; его стебель и полураскрытый алый бутон вмёрзли в чёрный лёд. Корни цветка, древние и мощные, как корни дуба, уходили в фундамент дома и врастали в твердь вечной мерзлоты.

Минуя полчища стражей, мы влетели в распахнутые ледяные двери, и крошечные провожатые захлопнули их. На мгновение звенящая тишина окутала нас. Но стражи снаружи, чьи контуры были видны сквозь ледяные стены, обрушили на дом мощные удары, и первые трещины заструились по чёрному льду. Если дом рухнет, надежды спасти цветок не останется, и с его гибелью моя душа будет вычеркнута из памяти мира.

В обступившей темноте только зыбкие тела моих провожатых источали серебристое сияние, но и оно было бессильно перед чёрным огнём, струившимся из стен ледяного дома. Подобно белым светлячкам, маленькие создания кружили вокруг меня, и, увлекаемый ими, я побежал по лестнице наверх, потому что моя цель находилась на последнем этаже.

Дом дрожал от ударов, я слышал, как откалываются куски льда, разбиваются окна, трещит пол... Стебель вмёрзшего в лёд цветка мелькал передо мной, когда я бежал вверх по лестничным пролётам, и сквозь тонкий слой чёрного льда я видел его зелёные волокна, здоровые и сочные, хранившие тайну тайн, сокрытую во мне, как и в каждом из живущих.

Верхняя комната была лишена окон, за исключением круглого проёма в потолке. В центре комнаты стоял металлический тренажник с шарнирами, на нём располагалось большое выгнутое зеркало, и из него бил луч чёрного света. Зеркало было развёрнуто под таким углом, что чёрный луч был направлен в стену, в лёд которой вмёрз большой глаз. Глаз был живым – я видел пульсацию сосудов в нём и дрожание ресниц, растущих из ледяных век. Луч чёрного света падал в зрачок. У меня под ногами, под слоем гладкого льда, находился полураскрытый алый бутон, и чёрное свечение, распространяющееся от глаза по стенам дома, окутывало его, проникая вглубь лепестков.

Скрипнула железная кровать, прогудели пружины старого больничного матраса. В ноздри ударил запах процедурного кабинета.

– Открой двери,пусти его внутрь, Сажа-сан, – слышу я голос за моей спиной. –пусти его, это врач, он пришёл ко мне.

Прозрачные провожатые мечутся возле ног, я больше не слышу их голосов.

Я отворачиваюсь от тренажника с зеркалом, смотрю на белую больничную кровать. Света лежит на ней. Я забываю обо всём, я снова в России, назад во времени, и она ещё жива.

– Светлячок... Я вспомнил теперь...

– Где ты пропадал? Я так ждала тебя...

Откуда-то доносятся удары и треск.

– Что это за шум? – спрашиваю я.

– Это ко мне, открой им дверь.

У Светы лицо заросло густыми чёрными волосами, я хочу разглядеть его, но никак не могу.

– Я так соскучился, Свет, я так соскучился по тебе... Пусть подождут, я потом им открою. Побудем вместе...

Я ложусь с ней рядом, и кровать скрипит.

– Света, у тебя ведь не осталось волос. И были они не чёрные, а русые...

Её белая рука достаёт из вены иглу. Трубка от иглы тянется к капельнице.

– Это всё из-за тебя, – рычит она и втыкает иглу мне в левый глаз.

4

Мы живём вдвоём в хорошем, тихом месте. В доме с окнами на небо. В небе – стрижи и провода. И будто бы нас не двое, а шестеро. Иногда нас десять. Мы ходим в гости друг к другу в комнаты, мы рассказываем сказки и сны, мы приходим друг к другу во сне, когда соскучимся ночью. Мы поём под гитару, мы читаем книги вслух и по советским картам прокладываем маршруты наших путешествий, размышляем о людях и ангелах, которых встретим...

А потом нас снова двое, и ты больна, и доктор уже в пути. У него холодные руки, я знаю, у него будут холодные руки. Он поросший белым мехом, и всё, на что падает его тень, покрывается инеем, как больничный пол – разводами хлорки. Белый доктор, белая смерть. Я не хочу, чтобы он приходил, но он уже на пороге. Дверь открыта, но доктор ломится через окна и щели в стенах, он очень большой... Его шерсть царапает обои и потолок тысячами игл вросших в его кожу шприцов. Он не говорит. Говорю я, но не помню что.

Если Светлячок будет жить, если Вы спасёте моего Светлячка, я отдам Вам вот это... моё...

Врач протягивает руку, похожую на китовый хвост, протягивает её бесконечно далеко, и его рот раскрывается в форме красного креста. Белого креста. Он пахнет формалином. Моргом. Зубной пылью. Он забирает моё сердце и насаживает его на иглы своей шкуры, как яблоко. Светлячок не дышит, у неё волосы вместо лица. Она не может дышать, потому что у неё волосы вместо лица. У моей, настоящей Светы, совсем не осталось волос... Она умерла. Умерла. Умерла.

Зачем же я отдал своё сердце?

Ледяные иглы шприцов крошатся о стены. У меня дыра в груди и ледяное яблоко вместо сердца. Красные черви артерий пульсируют в нём. Я хочу, чтобы доктор ушёл, но он не уходит, только делает вид. Он просто замер и слился с белой стеной... И Светлячок похоронен в земле, погас, как заброшенный чернозёмом уголёк.

5

– ВПУСТИ ИХ ВНУТРЬ! – ревёт мне в лицо копна чёрных волос.

Я глотаю слёзы, я глотаю огонь.

– Ты – не она, – шепчу я, и прозрачные создания вынимают иглу из моего глаза.

Мне больно, мне нестерпимо больно.

– Прости, я не могу впустить их. Не могу позволить, чтобы кто-то снова отнял у меня память о тебе, настоящей. Я уже почти вспомнил твоё лицо...

– ТЫ – БЕССЕРДЕЧНЫЙ УБЛЮДОК, ТЫ – ПОДЛЫЙ, ТЫ УБИВАЕШЬ МЕНЯ!
ВПУСТИ МОЕГО ВРАЧА!!

– Нет, – отвечаю я и встаю с кровати. – Я раньше не знал, что мы – только свет. Теперь я знаю, что всё поправимо. Я знаю теперь, что смерти нет.

Белые стражи пробивали ледяные стены насквозь, просовывая в них свои когти, клювы и хоботы. Я шагнул в центр комнаты, остановился рядом с тренажером и посмотрел вверх, сквозь проём в потолке. Я надеялся увидеть источник чёрного света, находившийся над домом, некое светило, лучи которого отражало расположенное в комнате зеркало. Но ничего не было наверху, не было даже неба – только сплошное ничто.

И всё же источник чёрного света был наверху. Я убедился в этом, когда, встав на цыпочки, заглянул в выгнутую поверхность зеркала. В том месте, откуда вырывался чёрный луч, были видны ослепительные очертания чёрного солнца, незримого и неведомого, и всё же присутствующего в виде этого отражения. Вот что изменила во мне магия стража: саму сущность энергии, которая питала мой разум и душу. Энергия чёрного солнца была не хороша и не плоха, и цветок духа во мне мог питаться этим сиянием, однако чёрный свет делал уязвимыми стены льда, окружавшие цветок.

Снизу раздался оглушительный треск, дом содрогнулся, накренился и осел. Чудовища проломили стены первого этажа, и что-то огромное вошло внутрь. Тяжело опуская лапы, скребя каменной кожей о лёд стен, оно ползло по лестнице, ломая ступени, – сюда, на самый верх, где был сокрыт бутон чудесного цветка.

– ПОЩАДЫ НЕ ЖДИ, ТВАРЬ, – вскинулся на постели белый призрак с косматым лицом. – МОЙ ДОКТОР – БЕЛАЯ СМЕРТЬ.

Руки тряслись от волнения и страха, когда я прикоснулся к зеркалу и стал медленно его поворачивать. Железные шарниры, поддерживающие его, закрипели. Чёрный луч поменял угол падения, и глаз в стене сомкнул ледяные веки. Чёрное сияние перестало распространяться по стенам дома, но вместе с ним исчезли и сами стены. Я, механизм с зеркалом, мои провожатые, кровать с белым кошмаром, красный цветок и то, что ползло по ступеням наверх – всё это зависло в пространстве тусклой белизны, где не было ни тьмы, ни света, ни жизни.

Я вновь обратился к зеркалу и, наблюдая, как перемещается в нём силуэт чёрного светила, продолжил медленно поворачивать устройство. Мне нужно было найти отражение *другого солнца*. Я вращал зеркало, внимательно разглядывая то, что отражается в нём. Чёрное солнце ушло вбок, и где-то рядом с ним мелькнуло отражение крылатого существа. Я вращал зеркало, ловя глазами отражения таких же крылатых созданий, парящих в вышине. Иногда их тела напоминали человеческие, иногда это были крылатые очи, головы и треугольники, огненные шары и кольца. Рядом с ними парили крошечные создания – в точности такие, которые сопровождали меня, потому что мои маленькие помощники также спустились из этого незримого мира.

Крылатых созданий становилось всё больше, и вскоре я увидел источник белого света, к которому они стремились. Это было солнце, но его сияние не было похоже на

скудный свет солнца Земли. Это был чистый золотой свет. Неведомая радость наполнила меня.

В это время монстр, преодолев подъём, стал ломиться внутрь комнаты, прогрызая клыками своих каменных ртов невидимый лёд дверного проёма. Белый призрак поднялся с кровати и стиснул мёртвыми руками мою шею, но прозрачные помощники обхватили его пальцы, не давая им сомкнуться с полной силой.

Задыхаясь, я сдвинул зеркало ещё немного – и золотое солнце попало в его центр. Луч отражённого света ударил в стену, и глаз открылся в ней, принял восхитительное сияние. Мне кажется – нет, я уверен, – что, вращая зеркало, я в конечном счёте вернул его на прежнее место, так что золотое солнце отразилось именно там, где до этого было чёрное...

Свет разлился от глаза по стенам, и очертания комнаты вернулись. Алый цветок, вмёрзший в ледяные стены, принял в себя золотые волны, ни один его лепесток не дрогнул.

Дом возвращал себе утраченные контуры; дыры и проломы, проделанные стражами, быстро зарастали, и чудовище в дверях взвыло, когда стены золотого льда стиснули его. Головы, руки и щупальца, успевшие за это время пробиться сквозь стены комнаты, застряли в сделанных ими проёмах.

Больничная кровать и призрак исчезли, как и мои маленькие провожатые. Живая, светлая Света улыбалась мне. Я дотронулся рукой до её русых волнистых волос, заглянул в зелёные глаза, и каждое биение сердца во сне возвращало ей забытые черты. Не надо было ни слов, ни слёз, ни утешений, ни прощаний.

Я больше не потеряю тебя, Светлячок. Ты навсегда останешься здесь. Потому что смерти – нет, потому что нас самих – не было. Была только любовь.

И тогда она протянула мне блистающий меч. Красные шнуры свешивались с золотой рукояти, кровавый рубин горел в крестовине.

Я принял меч, и жар разлился по рукам. В радостной, весёлой злобе я принялся рубить отвратительные конечности и головы монстров, вмёрзших в стены. Меч был лёгок и бил без промаха, и с каждым его ударом отсечённые части стражей, падая на ледяной пол, рассыпались брызгами каменной трухи и таяли в сияющем воздухе. Встав перед застрявшим в дверном проёме стражем, восемь голов которого, распахнув акульи пасти, извергали бешеный рёв, я рассмеялся в его безумные очи и одним взмахом срубил все его головы. Лишившись голов, чудовище затихло, но в его чешуйчатой груди, торчащей из дверного проёма, открылась вертикальная пасть и с оглушительным гулом начала втягивать в себя воздух, увлекая меня внутрь. Блеснули каменные рёбра-клыки, но моя Света удержала меня, дав мне время взмахнуть мечом и вонзить его в белое небо чудовища. Страж взорвался облаком каменной трухи, и ледяной меч растаял в моих ладонях.

Дверной проём, который до этого перекрывало гигантское тело, был свободен, но лестница за ним исчезла. От порога протянулся простор небес и облачное море. Плотные облака, подсвеченные сполохами розоватых огней, кружили вокруг столба гудящего пламени. Цепочка малахитовых островков вела от дверного порога к огненному потоку, вокруг которого были видны очертания крылатых существ, нисходящих по нему вниз и восходящих навверх.

– Я нашла свою прядь, – сказала Света и протянула мне волнистый локон. Я обнял её, чувствуя под ладонью тонкую ткань пижамы и упругое тепло талии. От Светы пахло земляничным мылом и ромашковым чаем.

– Я люблю тебя, Светлячок.

– Я люблю тебя, Сажа-сан. Давай, лети. Проживи хорошую жизнь.

6

Прозрачные создания наполнили воздух хрустальным смехом и повлекли меня к огненному столбу. Мы перелетали от одного малахитового острова к другому, и в лучах незримого золотого солнца, в ликующей дымке облаков мимо нас проплывали удивительные видения и струились волны чарующей музыки. Видения перетекали одно в

другое, как кадры из фильма, но одно из них я запомнил особенно чётко.

Паря над облачным морем с воскрыльем ангелов вдаль, я видел образ всадника, чей красный конь летел над земной плоскостью. Всадник был похож на рыцаря из древних легенд, и его жёлтый плащ с круглой красно-белой эмблемой *Инь-Ян* развевался на ветру. В железной рукавице он держал пылающий цветок – подарок для возлюбленной, ждущей его на другом берегу бесконечности. Он летел сквозь ночь, сквозь белую тьму, и горсти созвездий смотрели на него с высот. Всадник мчался вперёд, а его древний враг чёрной тенью кружил в вышине. Раскинув руки, тёмный призрак полз по небу, пожирая звёзды, сомкнувшие вокруг него ослепительную сеть. Он рвался на волю из своей воздушной тюрьмы, протягивал руки к земле, стремясь уловить всадника. Тёмный враг весь состоял из чёрных дыр потушенных его дыханием звёзд, проглоченных им человеческих душ. И самыми сладкими, самыми желанными были для него души всадника и его любимой, между которыми протянулась пропасть смерти, и через эту пропасть должен был перелететь красный конь. Всадник мчался вперёд, и копыта его коня вращали землю, а тёмный враг, мастер сетей и погасших звёзд, полз за ним следом в ночных небесах. И из этой погони высекались искры земного бытия, в их отблесках мелькали осколки телесного мира, зарождались и прерывались жизни, плыли дни и ночи, крутился шар Земли, где за завесой желаний и грёз нет ничего, кроме пыли и света.

Отблески

1

Первое, что я ощутил, – лучи солнца, проникающие сквозь мои плотно закрытые веки. Я открыл глаза. Лучи ослепляли, но всё же казались тусклыми для моего сознания, переполненного памятью о блистающем мире внутри меня. Свет струился через не зашторенное окно, за которым просматривались горные вершины, – а значит, заклятие стража было снято, если только вся эта история от начала до конца не пригрезилась мне. Что это было – смутный сон, навеянный когда-то просмотренными фильмами, прочитанными книгами, увиденными картинами... или настоящее откровение?

Я лежал в постели в комнате, которую мне предоставили мои друзья. Я по-прежнему был в доме в горах, но не мог в тот момент с уверенностью сказать, что из моих воспоминаний было сном, а что – реальностью, где кончалось видение и начиналась настоящая жизнь. И самое главное, были живы Хуршид, Чуань Дзон и Тянь Ся или нет? Во мне теплилась слабая надежда на то, что цепь трагических событий, память о которых хранил мой разум, была лишь иллюзией...

Ход моих мыслей был скомкан острым, мучительным чувством голода. В пустом животе громко проурчало, во рту застрял несвежий запах. Терпя чёрные круги, расплывшиеся перед глазами, я медленно поднялся с постели и, не находя в себе сил натянуть тёплую одежду, закутался в одеяло. Но не успел я подойти к полуоткрытой двери, как она распахнулась и в комнату вошёл Манфу. Его глаза расширились, счастливая улыбка растянулась по его лицу.

– Ты проснулся, сынок! – радостно воскликнул он и, обернувшись, громко прокричал в открытую дверь. – Он проснулся, проснулся!

Манфу кинулся обнимать меня, но я был так слаб, что от его чрезмерного усердия едва не упал. Ему пришлось подхватить меня и усадить на кровать.

– Я очень голоден. И голова кружится.

Японец отдёргнул руки, словно я был хрупкой вазой в музее и он мог неаккуратным движением причинить мне какую-нибудь неприятность.

– Да, да, сынок, сейчас принесу тебе поесть, – засуетился он. – Неудивительно, ведь

ты проспал трое суток...

Я вскинул брови, но Манфу уже скрылся за дверью – было слышно лишь, как его остроконечные ботинки барабанят по ступенькам лестницы. Не успели стихнуть его шаги, как в комнату влетела Син Чен и сразу бросилась мне на шею. В моих глазах потемнело, но я мужественно вытерпел этот приступ нежности, такой нетипичный для сдержанной китайки.

– Мы боялись, что ты умрёшь, – со слезами в голосе воскликнула она. – Иллюзия пропала два дня назад, но ты всё не приходил в себя. Мы дежурили у твоей постели – и вот, стоило нам впервые отлучиться, как ты очнулся! Слава милосердной *Гуань-Инь* и всем *архатам*, ты живой!

– Син Чен, – я сжал в холодных ладонях её тёплую руку, – что произошло после того, как Манфу погрузил меня в сон? И... я правда проспал три дня?

– Ты спал почти семьдесят пять часов, – ответила китайка, поглаживая меня по запястью. – Мы считали каждую минуту, а Манфу не мог привести тебя в чувство. Я боялась, что ты впал в летаргический сон или кому... После того как ты заснул мы начали ждать. Поначалу не происходило ничего, и мы, утомлённые, тоже начали клевать носами. Манфу сполз прямо на пол и уснул, а я полудрёме увидела, как входная дверь распахнулась и в дом из того хаоса, который нас окружал, вошло... нечто. Оно походило на насекомое, наверное, богомола. Совершенно белое, с большим круглым глазом вместо головы, обросшим длинными чёрными волосами. У него в тонком горле была вертикальная щель, откуда доносилось скрипучее дыхание. Я не сразу пришла в себя, но я видела, как *оно* подошло к нам – и наклонилось над тобой. Тварь приблизила глаз к твоему лицу и обхватила тебя своими клешнями. Сознание возвращалось ко мне, и я почувствовала страх. Боясь пошевелиться, я мысленно искала способ отогнать её от тебя, а между тем оно приподняло тебя и прижало к себе. И тогда я увидела, как из его огромного глаза начала капать прямо тебе на лицо какая-то жидкость, а из щели в шее существа донеслись тихие протяжные стоны и всхлипывания, как если бы оно *плакало*... Я толкнула ногой Манфу, он вскочил на ноги. Тварь взвизгнула и отшатнулась, но тебя не выпустила. Манфу, надо отдать ему должное, повёл себя очень решительно. Он поднял сидение, а эти колоды довольно тяжёлые, и ударил тварь прямо по глазу. Тогда она выпустила тебя из лап, схватилась клешнями за глаз и тонким голосом завывала. Я подумала, что оно боялось нас ещё больше, чем мы – его... Оно кинулось прочь, а Манфу бежал за ним с этим стулом... и при каждой возможности колотил тварь, пока она не выпрыгнула обратно в дверь. После этого мы уже не могли уснуть. Слышно было, как кто-то скребётся за стенами, и я прошлась по всем комнатам, проверила, закрыты ли окна. Мы забаррикадировали дверь столом и шкафом. Никто не ломился внутрь, но были слышны стоны этой твари, очень жалобные... наверное, ей было больно, ведь Манфу так сильно ударил её... Потом мы назначили дежурства. А ещё спустя часов пятнадцать всё изменилось, хаос за окнами пропал в один миг, и мир вернул прежние очертания.

– Син Чен, у тебя по-настоящему доброе сердце, – попытался улыбнуться я, хотя мурашки забегали по моей спине после этого рассказа о том, как какое-то чудовище прикасалось ко мне спящему и плакало надо мной. – Ты даже к демонам способна проявить участие... Но скажи мне, Хуршид, Чуань Дзон, Тянь Ся... я помню, что они мертвы, но не хочу в это верить. Что с ними?

– Аньпин, – простонала Син Чен, и из её чёрных глаз потекли слезы. – То, что ты помнишь о наших друзьях... это всё правда. Хуршид погиб, Тянь Ся умерла, когда ты закончил тот рисунок со звёздами. И только Чуань Дзон... Он вернулся в дом после того, как рассеялась иллюзия. Но его разум... он постоянно молчит и плачет, ничего не говорит. Он почти не ест и не спит, только сидит в своей комнате и качается из стороны в сторону, уставившись в пространство, а у самого всё лицо в слезах. Он сошёл с ума, Аньпин. Не знаю, где он был всё это время, что он делал и что он видел, когда на нас обрушилось заклятие стража. По крайней мере, он жив.

Холодные щупальца отчаяния сжали мой затылок, когда я услышал слова Син Чен. Хуршид и Тянь Ся были по-настоящему мертвы, а значит, всё, что я помнил, было правдой...

– Где тело Хуршида? – отрывисто спросил я.

– Оно... – замялась Син Чен, – всё ещё в озере, я полагаю. Мы не решались отходить от дома, пока ты спал. Мы не могли оставлять тебя в одиночестве, а поодиночке нам было просто страшно. Видишь ли, мы практически переехали в твою комнату, – Син Чен кивнула на лежащие на полу матрасы и одеяла, которые я только сейчас заметил. – Спали по очереди, готовили еду по очереди – очень быстро, и постоянно перекликались. Мы не знали, что ещё может произойти во время твоего сна. А Тянь Ся... зима подходит к концу, погода солнечная, днём бывает очень тепло. Мы вынесли её во двор и накрыли одеялами, чтобы... не так чувствовался запах. Её надо похоронить, но мы и это боялись сделать, потому что не знали, какие последствия могут быть. Мы боялись всего. Но теперь, когда ты проснулся, всё будет иначе. Я рада, Аньпин, ты даже не представляешь, насколько я рада тебе! Ты такой молодец, ты справился, ты победил.

Я выдавил улыбку, но радости не ощущал, только усталость и голод. Кажется, я хотел спросить о чём-то ещё, но в этот момент вернулся Манфу с подносом, на котором дымилась огромная миска с китайскими пельменями, а рядом стояла чашка чая.

– Откуда это? – спросил я, втягивая травяной аромат напитка.

– Вот, на кухне нашёлся ромашковый чай с сушёной земляникой, – пожал плечами Манфу. – Я и не знал, что он у нас есть. Лицзянский, наверное. Кто-то из гостей привёз. Вы ведь такое пьёте у себя в России?

2

Светило по-весеннему яркое солнце, и моя рубашка, несмотря на прохладный горный ветерок, прилипла к телу от пота, когда мы втроём копали могилы на горном склоне. Две ямы для двух тел. Это было буддийское кладбище, но выбора не было, на весеннем солнце тела начали разлагаться. Они лежали неподалёку от нас, завёрнутые в простыни, и ветер то и дело доносил трупный запах.

Я не хочу описывать, как мы вытаскивали труп Хуршида из озера и на что стало похоже его тело, пролежав так долго в воде. Не хочу оскорблять светлую память о моём друге ужасным образом его телесной оболочки, который до сих пор стоит перед моими глазами... Не буду описывать и тело Тянь Ся, лежавшее рядом с иранцем, который, в сущности, погиб по её вине. Тянь Ся, конечно, считала себя исключительным человеком, но её тело издавало вполне типичный запах. Смерть уравнивает поэтов, духовидцев и обывателей.

Наши мертвецы не были святыми, их тела не приобрели чудесных свойств.

Солнце палило беспощадно, но стоило нам опустить тела в могилы, как неожиданно набежали облака, подул холодный ветер, прыснула ледяная изморось. Мы торопливо стали забрасывать неглубокие ямы землёй и щебёнкой. После этого настала черед крупных камней, которые мы сложили над могилами в виде маленьких курганов, защищая усопших от собак и стервятников.

Во время работы мы, по большей части, молчали. И если я и Манфу порою перекидывались парой слов, то Син Чен хранила полное безмолвие. Затем Манфу неловко и с запинками прочитал какую-то буддийскую молитву, с трудом силился вспомнить, как она заканчивается, и в результате пробормотал то что знал: «*Ом-мане-надме-хум*» и «*Эмитуофо*». Я дождался, когда он закончит, и, подогреваемый чувством катастрофической необходимости, громко по-русски прочитал «Отче наш». Думаю, и Манфу, и я в нашей попытке обратиться к Божественному началу, вряд ли нашли бы одобрение усопших, в равной степени далёких как от буддизма, так и от христианства. И всё же вспомнить молитвы было как-то правильно, что ли...

Син Чен, казалось, проигнорировала все наши неловкие литании, и лишь когда мы оба замолкли, она, тряхнув головой, сказала:

– Я дозвонилась до Вана Юпина.

Наши взгляды моментально сосредоточились на ней.

– Он... в курсе? – спросил Манфу.

– Я изложила ему самую суть, не вдаваясь в подробности, – глядя себе под ноги, безжизненным голосом ответила Син Чен. – Он знает теперь, что у нас тут два мертвеца, один из которых иностранец, и ещё есть один сумасшедший. А также один русский, к счастью, живой. Я сказала, что мы вынуждены захоронить тела. Он реалист, очень конкретный человек, и он не потребовал от меня сиюминутных объяснений. Он сказал, что уладит вопросы по поводу смерти Хуршида. Насчёт Тянь Ся проблем быть не должно, разве что в плане её наследства, если там что-то ещё осталось... А Аньпин... никто не в курсе, что он здесь был, и афишировать этот момент мы тоже не будем, благо ничего страшного с ним не случилось.

– Ван Юпин всегда восхищал меня способностью разруливать сложные ситуации, – отметил Манфу, почесав всклокоченную бороду, утратившую за минувшие дни форму аккуратного конуса. – Но нам всё равно придётся как-то объясняться перед ним. Ладно, это уже другая история, подумаем на досуге... Юпин не сказал, когда он собирается сюда приехать?

– Скоро, – ответила Син Чен. – Или не приедет вообще... И, возможно, нам ничего не придётся объяснять. Он сказал, что дом продан. Сделка была заключена на днях, но он не мог до нас дозвониться. Может быть, ему понадобились деньги, я не знаю. Он ничего не объяснил. Мы должны сделать тут уборку, забрать кое-какие вещи и... покинуть это место. К приезду новых владельцев нас тут не должно быть. Мы уже два дня как официально уволены. Он перечислил нам на счета какие-то деньги, судя по всему, значительные суммы. И просил исполнить его пожелания как можно быстрее. Как мне показалось, после того, что я ему сообщила, он вообще не хочет с нами общаться. Не то чтобы он разозлился – мне кажется, он ожидал каких-то неприятностей напоследок, поэтому он лишь тяжело вздохнул... и сказал, что всё решит сам. Но нам надо уходить.

– Что, взять и уйти? – опешил Манфу. – Оставим дом, оставим... *всё?*

– Наверное, так будет лучше, – отрешённо сказала Син Чен. – Мы здесь всё равно бесполезны. Мы ничего не смогли узнать об этом месте, мы не стали хорошими художниками и поэтами... Быть может, новые хозяева будут умнее. Быть может, дом раскроет перед ними свои тайны. Мы потерпели неудачу, двое погибли, третий сошёл с ума. Хватит играть с тем, что мы не в состоянии понять. Мы оставим все наши записи в доме и забудем об этом месте как о страшном сне.

Я почувствовал, что должен что-то сказать.

– Не думаю, что всё было напрасно. Вы же сами говорили, никто не оказывается здесь случайно. По крайней мере, мы смогли противостоять тем силам, которые призвала Тянь Ся. Кто знает, что бы было, если бы здесь не было нас? То, что я пережил в этом доме, наполняет меня ужасом, печалью и... восторгом. Потому что это место – *чудесно*. И все чудовища, с которыми мы столкнулись, были порождениями нашей человеческой природы, нашего разума, в котором слишком сильно влияние стражей; но я ни на секунду не сомневаюсь, что сама Дорога Ангелов неизменно добра к нам. Благодаря этому месту я прикоснулся к тайне тайн, я излечил рану, о которой успел забыть...

Моя сбивчивая речь заставила Син Чен грустно улыбнуться и кивнуть. Манфу обнял меня за плечи и сказал:

– По правде говоря, я не устаю восхвалять судьбу, которая свела нас. Тот самый пресловутый китайский *юэн-фэнь*, или *кысмет*, как, помнится, называл Хуршид ситуацию неслучайной встречи... Если бы не ты, я не знаю, чем бы всё обернулось. Ты стал ключевой фигурой в том, что происходило здесь, и, думаю, никто бы не справился с задачей лучше, чем ты, сынок.

Мне было приятно, хотя созерцание печальной могилы Хуршида сжимало сердце. Я мысленно пообещал себе когда-нибудь снова вернуться сюда и привести муллу, чтобы тот

сделал всё необходимое, а душа Хуршида могла услышать привычные ей слова мусульманских молитв.

– Скажите, – обратился я сразу к Син Чен и Манфу. Оба обернулись. – Что вы ощущаете... после пережитого? Вы ещё чувствуете тягу к творчеству?

Мой вопрос долго не находил ответа. Мои друзья хмуро смотрели в землю, будто оба прислушивались к себе. Наконец Син Чен сказала:

– Я поняла, что это не мой путь. Творчество оставило меня, и надеюсь, что этот соблазн уже не вернётся ко мне... Я постараюсь быть простым и хорошим человеком. Я буду заботиться о больных и, может быть, вернусь к преподаванию в начальной школе... Я ведь учитель по основной специальности.

– Я тоже не чувствую тяги к каллиграфии, – признался Манфу. – Но, думаю, в этом вина того потрясения, которое мы здесь пережили. Я бы хотел продолжать свои занятия, несмотря на то, что прекрасно осознаю свою бездарность. Но я не мечтаю в знаменитости, моя задача – преподавание, а не искусство. Каллиграфия приятна, это моё хобби. Думаю, я смогу писать и на удалении от этого места. Это не так важно. Главное, здесь я близко познакомился с таким замечательным парнем, как Аньпин.

Я кивнул головой, выражая взаимность.

– Я тоже не думаю, что буду рисовать... А может быть, буду. Я пока не знаю. Тот творческий экстаз, который захватил меня здесь, прошёл. Наверное, Дорога Ангелов даёт нам передышку и возможность трезво оценить реальный мир... И спокойно похоронить погибших.

Мы вновь погрузились в молчание. Дождь стал слабеть, но на ветру было холодно, и я слышал, как стучат мои зубы и зубы моих друзей. Мы выбрали лопаты, стёрли с них грязь клочками вялой зимней травы и направились к дому. Небо темнело, день подходил к концу.

Это была наша последняя ночь в доме.

3

Утомлённый вчерашними похоронами, я проспал до обеда. Лёжа в кровати с закрытыми глазами, я размышлял о том, стоит ли мне прямо сейчас укладывать вещи, и пришёл к решению спуститься вниз с уже собранным рюкзаком. На сборы не ушло много времени, и через полчаса я в полной готовности был внизу.

Син Чен и Манфу сидели за столом, пили чай и о чём-то беседовали. Заметив меня, они обернулись и предложили присоединиться к ним.

– Собрался? – улыбнулся Манфу, кивнув на мой рюкзак. – Видимо, пришло время прощаться...

– Да, – ответил я. – Сегодня я поеду в Шанхай... Моя виза просрочена, и мне придётся как-то объясняться с таможенниками, но, надеюсь, всё обойдётся.

– Мы купим тебе билет на самолёт до Шанхая и из Шанхая в Россию, – безапелляционным тоном заявила Син Чен. Манфу добавил, что довезёт меня до аэропорта в городе Куньмине, столице провинции Юньнань.

– Позволь нам как-то тебя отблагодарить и засвидетельствовать свою дружбу, сынок, – сказал японец. – Поверь, это не так много. И мы не будем в накладе. Ван Юпин, судя по всему, перечислил на наши счета значительные средства. Думаю, ты тоже имеешь право воспользоваться этими деньгами, чтобы добраться до родины.

Спорить было бессмысленно. Мне была очень дорога забота друзей, да и покинуть Китай нужно было как можно быстрее, а в сжатые сроки купить относительно недорогие билеты просто нереально, да и вопрос с заблокированной банковской карточкой оставался открытым, поэтому помощь была весьма кстати.

Попив ромашкового чаю, мы приступили к нашему последнему обеду в доме. Всем сегодня было некогда, и мы ели наспех сваренные пельмени. После обеда мне было приказано ждать, а сами хозяева приступили к последним приготовлениям. Я заметил, что

свои работы, созданные в доме, они не собираются брать с собой, и мотивы этого решения были мне понятны... Я тоже не взял ни одного рисунка, тем более что все они были испорчены намалёванным на них образом стража. Единственная не пострадавшая картина – та, которую я нарисовал самой первой, – находилась в комнате Хуршида, куда он отнёс её после того, как принял в дар. Но искать её среди личных вещей иранца казалось мне кощунством. Я совсем не скучал по той картине и с лёгкостью смирился с тем, что никогда её больше не увижу. Но я забрал автограф стихотворения Хуршида – когда-нибудь я выучу персидский и смогу его перевести, – а также каллиграфию 精气神, которую на моих глазах создал Манфу. К сожалению, та картина, которую я нарисовал перед смертью Хуршида – та самая, с красным цветком, – исчезла. Я так и не смог её отыскать, и до сих пор сомневаюсь, не был ли сам процесс её создания каким-то ложным воспоминанием, предвосхитившим мою сомнамбулическую встречу с цветком моей души...

Последним вниз спустился Чуань Дзон. Его вела за руку Син Чен, и китаец покорно следовал за ней. Его лицо было бледно, из глаз струились мутные слёзы. Он был очень тих и послушен, мышцы лица расслаблены, но взгляд его отрешённо смотрел сквозь окружающие его предметы, и я сомневался в том, что он осознаёт происходящее вокруг. Манфу подхватил сумки с какими-то личными вещами, которые мои друзья собирались забрать с собой; я надел на плечи рюкзак, и наша маленькая процессия медленно покинула дом.

Бросив прощальный взгляд на наш лесной терем, казавшийся теперь таким одиноким, мы миновали двор и тростниковые заросли с деревянными табличками, прошли через сосновый лес и мимо сторожки, в которой на этот раз никого не было. Через полчаса мы вышли на дорогу, ведущую к станции подъёмника. Светило солнце, сквозь прошлогоднюю листву прорастала трава новой весны, воздух был прозрачен, влажен и лёгок. Время от времени нам встречались маленькие группы туристов, и это было так неожиданно – впервые за минувшие недели увидеть лица других людей... Настоящие, живые лица.

Дорога огибала горные склоны. Порою попадались участки, где не было туристов, и мы шли в одиночестве, не произнося ни слова, потому что каждый молча прощался с этим местом, и даже лицо Чуань Дзона приобрело более осмысленное выражение. Следуя по дороге в окружении друзей, я старался дышать полной грудью, принимая в себя влажную, смолистую свежесть горного воздуха. Ноги несли меня вперёд, по правую руку был горный склон, по левую – обрыв, густо поросший можжевельным лесом, и весеннее солнце протягивало сквозь ветви деревьев ослепительные лучи. Сладостное, томящее чувство просыпалось в груди, будто окружающий мир незримо прикасался к моей душе добрыми тёплыми руками, гладил и убаюкивал; и тогда казалось, что лучи солнца – это отблески незримого огненного столпа, пронзающего Землю насквозь, а маленькие прозрачные провожатые вновь следуют рядом, с хрустальным щебетом играя у моих ног. Солнечный свет теплом оседал на левой руке, будто прикосновение невидимых женских пальцев.

4

Я часто думаю о том, что произошло в том доме, пытаюсь понять, почему именно мы оказались в эпицентре этих событий, почему погиб Хуршид и сошёл с ума Чуань Дзон... Мне трудно с уверенностью сказать, что изменилось во мне после пережитого и что я понял во всей этой истории. Я никогда не вникал в хитросплетения оккультных учений, да и творчество всегда казалось мне чем-то запредельным. И всё чаще мне кажется, что мой «управляемый сон» был только сном, а никаким не откровением.

Но, наверное, мои друзья правы, никто не оказывался в горном тереме случайно – по крайней мере, когда в нём жила Тянь Ся... Да и Бог, как поговаривают верующие, даёт нам лишь те испытания, к которым мы готовы, а мир погружает нас в ситуации, которые заранее выбрала наша душа. Я не верю в судьбу, я верю только в людей, в их поступки и решения. Я верю в магию встреч и случайных знакомств, самую чудесную и достоверную магию в

мире. И я верю в то, что незримый мир, сокрытый в каждом из нас, имеет смысл только тогда, когда соприкасается с мирами других людей, и в момент этой встречи картина проясняется, люди улыбаются друг другу, и силовое поле Земли, *Дорога Ангелов*, проходит сквозь нас.

Приложение 12

Два листа формата А 4, на обеих сторонах распечатаны скриншоты переписки в программе WeChat (кит. 微信). Печать выполнена на плохом картридже, через всю переписку проходят бледные линии, которые при рассмотрении через лупу складываются в вереницы звёзд и полумесяцев. Листы сложены вдвое. Между страницами лежат шесть мелких цветков засушенной ромашки и три засушенные ягоды земляники.

Переписка на китайском языке (упрощённые иероглифы), ниже приводится перевод.

Манфу

Сын

Аньпин

Здравствуй, папа

Манфу

Когда наведишь старика?

Аньпин

Меня ещё три года в Китай не пустят из-за просроченной визы :(
Да и денег пока нет

Манфу

Папа тебе билеты купит, если надо.

Почему денег нет? Россия перестала производить оружие?

Аньпин

Оружия хватает.

Я с завода ушёл, занимаюсь переводами, чтобы язык не забыть...

Манфу

Чаще общайся со своим стариком, и всё будет в порядке.

Займись международной коммерцией, будут и деньги.

Аньпин

Ага, и в офисе от заката до рассвета штаны просиживать? Нет уж, спасибо.

Манфу

Жениться не надумал?

Аньпин

Появился интересный вариант, но мы пока присматриваемся друг к другу.
Зовут Марина

Манфу

Ты имя неправильно написал. Там к первому иероглифу ключ «король» надо добавить, а то у тебя «лошадь» получилась. Девушка – это хорошо. Только не затягивай, а то уведут.

Аньпин

Уведут – значит, не судьба. Переживу ☺

Лучше расскажи, что нового. Син Чен мне уже полгода не пишет, занята, наверное...

Манфу

Она же устроилась в дом престарелых сиделкой-медсестрой. В Дали, я к ней ездил месяц назад в гости. Сейчас у неё появился кавалер, обеспеченный мужчина лет сорока, сын одного из её подопечных как раз.

Он всё в командировках пропадал, а тут, похоже, решил вернуться к оседлому существованию, так что, возможно, они в скором времени поженятся.

Аньпин

Шикарная новость! Жаль, я на их свадьбе не погуляю...

Манфу

Я тебе видеовызов сделаю. Если они меня пригласят, конечно! ☺

Аньпин

Как уж не пригласят-то! Споёшь им там пару куплетов из «Поклонника персикового цвета»... Дзон по-прежнему в больнице?

Манфу

Да, это уже навсегда, наверное. Я как-то говорил с его врачом, диагноз они точный так и не поставили, склоняются к шизофрении. Он как молчал, так и молчит. Корчит рожи перед всеми отражающими поверхностями, а потом старается стереть рукой своё отражение. Ну, по крайней мере, господин Чуань сам в состоянии оплатить своё содержание, хотя все формальности, конечно, помогала уладить Син Чен...

Аньпин

Печально

Манфу

Да, печально. Кстати, у меня тут фотографии есть на старом телефоне, я тебе их скину, как только смогу их оттуда извлечь... Я же снова поднимался в горы Цан и мельком, издалека видел дом. Охрана там сменилась, поставили заборы, так просто не пройдёшь... Делают там сейчас дорогу прямо до двери, тростник вырубил, лес прочистили, разбили сад. Я в Шанхайском метро уже видел рекламу Дома весеннего снега, но там на картинке наш терем выглядел совсем по-другому. Похоже, реконструкцию затеяли, увеличат количество комнат и этажей, улучшат инфраструктуру... Взались за домик-то, одним словом. С охранником перекинулись парой слов. Он говорит, туристов будут пускать на территорию по билетам, а на верхнем этаже сделают кафе и смотровую площадку рассветы встречать. Будет очередная достопримечательность, даже обидно немного. Словно бы все чудеса закончились со смертью *вуло*. О судьбе журнала, который мы вели, ничего не известно. Сильно подозреваю, что новые хозяева даже не удосужились в него заглянуть и забросили куда-нибудь в кладовку вместе с картинами и нотами, оставшимися в доме. Или попросту выкинули.

Аньпин

Но ведь будут приходить люди, они не могут не ощутить странность этого места. Особенно те, кто останутся там в номерах...

Манфу

Да кто их знает? Обожрутся, утомятся, что угодно мимо пропустят...

Аньпин

Но мы-то ведь не пропустили! Хотя... Я вспоминаю твою каллиграфию, которую видел в доме, и сравниваю её с фотографиями твоих последних работ, которые ты мне периодически высылаешь. Так я не только не вижу отличий, но и последние работы мне нравятся даже больше! Получается, не всё зависит от силового поля, усердие и профессионализм дают результаты не хуже!

Манфу

Спасибо, сынок, ты мне льстишь... Но я и правда много упражняюсь, купил себе новый набор кистей и чернильницу из резного камня в мастерской около Тунси. Я убеждён, только удовольствие, которое получает художник от своей работы, является подлинной мерой его таланта, а труд и регулярные упражнения ведут к мастерству. Одарённость – это только предрасположенность... Труд превращает железный прут в иглу, как говорят китайцы.

Аньпин

Это верно. А я дневник о наших приключениях закончил, последние записи внёс.

Манфу

Так это уже не дневник, а мемуары, получается. Времени-то прошло – скоро уж год будет. Ну всё равно, молодец, сын! Ты бы по-китайски писал, что ли. А то я ведь по-русски ни слова не пойму, а хотелось бы прочитать...

Аньпин

Там слишком много личного. Даже папе не всё следует знать о своём сыне.

Манфу

Как скажешь...

Аньпин

Это ещё не всё.

Манфу

?

Аньпин

Я сегодня тебе по почте этот дневник отправлю. Со всеми ошибками, описками, вложениями, дополнениями... Всё как есть.

Манфу

???!!!

Аньпин

Кому же ещё, как не тебе? Ты его сохрани. Я уверен, он ещё пригодится. Я буду недоступен какое-то время, еду в один монастырь в Великий Новгород. Красивое место на берегу озера. Такая Древняя Русь, судя по фотографиям... Хочу там пожить, привести мысли в порядок, так сказать.

После этого и жениться можно будет, если Маринка меня дождётся 😊

Манфу

Папа в шоке. Ты же знаешь, я как-то не очень с религией... Ты что же, монахом стать надумал?

Аньпин

Нет-нет, что ты! Просто пожить, как турист, скорее... Может быть, работу какую-то дадут. Дрова им колоть буду. Физический труд облагораживает.

Манфу

Так. Ясно. Ну а с дневником твоим что прикажешь делать?

Аньпин

Ну вот ты же с молодёжью работаешь, в том числе с иностранцами. Будет у тебя, к примеру, ещё один сын из России, так ты ему отдай почитать.

Манфу

Такого, как ты, не будет!

Аньпин

Кто знает? Мне кажется, кому-то мой дневник может пригодиться. Я так подумал, ну кто приезжает в Китай из России? Помимо тех, кто хочет денег заработать, конечно... Искатели приключений, наверное. Со своими переживаниями, разочарованиями... Для них поездка в Китай – это бегство от обыденности. Сначала они едут в экзотическую страну, потом ещё куда-то, а потом понимают, что по-настоящему укрыться от скуки можно только внутри себя самого. И не обязательно выпадать из реальности. Просто узнаёшь, что внутри у тебя – целый мир... Но чтобы черпать оттуда силы, нужно навести там порядок. Вот этому может научить мой дневник, пожалуй.

Манфу

Интересная точка зрения. Продолжай

Аньпин

А для меня самого это уже завершённая работа. Не хочу ничего менять, перечитывать, ворошить письма... Там ведь письма есть всякие, я их когда-то заклеивал между страницами как напоминание для себя самого в будущем. Так и не вскрыл. Мне это больше не нужно. Всё, что мне надо, есть у меня в голове. А этот дневник... слишком много там всего. Его нельзя перечитывать. Прочитал – передай другому. А то останется в памяти не то, что нужно...

Манфу

Как это?

Аньпин

Я тут в Москву ездил недавно. Всегда любил около Кремля гулять. А теперь избегаю людных мест. Там толпы китайских туристов у нас, и я... Конечно, всё это бред... но я был там, и мне всё казалось, что в гуще китайских лиц, за линзами огромных объективов, нет да и мелькнёт размытое лицо Вана Юпина. Мой дневник принадлежит Китаю, пусть пока там и останется...

Манфу

Сын, ты ведь не всё рассказал мне. Про тот случай гипноза в прошлом, про какие-то твои проблемы...

Аньпин

Да нечего особенно рассказывать. У меня была девушка. Невеста. Два года назад она умерла. И я как будто бы умер вместе с ней. Врач хотел мне помочь, но гипноз – это очень тонкая материя... Я как будто забыл об этом, но в Китае вспомнил, во время «управляемого сна». Больше не забуду. Я буду молиться о ней каждый день.

Манфу

Понятно

Аньпин

Да, ещё вот что. Там в самом конце дневника, под задней обложкой, есть одна вещь... Я её плохо закрепил, боюсь, как бы не выпала. Это настоящее чудо, папа. Ты проверь, чтобы всё осталось на месте.

Манфу

Хорошо, будет сделано.

Аньпин

Да, спасибо. Тебе через недельку где-то курьер посылку принесёт. Там ещё российский шоколад для тебя, его необходимо съесть.

Манфу

ОК. Премного благодарен, дорогой.

Аньпин

Тебе спасибо!

Манфу

Будь здоров. Береги себя.

Аньпин

Ты тоже. Обнимаю. Пока!

Приложение 13

В конце дневника, между вложенными распечатками диалога (Приложение 12) и задней корочкой лежит локон волнистых волос светлого цвета, перевязанный красной лентой. Длина локона примерно 15 см, толщина – с мизинец.

КОНЕЦ ДНЕВНИКА

В оформлении обложки использована художественная работа Алёны Алексеевны Атамановой, выполненная специально для романа «Китайский дневник».